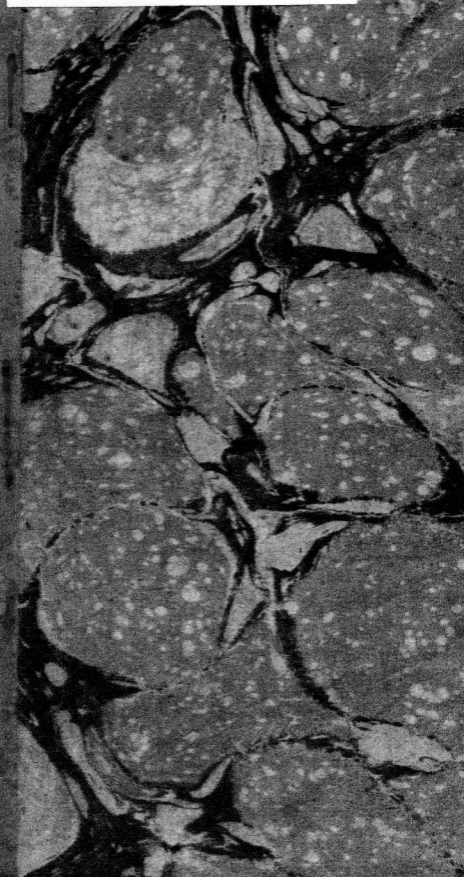

A 160395.

BIBLIOTHÈQUE

DU

PRINCE E. LWOFF.

Ann. 20

Ray. 8

N° 24

БИБЛІОТЕКА

ИМПЕРАТОРСКАГО университета

Св. Владиміра.

БИБЛІОТЕКА ГЕН.-АДЪЮТАНТА

Дмитрія Гавриловича

БИБИКОВА,

пожертвованная Университету

его дочерью,

ГРАФИНЕЮ КАССИНИ

въ 1898 г.

№ 2125.

м. Ад-гасо Непсоды
Игу

В. Шанк.

№. н. Демарсб.

В. А. Дурны

ПИСЬМА

РУСКАГО ОФИЦЕРА.

160395

AMERICAN
STATE OF CALIFORNIA

ПИСЬМА РУСКАГО ОФИЦЕРА

О

ПОЛЬШЬ, АВСТРІЙСКИХЪ ВЛА-
ДѢНІЯХЪ, ПРУССІИ и ФРАНЦІИ;

СЪ

ПОДРОБНЫМЪ ОПИСАНИЕМЪ ПОХОДА
РОССІЯНЪ ПРОТИВУ ФРАНЦУЗОВЪ, ВЪ
1805 и 1806,

ТАКЖЕ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАГРАНИЧНОЙ ВОЙ-
НЫ СЪ 1812 ПО 1815 ГОДЪ.

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ
ЗАМѢЧАНІЙ, МЫСЛЕЙ И РАЗСУЖДЕНІЙ
ВО ВРЕМЯ ПОѢЗДКИ ВЪ НѢКОТОРЫЯ
ОПЕЧЕСТВЕННЫЯ ГУБЕРНІИ.

ПИСАНЫ

ФЕДОРОМЪ ГЛИНКОЮ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1815.

✓

Печаташь дозволяется съ шѣмъ, что-
бы по отпечатаніи, до выпуска въ про-
дажу, предсавлены были въ Ценсур-
ный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей
книги для Ценсурнаго Комитета, дру-
гой для Департамента Министерства
Народнаго Просвѣщенія, два экзempla-
ра для Императорской публичной би-
бліотеки и одинъ для Императорской
Академіи Наукъ. — Книгу сію читалъ
Ординарный Профессоръ

Никифоръ Черелановъ.

555097

ПИСЬМА
РУСКАГО ОФИЦЕРА
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,
содержащая въ себѣ:

ОПИСАНІЕ ПОХОДА ПРОТИВУ ФРАН-
ЦУЗОВЪ ВЪ 1805 ГОДУ ВЪ АВСТРИИ.

БРАТУ МОЕМУ,
СЕРГЬЮ НИКОЛАЕВИЧУ,
ИЗДАТЕЛЮ РУСКАГО ВЪСТНИКА.

Давно еще Плушархъ, межъ му-
дрыми избранный,
Сказалъ, что братъ есть другъ, При-
родою намъ данный;
Съ восторгомъ примѣнилъ я рѣчь сію
къ себѣ,
Какъ друга нѣжнаго нашелъ, мой
братъ, въ тебѣ.
Отъ юныхъ лѣтъ съ родной разстав-
шись я спраною,
Лишась родителей, жилъ въ свѣтѣ
сирошю;
Тогда дѣлили насъ далекіе края;
Черезъ бури міра мчалъ вихрь случаевъ
меня

Но Бога наконецъ благова провидѣнье,
 Въ тебѣ сладчайшее дало мнѣ утѣ-
 шенье.

Прошла разлука, мы увидясь въ тѣхъ
 мѣстахъ,
 Гдѣ родшихъ насъ на свѣтѣ сокрывъ
 священный прахъ;
 Гдѣ прежде только насъ родства спря-
 гали узы,
 Мы заключили шамъ нѣжнѣйшіе со-
 юзы :

Союзы дружества и брагскія любви.
 И шакъ, мой братъ и другъ, сей сла-
 бый шрудъ прими:
 Героевъ Рускихъ въ немъ увидишь пы-
 дѣнья;
 Проси, что не явилъ всей славы ихъ
 сіянья!
 Не могъ неопытнымъ и слабымъ я
 перомъ
 Изобразить, какъ Россѣ бросалъ на
 Галловъ громъ,
 И ясно показашъ всѣ подвиги геройски:
 Когда полки орловъ иль храбры Рос-
 ски войски,

По мановенію Монарха ихъ лешя,
 Зря тысячи смершей, шруды и гладъ
 шерня,
 Но духомъ мужесшва Славянска укрѣ-
 пленны,
 Пославили шамъ грудь, гдѣ пали
 шверды стѣны! —
 И страны, гдѣ сшупилъ пяшой своей
 колоссъ,
 Отъ ига свободивъ, поборникъ сла-
 быхъ Россъ;
 Разшоргнулъ цѣпи шѣ, въ которыхы
 держава,
 О коей завсегда гремѣла въ мірѣ слава,
 Любимцемъ щасшя была заключена.
 О Россъ, Имперія шобой освобождена!
 Но я не могъ явить и шѣни здѣсь ге-
 роиства. —
 Еще я описалъ народовъ, разныхъ
 свойства,
 И дружбѣ на олшарь сей шрудъ мой
 приношу;
 Въ награду за него ее одной прошу —

„Всѣ сшрасши пагубны!“ гласѣ муд-
 рыхъ намѣ вѣщаешѣ.
 Любовь, какѣ говорятѣ, отправу въ
 грудь вливаетѣ;
 Любовь виновницей бываетѣ скорбей,
 слезѣ;
 Но дружба сладосшна, она есть дарѣ
 небесѣ!...
 И такѣ прими мой шрудѣ ты, сынѣ и
 другѣ Россіи,
 Онѣ слабѣ;— но ты въ немѣ зри на-
 мѣренья благіи:
 Въ немѣ подвиги явишь хотѣль я со-
 гражданѣ;
 Мила о Россакѣ вѣсть для вѣрныхъ
 Россіянѣ.

1807 года,
 Февраля 6,
 въ Москвѣ.

Усердный братѣ
 Федорѣ Глинка.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Письма:	Стран.
1. Къ другу моему.	1
2. Мѣстечко Крупчицы.	3
4. Вольной городъ Броды	6
5. Село Михаловцы	7
6. Замокъ въ Подгорцахъ.	9
7. Мѣстечко Злочевъ	19
8. Въ Крешовицахъ.	20
11. Городъ Кол-варія.	48
12. Ебершъ - бергъ, въ Верхней Австріи.	53
Военныя записки: Браунау.	58
Городъ Кремсъ.	63
Сраженіе при Амштетенѣ.	75
Сраженіе при Кремсѣ.	84
Подъ Ольмуцемъ.	95
Вѣдствія войны.	109
Миръ.	111
Венгрія.	112
Словаки.	120
Венгерскія женщины.	124
О Венгерскомъ языкѣ.	126
О походахъ Венгерскихъ женщинъ.	129
Каминъ.	132
Взоръ на берегахъ Вага.	133
Состраданіе.	136
Добрая Государыня.	139
О замкахъ.	142

Венгерскія горы.	144
Городъ Эперіешъ.	149
Пещера въ Акшелекъ.	152
Городъ Кошау.	166
Чудной источникъ.	167
Городъ Бардфельдъ.	168
Прощаніе съ Венгрією.	170
Мѣстечко Диновъ.	171
Нѣмецкіе крестьяне.	174
Крестьяне въ Галиціи.	178
Предразсудокъ.	184
Городъ Львовъ.	186
Почта.	187
О Евреяхъ въ Галиціи.	189
Шоссе.	193
Кращкое замѣчаніе о шактикѣ Французовъ.	194
О стрѣлкахъ.	206
Заключеніе.	311
Описаніе сада Софїевки.	213
Заключеніе П. Р. О. къ другу	225
Смерть Графа Головкина.	231
Сраженіе подъ Амшпешеномъ.	233
Сказаніе о Амшпешинскомъ дѣлѣ.	235
Полковникъ.	236
Порушчикъ.	237
Сраженіе подъ Кремсомъ.	263

П И С Ь М А

РУСКАГО ОФИЦЕРА.

КЪ ДРУГУ МОЕМУ.

П И С Ь М О I.

Чувствительный путешественник Спернъ, въ предисловіи своемъ, разсуждая о причинахъ, побуждающихъ людей къ путешествіямъ, раздѣляетъ всѣхъ путешественниковъ на разные роды. Онъ называетъ ихъ: 1. праздными, 2. любопытными, 3. лживыми, 4. гордыми, 5. пусыми, 6. мрачными. Чистая сіе, я не могъ причислить себя ни къ одному изъ сихъ отдѣленій; ибо путешествовалъ

по обязанности, а не отъ праздности или пущаго любопытства. Служа въ полку адъютантомъ, я старался воспользоваться нѣкоторыми свободными минутами, которыя могъ похищать отъ моей должности, и въ сіи-то минуты, часто на голомъ полѣ или въ черныхъ Мазурскихъ избахъ, писалъ къ тебѣ, любезный другъ. Теперь предлагаю весь вѣденной мною журналъ; одна часть его въ видѣ писемъ, другая въ разказахъ и замѣчаніяхъ; разнообразіе сіе не вредитъ порядку. Здѣсь найдешь ты во первыхъ изображеніе всѣхъ военныхъ происшествій и многихъ геройскихъ дѣяній Россіянъ; потомъ описаніе о нравахъ, обычаяхъ народовъ и о прочихъ любопытныхъ вещахъ, замѣченныхъ мною мимоходомъ. Что касается до слога, то я не старался, а, можешь быть, и не могъ сдѣлать его вишневашымъ и кудреватымъ; я желалъ одного, чтобы

всѣ повѣспованія мои оплнчались
 проспошою и испинною.— (*) —

ПИСЬМО II.

Мѣсяць Августъ, 15 числа, 1805,
 Мѣстечко Крупчицы.

Сего дня пришли мы въ Круп-
 чицы, мѣстечко, пожалованное
 вмѣстѣ съ многими другими имѣ-
 ніями, блаженной памяти Импе-
 ратрицею Екатериною II Гене-

(*) И теперь, при вторичномъ изданіи
 сихъ писемъ я почти не касал-
 ся слога. Обязанности по служ-
 бѣ и заботы по жизни опъемлюшъ
 у меня весь досугъ; а при томъ и
 самая разнообразность слога, въ
 книгахъ моихъ, показывая, какъ съ
 лѣтами и опытносною измѣняет-
 ся образъ мыслей и выраженій, по-
 служивъ нѣкошорымъ поученіемъ
 для начинающихъ писать.

ралу Игельшпрому. Въ трехъ вер-
 шахъ отъ насъ Радзивиловъ, гдѣ
 содержишя шаможня съ Россій-
 ской и Авспрійской спороны. Тамъ
 завпрешнй день должны мы бу-
 демъ перейши за границу и ра-
 спашься съ Россією надолго; а нѣ-
 копорые изъ насъ, можешъ бышь,
 и никогда уже не увидяшъ род-
 ной спороны.

ПИСЬМО III.

Въ 8 часовъ утра полки Черни-
 говскій драгунской, Малороссій-
 ской гренадерской, нашъ Абше-
 ронской, рошы аршиллеріи и піо-
 неровъ, свернулись въ колонну, и
 подъ начальствомъ Генералъ-Лей-
 тенанта Эссена зго, перешли за
 границу.

Солдашы были бодры, но на ли-
 цахъ ихъ изображалась горешъ.
 Ты знаешъ, любезной другъ, при-
 вязанность Рускихъ къ своему

Опечесшву, и пошому можешь судишь, съ какимъ чувсшвомъ перешупали они за предѣлы своей Имперіи. Во всѣхъ полкахъ пѣли пѣсни, но онѣ были пропаяжны и заунывны; казалось, что въ нихъ изливалась сердечная грусь героевъ: эшо послѣдняя дань опечесшвой спранѣ. Скоро воспылающѣ они духомъ мужесшва, и шомныя, прощальныя пѣсни замѣняшя радосшными кликами побѣды. Испинной герой опличаешя простошою нравовъ и нѣжносшю чувсшвъ въ мирное время, мужесшвомъ и храбросшю на брани и пламенною любовію къ опечесшву. Рускіе включающѣ въ себѣ всѣ сіи качесшва. Мы идемъ на помощь къ Авспрійцамъ. Хранишь дружесшво съ сосѣдами, помогаешь ближнимъ и защищашь ушѣсенныхъ, издавна было священнымъ обычаемъ Россіянъ. Великодушный нашъ Монархъ исполняешь сіе нынѣ; мы спѣшимъ къ бере-

гамб Рейна, гдѣ честолобивый Галлѣ уже возжегъ пожары войны. Туда споны ушѣсненныхъ народовъ призывающѣ защитниковъ. Слышно, что Генералѣ Голенищевѣ - Кушувовѣ будещѣ начальствовашѣ надѣ нашею арміею.

П И С Ъ М О IV.

Вольной городѣ Броды.

Пройдя пещаными равнинами десяшь версшѣ отѣ Радзивилова, увидѣли мы на возвышенныхъ пригоркахѣ городѣ Броды, и вся колонна вешунила вѣ оной. Городѣ сей посшепенно приходшѣ вѣ лучшее сосшояніе. Торговля процвѣшашѣ подѣ сѣнію вольныхъ, правѣ. Дома большіе каменные; улицы мощенныя, обведенныя каналами, и почши на каждой изѣ нихѣ по два, или по при колодезя чисшой спуденой воды

для напоенія жишелей. Впрочемъ здѣсь можно найти всѣхъ родовъ лучшіе шовары; ибо опсюду - шо вывозяшъ къ намъ различныя издѣлія изъ многихъ областей Германіи.

ПИСЬМО V.

Село Михаловцы.

Изъ Бродовъ пришолъ полкъ нашъ на ночлегъ въ село Михаловцы. Селеніе сіе разположено между пригорками, на кошорыхъ разведены сады, и желшыя соломенные кровли хижинъ, осѣненныя зелеными кущами деревъ, представляюшъ зрѣнію прекрасную сельскую картину. Чрезъ все селеніе прошекаешъ свѣшлой, какъ кришаль, но мѣлкой ручеекъ, сосшавившійся, по видимому, изъ сліянія горныхъ ключей. Онъ никогда не замерзаетъ зимою и не пересыхаетъ въ лѣшніе жары; всегда одинаковъ и всегда доставляетъ

равную пользу и господушнымъ поселянамъ. Какой примѣръ умеренности! Прошекая надъ одною ушесисшою скалою, онъ падаетъ съ нее на успроенное внизу мельничное колесо, и мельница мелитъ непрерывно. Подобные сему ручейки бывають безвмянны и неизвѣсны людямъ, хотя иногда и болѣе приносятъ существенной пользы, нежели тѣ обширныя рѣки, копорыя величественнымъ шеченіемъ своимъ прельщаютъ дивящихся на берегахъ зришелей, и послѣ въ бурныхъ волнахъ поглощаютъ жилища ихъ. —

Такимъ образомъ смиренная добродѣтель, долгое время обитающъ подъ кровомъ уединенной хижины и наконецъ паритъ въ небеса, не бывъ извѣсною жителямъ міра сего, копорыя ослабляюся блестящею щещою; но люди привыкли пѣннаться всѣмъ необыкновеннымъ, хотя бы оно клонилось и къ злополучію ихъ. —

ПИСЬМО VI.

ЗАМОКЪ въ Подгорцахъ.

Почти во всей Польшѣ, а равно и здѣсь въ Галиціи, опмѣнно много древнихъ замковъ; большая часть изъ нихъ разрушены временемъ. У насъ въ Россіи не видно подобныхъ укрѣпленій отъ того, что Рускіе ограждали Опечество свое любовію къ нему, и, подобно Спаршанцамъ, грудь свою посшавляли швердѣйшимъ оплошомъ прошиву враговъ. Прешніе жишели Польши изшощали чрезвычайныя усилія и невѣрояшныя издержки для построенія огромныхъ замковъ на неприступныхъ мѣстахъ; въ нихъ укрывались они отъ нашествія Турокъ и набѣговъ Запорожцевъ и прочихъ, жившихъ грабежемъ, народовъ. Послѣ, знашные господа, поселившіеся въ замкахъ, здѣлавшись, шакъ сказашь, самовласшными владѣшелями (ее-

одалами), желѣзнымъ скипшромъ самопроизвольнаго правленія ошящали подчиненныхъ имъ *вассаловъ*; копили сокровища, и въ нѣдрахъ роскоши вели уединенную жизнь, не принося никакой пользы ошечеству. Всякой *еодалъ* имѣлъ право производить судъ въ своемъ округѣ, и предавать смершной казни обвиненнаго по законамъ своимъ, съ шѣмъ только, ешшли сей осужденной будешъ находишься на его землѣ. Первая урожденная Княжна Липовская, Королева Бонна, и потомъ прочіе Короли, спараясь обезсилишь *еодаловъ*, ходили на нихъ войною; а нѣкоторыхъ привлекали ко двору лешними обѣщаніями, возлагая на нихъ блистательныя должности. Такимъ образомъ чрезъ нѣсколько времени всѣ большіе господа переѣхали въ столицы; права *еодаловъ* ослабли и замки опущѣли.

Замокъ, въ которомъ я нахожусь теперь, есть большое длинное строеніе древней архисекшурь, съ четырьмя высокими башнями по угламъ; кромъ того, по видимому, уже въ недавномъ времени присстроены къ основанію его башни по новому Вобанову образцу. Я узналъ, что онъ уже нѣсколько разъ былъ починенъ или, лучше сказать, передѣланъ, а безъ того одна древность могла бы его разрушить; ибо первой, основавшей на томъ мѣстѣ строеніе, одинъ изъ владѣтельныхъ Князей, по имени Концепольскій, жилъ за нѣсколько предъ симъ столѣтій. Такъ говоритъ *хроника Польская*. Я ходилъ по огромнымъ покоемъ и удивлялся великолѣпію и богатству уборовъ; въ прихожей вшораго эшажа полъ устланъ аспидными плитами, а во всѣхъ прочихъ помосъ изъ плитъ мраморныхъ; цѣлые ряды столповъ также всѣ изъ мрамора. „Что спуютъ эши

„два споліка избъ цѣльныхъ, гладкихъ мраморныхъ плишъ?“ Бо- „лѣе тысячи червонныхъ“, отвѣчалъ жожапой. Послѣ сего суди- не, во что можно оцѣнить всѣ прочія сокровища замка! . . . По- слѣдній онаго владѣтель Графъ Р... былъ Гешманомъ всея Поль- ши, и получалъ годоваго доходу, какъ говоряшъ, до двухъ милліо- новъ рублей.

Стѣны обвѣшаны живописью древнихъ и новыхъ мастеровъ. Кромѣ собранія портретовъ всѣхъ Королей Польскихъ и прочихъ царшинъ, представляющихъ раз- личные примѣчательные случаи изъ Польской исторіи, есть мно- го ошмѣнно хорошихъ списковъ съ подлинниковъ. Во внутреннихъ покояхъ находилъ одна комната, похожая на спальню; въ ней, какъ и въ прочихъ, стѣны украше- ны прекрасною лѣпною работою; въ углу великолѣпная кро- вать; шамъ видно изображеніе

бывшей хозяйки замка по ешь,
 мапери нынѣ шняго Графа. Она на-
 писана во весь ростъ; въ низу пор-
 шреша на Польскомъ языкѣ слѣ-
 дующая надпись: нынѣ Графиня Р...
 рожденная отъ матери Княгини Л... и
 отца Князя М. Живолисецъ нарисалъ
 портретъ, но не могъ изобразить всѣхъ
 изяшныхъ качествъ души ея. Въ залѣ
 былъ портретъ мужа ея Графа
 Р... также во весь ростъ; онъ
 написанъ въ одѣяніи рыцарскомъ,
 одною рукою, опираясь на щипъ,
 а другою указывая на кучи зна-
 менъ и оружія, поверженные къ
 шопамъ его, и на собравшееся
 вдали воинство. На лицѣ его изо-
 бражена благородная гордость,
 и онъ кажешся, хочешъ сказать
 предположимъ: „смотрише, до-
 вольно ли я могущественъ?“
 Между прочими замѣшилъ я боль-
 шую картину Прометей, прико-
 ваннаго къ Кавказу. Разъярен-
 ный орелъ съ сверкающими гла-
 зами шерзаетъ грудь его, и съ жад-

носною пожираешъ сердце, которое вновь приростаешъ. Глаза несчастнаго подняты къ небу, виновнику его мученіи; на блѣдномъ лицѣ видна ужасная рѣшимость къ терпѣнію и нѣкопорою родъ равнодушія къ мукѣ, или, лучше скажешь, окаменѣлость, произведенная въ несчастномъ мученикѣ опусившіемъ надежды. Смотри на сію прекрасную картину, не лзя не ужаснуться, вспомнивъ о безчеловѣчномъ поступкѣ того, кто первой дерзнулъ изобразить спраданія Прометея. Изстуженный Паргазій, упоенный честолюбіемъ, вдругъ воскипѣвъ желаніемъ сдѣлаться бессмертнымъ, изобразивъ на холстѣ то, что по волѣ Зевеса претерпѣвалъ дерзновеннѣйшій изъ смертныхъ, прикованный къ острымъ вершинамъ грознаго Кавказа. Но какъ представишь всю лютость мученій несчастнаго спрадальца? какъ изобразишь лице его, долженство-

вавшее безпрестанно измѣняшьяся
 ошѣ сильныхъ судорожныхъ дви-
 жений? какъ вмѣстишь скорбь, ош-
 чаяніе и смертное помленіе въ во-
 спаленныхъ очахъ? какъ сдѣлашь,
 чшобы и самыя пшверды сердца ка-
 менныхъ скалъ содрогались ошѣ
 воплей сего прешупника, пріем-
 лющаго казнь ошѣ боговъ, и чшобѣ
 смершныя шрепешали при воззрѣ-
 ніи на сіе изображение? — Вошѣ
 въ чемѣ включалъ Паргазіи славу
 свою; но мысленная сила его бы-
 ла недоспащочна къ воображенію
 шого, какимѣ образомѣ человекѣ
 можешѣ шрепершѣвать неслыхан-
 ныя мученія; чшожѣ сдѣлалѣ онѣ?
 ужаснѣйшее злодѣяніе! По сожже-
 ніи Филипомѣ города Олинфа,
 шшарецѣ, изшорженный изѣ нѣдрѣ
 своего семейства, лишенный все-
 го въ мірѣ, и проливающій слезы
 надѣ дымящимся пепломѣ хижин-
 ны, подѣ шшорымѣ погреблись
 супруга и дѣши его сраженныя
 мечемѣ завоевателей, показался

ему бысть достойнымъ къ прине-
сенію въ жершву суешной славы.
Кровавая жершва!— Паргазіи ку-
пилъ спарца сего, пригвоздилъ
ко древу, билъ, жегъ, мучилъ,
и не внемля ни гласу чловѣче-
шва, ни вельнію боговъ, списалъ
на холстѣ всѣ мученія несчастна-
го спрадальца и— ошъ того про-
изошло славное изображеніе Про-
меша, кошорое художникъ по-
спавилъ въ храмѣ Паллады. Такъ,
жестокій Паргазіи! имя швое не
испребишся въ лѣтописяхъ міра;
но оно будетъ существовать
единешвенно для того, чшобы при-
водити въ ужасъ всѣхъ произнося-
щихъ его; горе тебѣ, испушлен-
ному любишелю славы! Никогда
слава не бываетъ удѣломъ зло-
дѣевъ.— Но возвратимся къ зам-
ку: между многими древними ве-
щами видѣлъ я большую слуховую
штрубу, въ кошорую старинные
владѣтели замка съ верха под-
зорной башни повелѣвали собра-

вшимся въ окрестности вой-
 скомъ. Снаружи, на возвышен-
 ныхъ земляныхъ насыпяхъ разве-
 дены сады и насажены прекра-
 сныя алеи; внизу, въ шемныхъ
 переходахъ, между разрушивши-
 мися столпами, подъ мрачны-
 ми сводами видно много шарин-
 наго оружія: древнія лапы и про-
 чая заржавленная броня виситъ
 на голыхъ стѣнахъ. Тутъ думалъ
 я о превращеніяхъ міра, и духъ
 мой парилъ во глубину временъ!
 Для чего не могу вызвать тебя
 изъ нѣдръ посѣдѣлой вѣчности,
 Оссіанъ, великій пѣвецъ героевъ?
 Пускай священный духъ твой въ
 эфирномъ шлѣ жипелей небе-
 сныхъ, на свѣшломъ облакѣ, воз-
 славшемъ отъ чистыхъ серебря-
 ныхъ волнъ Лоры, прилетишь въ
 мѣста сіи, и возсѣвъ на развали-
 нахъ, покрытыхъ сѣрымъ мохомъ,
 при звукахъ златоспрунной ли-
 ры, воспоешь о быспромѣ пече-
 ніи времени, о превращеніяхъ

щасія смертныхъ! Вельможи услышатъ божественную пѣснь свою и смиряся духомъ, бѣдныя въ нещасіи утѣшатся.

Давно ли въ огромныхъ черпогахъ сихъ, роскошной владѣтель пировалъ съ гостями избранными, за пышнымъ столомъ, и сѣдые Барды, при свѣшломъ пламени многолѣшняго дуба, воспѣвали его подвиги воинскіе? Давно ли дѣвы юныя, бѣлогрудыя, прекрасныя, при сладкихъ муссикійскихъ звукахъ, плясали съ легкою веселыхъ вѣшерковъ? Давно ли бодрый юноша, облакаясь въ броню звонкую, собиралъ власы чернокудрые подъ своей свѣшлой и пернашой шлемъ, и схвативъ копье булашное, шепешалъ ошъ нешерпѣнія поражать враговъ ошечешва? — А шеперь грозное время всѣ сіи зданія, столпы и мраморы обрашило въ разрушеніе. Крапива и былъникъ распушъ на развалинахъ. Бурной осенній вѣшеръ

свисшишѣ сквозь щели и воешѣ въ подземельяхѣ. Вошѣ образѣ шлѣнности суетныхѣ швореній смертныхѣ! . . .

ПИСЬМО VII.

Мѣстечко Злочевъ.

Въ Злочевѣ видѣлъ я чудо: прихожу въ одну небогашую лавку и вижу Жидовку, чишающую книгу; я полюбопышпшовалъ посмошрѣшь заглавіе! это была на Нѣмецкомѣ языкѣ часъ Бюффонвой Натуральной исторіи, о раскрышій поняшій перваго челошѣка. „Какѣ! сказаъ я съ удивленіемѣ, не ужели ты чишаешь шакія книги? А почемужѣ нѣшѣ, развѣ вы думаете, что Жидовки не бываюшѣ учены?“ Нѣшѣ, я теперь уже не думаю эшаго”, сказаъ я, и купиъ, что мнѣ нужно было.

ПИСЬМО VIII.

ВЪ КРЕСТОВИЦАХЪ.

Теперь смотрю я на зеленые долины, изпещренные цвѣтами; внимаю шумному журчанію ручейковъ, и гляжу на мѣлкія серебряныя волны ихъ, кошорыя мелькающъ и бѣгущъ по склоненію своему, и, встрѣчая на пути искусственные пороги изъ разноцвѣтныхъ камушковъ, спремяшя внизъ, дробяшя, сыплюшя бисеромъ и жемчугомъ, и превращаясь въ бѣлую кипящую пѣну, тихо льющя по зеленому ковру цвѣтущей муравы. Взоры мои блуждающъ по прелестнымъ, живописнымъ окрестностямъ. Говоряшъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ природа улыбаетя; здѣсь она въ задумчивости. Длинные, прямые алеи изъ высокихъ липъ и елей во всей природной красотѣ, не изпорчен-

ная хитрою рукою садовника, способны питать сладостную задумчивость: онъ столь уединенны, что въ прежнія времена могли бы служить убожищемъ для высокихъ размышленийъ священныхъ Друидамъ. — Вокругъ себя вижу я много просыхъ, но прекрасныхъ бесѣдокъ, и одинъ прелестной увеселительной домикъ; далѣе показывается огромная оранжерея съ плодами.

Ты конечно догадаешься, что я въ саду? точно такъ, я въ саду Княгини М... Она опдѣлала его по своему вкусу, и теперь на время уѣхала въ Вѣну. Вездѣ видны слѣды милой чувствительности. Гуляя по симъ уединеннымъ аллеямъ, гдѣ вольно мечтала и задумывалась, или смотря изъ оконъ маленькихъ домиковъ и бесѣдокъ, и видя природу, такъ сказать, въ блестящей простотѣ ея, легко можно догадаться, что все сіе есть произведение, или выдумка

существа чувствительнаго, милого, славовашельно женщины. Я нарочно списалъ нѣсколько надписей въ семь прекрасномъ саду. На подножіи дикаго-камня лежишь, высѣченный изъ бѣлаго мрамора, умершій по пятому году сынъ Княгини; это его надгробной памятникъ, и слѣдующая надпись доспойна нѣжной мащери, желающей проливатьъ слезы на гробъ умершаго и утѣшать живущихъ.

Si ton coeur a besoin d'épancher sa douleur,
Ce lieu est consacré au regret qui t'amène;
Mais laisse en le quittant tout sentiment de
peine,
Rapporte à tes enfans, la joie et le bonheur.—

Коль грусть излишь въ слезахъ, душа твоя желаетъ,
Въ мѣста сіи, на гробъ любезной
посиѣшай;
Но помни, что себя семейство ожидаетъ:
Льзя слезы мершвымъ въ дань, живущихъ утѣшай!

На другомъ концѣ алеи стоишѣ
пирамида, воздигнушая сыномъ въ
честь машери; на ней съ двухъ
сторонъ написано все, что она
сдѣлала новаго въ Крестовицахъ
и въ какой именно годъ; а съ пре-
шей стороны изображены слѣ-
дующіе стихи:

1793 à Felicie M...

Ces eaux, ces près, ces bois que tu trouvas
sauvages,
A tes soins assidus, doivent leurs ornemens,
Et la reconnoissance a sur ce monument
Gravé le souvenir de tes nombreux ouvrages.

Потоки бурныхъ водъ, дремучіе
лѣса;
Въ пруды кристальны пы и въ ро-
щи превворила:
А благодарность зря столь рѣдки
чудеса,
На мраморѣ ихъ семъ съ воспортомъ
изразила.

И въ самомъ дѣлѣ, она много
украсила дикую природу въ Кре-
стовицахъ: мѣсто, на кошоромъ
разведенъ садъ, было совсѣмъ бо-

лошное, шеперь вездѣ спруяшся ручьи, и вода спекаетъ вѣ свѣшлые пруды, наполненныя различными рыбами.

Между высокими густыми деревьями, на прекрасной цвѣтущей полянкѣ и подлѣ свѣшлаго ручья, стоишъ ликъ Жанъ - Жака Руссо. На подножіи написаны слѣдующіе стихи:

Vous qui de ces écrits savez goûter le charme,
 Vous tous qui lui devez des leçons et des larmes,
 Pour prix de ces leçons et de ces pleurs si doux:
 Coeurs sensibles! venez-je l'ai placé pour vous.

О вы, читавшія *безсмертнаго* шворенья,
 Вѣ восторгахъ лившіе сладчайшихъ
 токи слезъ!
 Принесшъ сердечну дань за рѣдки
 поученья
 Придите смершныя! для васъ стоишъ онъ здѣсь...

А что болѣе всего понравилось мнѣ, такъ это крашная Лакошическая надпись на гробѣ пріятельницы ея: на возвышенномъ хол-

миѣ, обросшемъ свѣжею, зеленою муравою, споймѣ бѣлая урна; на ней написано съ одной стороны: въ 1791 году Тереза К... умерла въ Парижѣ; а съ другой сии слова *Helas, j'avois une amie!*— по есть Увы! я имѣла подругу!... Всякая чувствительная душа въ минушу пойметъ прекрасной смыслъ сихъ словъ. На что говоришь пространно, на что дѣлаешь пышныя надписи? развѣ для того, чтобы заставляя прохожихъ дивиться хорошему слогу и вѣрной мѣрѣ стиховъ надгробныхъ. Кажется что мы тогда только употребляемъ много словъ, когда сами не понимая хорошо своихъ ощущений, желаемъ другому сдѣлать ихъ вразумительными; а то, кто умѣетъ испинно чувствовать и правильно раздроблять свои понятія, выражаетъ всегда коротко и ясно. Въспомо, чтобы сказать: *я имѣла рѣдкое сокровище въ семь мѣръ, имѣла, съ кѣмъ дѣлить дары счастья,*

и мѣла утѣшительницу въ горести, под-
 лору во всѣхъ моихъ желаніяхъ, повѣ-
 ренную во всѣхъ тайнахъ души моей;
 здѣсь сказано: я и мѣла друга. Че-
 ловѣкъ холодной пройдетъ мимо,
 и не замѣшишь скромной надпи-
 си; но человекъ съ нѣжнымъ серд-
 цемъ съ почтеніемъ остановиш-
 ся, съ воспоргомъ прочишаетъ
 слова сіи — и вспомнишь о ми-
 ломъ другѣ! —

ПИСЬМО IX.

ЛАНДСГУТЪ.

Уже прошло нѣсколько дней,
 какъ я не писалъ къ тебѣ ни
 строчки; но во все это время удо-
 вольствіе, какъ сказалъ, ошры-
 вало меня ошъ самаго себя. Всѣ
 чувства мои погружены были въ
 какое - то неизвѣстимо - слад-
 стное упоеніе. Разсудокъ поко-
 рился сердцу, сердце наслажда-

лось и время исчезало. . . Я забылъ прошедшее, не заботился о будущем и только спѣшилъ утѣшаться настоящимъ. Если бы мы жили въ древнія времена баснословія, то я не усумнился бы подумать, что какая нибудь благошворительная богиня, видя насъ идущихъ на смерть, захошѣла показать намъ въ послѣдній разъ всѣ радости жизни сей, и для того воздвигла на пути волшебной замокъ, въ которомъ все плѣняетъ и очаровываетъ. Во все предшествовавшее время осень свирѣпствовала, природа облекалась въ прауръ, холодный дождь лилъ безпрестанно на насъ; уже начиналъ было я скучать труднымъ и столь незнакомымъ для меня походомъ, какъ вдругъ Шефъ нашъ Генералъ М. . . прислалъ сказать, что Княгиня Ч. . . приглашаетъ всѣхъ офицеровъ на балъ; вмѣстѣ съ прочими пошелъ и я. Но какое было мое удивленіе когда уви-

дѣлѣ шамѣ Княгиню Л... ту самую, въ домѣ кошорой, въ бышность мою въ Р... былѣ я всегда споль ласково приняшѣ; она близкая родспвенница Княгинѣ Ч... и прѣхала на эшо время къ ней въ госпи. Княгиня Л... меня узнала, и я прежде Генераломѣ, а по помѣ ею былѣ предспавленѣ хозяйкѣ дома, кошорая во все время не переспавала оспнашѣ меня ласками. На завпрешнѣй день колонна наша пошла въ походѣ, а я вмѣспѣ съ Генераломѣ М... остался въ Ландсгупѣ, мы прожили почши двѣ недѣли, пока всѣ шесшѣ колоннѣ, сосспавлявшѣ нашу армию, прошли мимо. Желалѣ бы описашѣ шебѣ все, чшо я видѣлѣ и чувспвовалѣ, но не знаю, успѣю ли въ семѣ предпрѣшѣи; однакожь постспараюсь въ корошкихѣ словахѣ предспавишѣ шебѣ описанѣ Ландсгупа.

Ошмѣнно большой и спаринной замокъ шеперь красишся и возоб-

новляешся; вокругъ высокіе насыпанные бастіоны превращены въ прекрасныя площади, на копорыхъ разведены великолѣпныя сады. Чшо скажу тебѣ о внутренности дома? Въ немъ всего довольно, всего, чшо только ты можешь себѣ предсхавишь: золоша, серебра, мрамору, хрусталу и даже мозаику. Прекрасное собраніе подлинниковъ Рубенса, Корреджіо и славныхъ списковъ съ рѣдкихъ каршинъ. Здѣсь восхищался я смотря на прехъ Грацій живописныхъ, а еще болѣе, видя ихъ живыхъ. По правдѣ прекрасная задумчивая Графиня М... скромная и всѣми дарованіями украшенная Княгиня Л... и молодая любезная Графиня Г... досшойны называешься Граціями. Но я уже далеко отступилъ забывъ, чшо мнѣ прежде всего надо было сказать о хозяйкѣ сего почтеннаго дома. Эшо женщина лѣтъ въ пятьдесятъ рѣдкаго ума и доброшы.

Крошость ея души сіяешъ во всѣхъ чертахъ пріятнаго лица; а ласковая привешливость пѣвнелъ каждого; прибавь еще къ сему все, что ты знаешь о любезныхъ и почтенныхъ женщинахъ пожилыхъ лѣтъ, и тогда будешь имѣть понятіе о Княгинѣ Ч. . . Изъ дому брата ея Фельдмаршала Ч. . . пріѣхавшій къ ней на это время, также заслуживаетъ отъ всѣхъ особеннаго почтенія, не только по чину, но и по изящнымъ качествамъ души своей.

Смѣло можно сказать, что Княгиня Ч. . . живетъ какъ Царица, только несравненно счастливѣе каждой Царицы. Расскажу тебѣ върашцѣ, какимъ образомъ проводилъ здѣсь день. Въ десять часовъ поутру собирается домашнее общество къ завтраку, при которомъ обыкновенно бываетъ, кромѣ прочаго, нѣсколько корзинъ плодовъ, свѣжихъ винныхъ ягодъ, ананасовъ, апельсиновъ, свѣжихъ

Волоскихъ орѣховъ и прочаго. Послѣ завтрака всѣ разходящяся; мужчины идушъ гуляшъ, или упражняшъ въ домашнихъ дѣлахъ, а женщины занимающя уборомъ или чтеніемъ. Между шѣмъ бросимъ взоръ на все, что дѣлается въ домѣ: въ двенадцать часовъ садящяся за большой столъ до пятидесяти особъ; это кто такіе? всѣ вольные люди, служащіе въ домѣ. Въ половинѣ перваго накрывается другой столъ для всѣхъ горнишныхъ дѣвушекъ и прочихъ домашнихъ женщинъ; въ часъ обѣдающъ всѣ ремесленники; въ половинѣ втораго обѣдъ для придворнаго медика, механика и прочаго шпашу; а въ два часа открытый пышной столъ для всѣхъ вольно приходящихъ. Онъ такъ вкусенъ, что скупые Нѣмецкіе комиссары верстѣ за десять слышатъ пріятный запахъ кушанья и пріѣзжающъ шуда обѣдашъ. Наконецъ столы снимающяся, и болѣе двухъ

еопѣ разнаго званія людей насыщены. Остальное опдано нищимъ.

Въ при часа по полудни собираюшя всѣ въ огромную госпину залу, въ кошорой, какъ и во всѣхъ почли комнашахъ, двери и окна (что на глухой стѣнѣ) зеркальныя и стѣны подведены подъ мраморъ и покрышы блестящимъ лакомъ; подаюшъ душистые ликеры и водки, и чрезъ полчаса идушъ за великолѣпною ешю, кошораго изобиліе лучше можно вообразить, нежели описать. Но мнѣ не удивительны ни вкусныя кушанья, ни сладкіе плоды, ни спарыя крѣпкіе вины, а всего болѣе удивляешъ меня привѣпливосшъ сихъ Вельможъ хозяевъ. Лишь только всѣ усядущя, хозяйка Княгиня подходшъ ко всѣмъ женщинамъ, а брашъ ея Фельдмаршалъ, ко всѣмъ мужчинамъ; со всякимъ особо разговариваюшъ и опмѣнно ласково, а особливо съ Ру-

скими Офицерами. При окончаніи
 спшала повпоряюшѣ опять поже.
 Смопря на госпепрїимствво сїхѣ
 Вельможѣ, невольнo вспомнїшь,
 что и у насѣ на свяшой Руси, вѣ
 прежнїя времена, Боляра умѣли
 угощашѣ за сышными спшалами:
 госпепрїимствво было преимуще-
 ственною добродѣшелою Россїянѣ.

Сшолѣ кончїшся, являешся Ту-
 рокѣ, подносїшѣ кофе. Послѣ однї
 идущѣ вѣ свои покої, другїе, а
 болѣ женщины, на гордыхѣ до-
 рогахѣ лошадахѣ вѣ ландатурахѣ,
 вѣ коляскахѣ, на линейкахѣ и вѣ
 карїолкахѣ вѣдущѣ гуляшѣ вѣ ближ-
 нїй бопанической садѣ сѣ гульби-
 щемѣ. Тѣ, которыя оспшюшся вѣ
 залѣ, играющѣ на бїліардѣ, вѣ во-
 ланы, или занимающся чшенїемѣ
 вѣдомосшей, и берущѣ ошѣ Турка
 куришѣ прекрасныя Сшамбульскїя
 шрубкї сѣ дорогїми яшшарными
 мушшуканами. А мы между шѣмѣ
 пройдемѣ вѣ галлерею древностей:
 она дїлна и узка; сѣ правой спш-

роны около оконъ стоятъ цвѣшны и различные деревья въ горшкахъ, а по лѣвую сторону у стѣны спашуи. Вотъ Венера Медицисъ, вотъ Аполлонъ Бельведерской, а тамъ Геркулесъ, и эполтъ съ крѣпкими мышцами, съ жиловашыми руками, кулачной боецъ; а тамъ цѣлой рядъ бронзовыхъ спашуй всѣхъ великихъ людей. Мы уже вышли изъ галлерей древностей; сдѣлаемъ шагъ на лѣво, отворимъ дверь, и очушимся въ Кишайскихъ палатахъ. Точно такъ, эти покои украшены совершенно по Кишайски и Кишайскими уборами. Здѣсь видите вы посуду изъ чистаго Кишайскаго фарфору, здѣсь весь чайной приборъ, чайникъ и чайница сдѣланы изъ свинцу и оплешены какой-то особенной шелковой вязью. Вотъ здѣсь разные сосуды, довольно большіе, но легкіе, изъ какого-то сосшава сизаго цвѣша, и украшены разными золошыми цвѣшами, коиорыя въ немъ какъ

будто вѣзаны : говоряшъ , что нынѣ потеряны способъ дѣлать такой сосавъ. Вотъ вся Кишайская одежда и прочее. Всѣ сіи рѣдкости подарилъ Княгинѣ Французскій Посланникъ , бывшій въ Кишаѣ , и между прочимъ одинъ сосудъ также совсѣмъ изъ особеннаго сосава желшаго цѣвша , точно такой , какіе Великой Султанѣ употребляетъ для пишья шербешу. Турецкой Посланникъ , пробѣжавшій черезъ Ландсгущъ , предлагалъ Княгинѣ за него какую угодно цѣну ; но она , будучи любительница рѣдкостей , не продала ; да и за чемъ продавать ? у нее довольно своихъ денегъ : ежегоднаго дохода получаетъ она двѣсти тысячъ червонцевъ , на серебро до шести сотъ тысячъ рублей ; а на бумажки ?

Теперь пойдѣмъ внизъ смотрѣть древнихъ рѣдкостей. Вотъ это большая чаша , изъ бѣлаго мрамора , взята изъ Геркуланума.

Эта огромная морская раковина и въ ней сидящіе два лебедя, ошмѣнно хорошей работы и также изъ чистаго бѣлаго мрамора, найдена въ развалинахъ около Рима. А это, изъ чернаго мрамора и споль прекраснаго виду, есть подражаніе славной чашѣ Митридата Понсійскаго. Вотъ Бахусъ, ѣдущій на шигрѣ: ошмѣ древнаго и новаго искусства. Бахусъ найденъ въ развалинахъ Геркуланума (изъ бѣлаго мрамора); а шигрѣ сдѣланъ новыми художниками (изъ чернаго мрамора). Кроважаждущій звѣрь, смирясь подобно ягненку, оборачиваетъ голову и проситъ виноградной кисли, которую зависливой богъ крѣпко прижимаетъ къ себѣ обѣими руками. — Вотъ еще два изваянія изъ прекраснаго бѣлаго мрамору: обѣ женщины, одна Нимфа или прослая смершная, вышедши изъ купальни, дрожитъ ошмѣ свѣжаго вѣянія рѣзвыхъ Зефировъ, которые

летяшъ къ ней другъ передъ дру-
гомъ, со всѣхъ сторонъ порхающъ,
извивающся, срывающъ покровъ съ
прелестнаго лица, съ полной гру-
ди, и лобызаяшъ розы и лилеи,
разцвѣщающія на нихъ. Надо ду-
мать, что сія Нимфа въ знойной
часъ полудня, прохлаждала юныя
красы свои въ сребрѣ чистыхъ,
осбненныхъ густыми деревьями
водъ: тѣнь Фауна или Сашира
мелькнула на ближней скалѣ, и
она, въ препенѣ выскочивъ изъ
ручья, досталась на жершву рѣз-
вымъ Зефирамъ. Какъ прекрасно
художникъ представилъ замѣша-
нельство и смяшеніе сей непороч-
ной дѣвы, кошорая пугаешся тѣ-
ни и спыдишся лобызанія вѣшер-
ковъ! —

Подлѣ нее, на какомъ-то пнѣ,
можешъ бышь, въ тѣни прохлад-
ной роши, сидишъ молодая лю-
безная женщина; я говорю любез-
ная, пошому, что любезность,
кошорую превосходной художникъ

умѣлъ въ нее вдохнуть, кажешся, одушевляешъ хладныя черны мрамора. Смотри на нее, каждую мигу ожидаешъ чуда Шигмаліонова; всякой зритель надѣешся увидѣть ее сходящую съ пня: спольного жизни въ бездушномъ мраморѣ:— слава художнику! — Милая женщина сія читаешъ письмо, приводящее ее въ восторгъ; глаза усшремлены на бумагу, губы съ жадностію произносящія сладостныя выраженія, наконецъ улыбающся! . . . Сколь прелестна улыбка сія! ее можно назвашъ лучезарною, пошому что все лицо красавицы озаряешся ею, и кажешся смѣющимся. Чтеніе письма приводитъ въ восторгъ изваяніе мраморное; слѣдовашельно письмо сіе должно бытъ самое драгоценное и пріятное, ошъ самаго милаго чловѣка: угадайше, ошъ кого! . . .

А вошъ главнѣйшая рѣдкость, привезенной изъ Египша идолъ бо-

гини Изисы. Исшуканъ изваянъ изъ какой-то особенной глины. Я съ великимъ вниманiемъ разсматривалъ сiе чудо. Богиня сдѣлана сѣдящею на нѣкоемъ пьѣ; лицо ошмѣнно непрiятное и совсѣмъ худой работы, но въ немъ есть что-то живое и выразишельное. Вошъ какъ все превращено на свѣтѣ, думалъ я, глядя на бездушнiй исшуканъ. Нѣсколько сошъ лѣшъ предъ симъ, былъ онъ богошворимъ, предъ нимъ курились жершвенники, народы покланялись и перучали ему судьбу свою; шеперь стоишъ онъ въ кабинетѣ рѣдкошшей, и его смощривъ шолько изъ любопытшства. О судьба! кто пошшигнешъ законы швои? Ты, уничижающаа величiе боговъ и низпровергающаа громады царшвъ, что можешъ сдѣлашъ съ нами бѣдными смершными! —

Взглянемъ на сiе множество каршинъ: большаа часть изъ нихъ подлинники, найденные въ Герцу-

ланумъ и въ другихъ развалинахъ Римскихъ; но чѣмъ ихъ всѣхъ хорошо разсмотрѣшь, надобно употребить цѣлые дни. Чрезъ одну комнату есть здѣсь прекрасной покой; онъ весь прозраченъ, ибо составленъ изъ разноцвѣтныхъ спекловъ, желтыхъ, лиловыхъ и розовыхъ. Войдя въ первой разѣ, можно очароваться его блескомъ и сіяніемъ; въ немъ разостланъ коверъ, выработанный изъ разноцвѣтныхъ песковъ, споль искусно, что всякому покажется вышканнымъ изъ шелковъ. — Теперь поспѣшимъ итти на верхъ, чтобы не опоздать въ театръ; сего дня будетъ игра на немъ комедія.

ПИСЬМО X.

Ландсгутъ.

Почти на всѣхъ театрахъ бѣдные актеры представляющъ лица

Графовъ и Князей; а здѣсь Графы и Князья, богатые люди и знанной породы, представляющъ лица бѣдныхъ мѣщанъ и простыхъ лакеевъ,— и прекрасно!— Я нахожу это весьма полезнымъ. Пусть знанные Вельможи, окруженные пышностью, живущіе въ роскоши и въ цѣлой вѣкѣ неиспытавшіе горестей и прискорбія, войдутъ отчаспи, хотя посредствомъ представляемыхъ ими лицъ, въ состояніе бѣдныхъ, и узнающъ, какими трудными способами достаютъ они пропитаніе дневное для спраждущей семьи! Живущіе въ раззолоченныхъ чертогахъ не могутъ постигать, какими люпыми спрѣлами злополучіе сражаетъ бѣдныхъ спрадалцевъ въ мірѣ.

Здѣшній театръ не великъ, но усроенъ весьма хорошо и окруженъ великолѣпными столпами. Послѣ театра идемъ слушать и восхищаться превосходною игрою

избранныхъ музыканшовъ. Послѣ, расшворяется дверь залы, и вдругъ блескъ разноцвѣтныхъ огней, сіяніе опѣ вызолоченныхъ карнизовъ, зеркальныхъ стѣнъ и лучи горящихъ восковыхъ свѣчъ, играя по мѣлкимъ хрусталамъ паникадилъ, и переливаясь изъ одной грани въ другую, дробясь на множество яркихъ радужныхъ цвѣшовъ, и весь сей пышной блескъ, сіе сіяніе огней ослѣпляетъ и дивитъ всѣхъ и каждого. Громкой *экосесъ* раздается въ обширномъ позлащенномъ чертогѣ, и послѣ быстрой *вальсѣ* заславляетъ молодую дѣвушку, даже безъ застѣнчивости, полными бѣлолилейными руками обнимаетъ молодого человѣка, и вертѣвшись съ нимъ по воздуху. Смотри, какъ нѣсколько паръ, такъ сказашь, увлекающа вихремъ вальса и почти лешающъ,— невольно взглянешь на висящую шумъ же на стѣнѣ большую каршину, на кошорой

одинъ славной Италіянской живописецъ изобразилъ *похищеніе Сабиннокъ*; кажешся, находишь сходство между ими и танцующими, съ тою только разностию, что сіи одушевлены радостию и охотно послѣдуютъ за мужчинами; а шб, съ блѣдностію на лицахъ, съ распепанными волосами, въ слезахъ и въ опчаяніи, ошб ужасу, скорби и негодованія, замираютъ въ объятіяхъ дерзкихъ чадъ Ромуловыхъ, копорые, подобно хищнымъ звѣрямъ, увлекаютъ сихъ невинныхъ агнцевъ. — Балъ непродолжителенъ; — послѣ танцовъ идутъ за пышной ужиномъ, а шамъ прекрасной полъ отличаетъ изящными талантами. Какъ прилично слышашъ прекрасную дѣвушку, поющую или играющую на фортепціанѣ свои *фантазіи*, въ копорыхъ согласіе томныхъ и унылыхъ звуковъ, извѣляетъ милую чувствительность и бжной ея души! . . .

Вотъ какимъ образомъ прово-
 дяшь здѣсь дни! Но я описалъ те-
 бѣ только великолѣпіе Ландсгуша;
 теперь постараюсь изобразить
 то, что мнѣ болѣе всего въ немъ
 нравится. Позади всѣхъ сихъ ве-
 ликолепныхъ садовъ, на концѣ
 длинной виноградной аллеи, если
 ли полюбопышшвуешь и ошво-
 ришь вороша, то въ мигъ очу-
 тишься въ прелесшней сельской
 обителіи. Куры, гуси, голуби и
 пшицы всякаго рода ходяшь и
 лешають по двору; за загородкой,
 на свѣжемъ зеленомъ лугу, пасу-
 ся шучныя большія Голландскія
 коровы. Войдешь въ маленькой де-
 ревянной домикъ, въ немъ все про-
 сто и мило: шкафъ съ книгами,
 эшо сельская библиошека; въ ней
 есть насшавленіе, какъ ходишь за
 коровами, какъ дѣлашь сыръ и
 масло, и между прочими ошлича-
 ются здѣсь Виргиліевы Георгики.
 Изъ сего мѣста не видно ни па-
 лашъ, ни садовъ, никакого велико-

лѣпія; оно окружено пѣнистыми
рощами: пишина и спокойствіе
обитаютъ въ немъ. Вопѣ это *мы-*
за Княгини. Здѣсь часто уди-
няешся она, оставя пятгоспной
блескъ пышности и величія, и
здѣсь - то становится привѣшли-
вою сельскою хозяйкою.

Чѣмъ могутъ опличаться Вель-
можи знашнаго рода, возведенные
на высочайшую степень величія
мірскаго, и съ избыткомъ награ-
жденные всѣми дарами щастія, —
чѣмъ, какъ не крошесшію и добро-
шою души. Имѣя все, имѣ нечего
желать, и единственней способъ
вознесись еще выше равныхъ
имѣ, соспоишь въ томъ, чѣобы
удивлять всѣхъ оприцаніемъ сво-
имъ ошъ прелесшей и оправъ ве-
личія. Такъ, Вельможамъ необхо-
димо должно, хошя для ощущенія
сладости перемѣны, изъ золотыхъ
чершоговъ своихъ пѣеходишь на
время въ хижины и приносишь съ
собою опрады и благоденствіе

убогимъ обидшася имъ ихъ. Знашныя и богатые въ семъ мѣрѣ сотворены бышъ Ангелами хранишелями бѣдныхъ и несчастныхъ. Ошличительное преимущество богатыхъ состоишъ въ томъ, что они могушъ свободно шворишъ добро и дѣлашъ людей счастливыми; а безъ того знашишйшій Вельможа, на лонѣ роскоши и нѣги, въ мраморныхъ палашахъ, окруженный раболѣпными льстецами, почувшвуешъ шоску и пролиешъ слезы на злешое изголовье. За всѣми наслажденіями міра сего слѣдуешъ пресыщеніе; однѣ только радости душевныя, награда благошворенія, бываюшъ вѣчны, ибо исшочникъ ихъ неизсякаемъ.— Лучшая награда за благодѣянія въ сердцахъ у благодѣшелей. О! какъ счастливъ смертный, обожающій добродѣшель! Пришѣсенные и злополучные видяшъ въ немъ истиннаго ошца, ушѣшеніе сопущшвуешъ ему, онъ ліешъ повсюду благошво-

ренія, и скорбь съ бѣдствіями удаляются, приближеніи его, ошѣ бѣдныхъ страдалцевъ міра. Уже заранѣе душа его прелетаетъ эфирныя области, и зришь угопованную въ небесахъ награду за добродѣшель,— награду, кошую ни златомъ всего Новаго Свѣта, ни всѣми скишрами Владыкъ земныхъ, не можешь купишь смершной, прешуившій законъ, начертанный въ сердцахъ нашихъ самимъ Богомъ.

Кажешся, что Княгина Ч... ошѣ мѣнна ошѣ прочихъ Вельможъ; ибо живя въ пышномъ величіи, чувшвуешь его пустошу и умѣешь познавать сладость благошворенія.— Вотъ крашкое описаніе Ландсгуша. Могу ли позабышь его когда? могу ли позабышь ласковой приѣмъ, привѣпливость и геспепріимство сихъ добрыхъ Вельможъ?— Благодарность ошѣ вѣчаешь за меня: „нѣшь!“

ПИСЬМО XI.

Городъ Кол - варія

Изъ Ландсгуша до Кол - варіи, вмѣстѣ съ Генераломъ М..., пролегли мы на почтовыхъ, и я болѣе ничего не замѣтилъ, какъ нѣсколько хорошихъ городовъ и бѣдныхъ деревень. Въ здѣшней споронѣ изобиліе видно только въ городахъ; въ селахъ пугасѣ нищета. — Въ Кол - варіи можно видѣть оспашки древнихъ памятниковъ прежняго величія Польши. Сначала надобно идти въ огромной кашелѣ, украшенной золотомъ и серебромъ. Тамъ между прочимъ есть собраніе портретовъ всей фамиліи Михайла Жебржедовскаго, основателя сего кашела. Тутъ, посмопрѣвши на превосходную работу изъ краснаго дерева, на великолѣпныя столпы разныхъ орденовъ, на славную лѣпную работу и на прочія укра-

шенія храма, можно ийти на верхъ горы, опмѣнно высокой и покрышой густымъ еловымъ лѣсомъ. Тамъ на самой вершинѣ есть нѣсколько капищъ, изъ которыхъ въ одной доспойны примѣчанія и даже удивленія живописныя каршины, предспавляющія спрасши Иисуса Христа. На первой изъ сихъ каршинъ изображено приугошовленіе къ распятію: пламенная вѣра оживляетъ сердце, а сладостная надежда сіяетъ на спокойномъ челѣ Богочеловѣка; между шѣмъ какъ спрахъ и смяшеніе обезображивающъ блѣдное лицо разбойника, шрепещущаго при видѣ грозныхъ судей и спрашныхъ смертоносныхъ орудій. На другой, распятой Иисусъ Божеспвомъ вознесся въ обишель вѣчныхъ радостей, а плошію пригвожденъ ко кресту: смершная блѣдность не могла помрачить небесной красоты въ священныхъ черсахъ лица Его.—

Ужасныя судороги спягивающѣ упругія жилы разбойника; пронзительный вопль и кровавая пѣна испоргающся изъ помершвѣлыхъ устѣ; грудь его воздымаешся отъ скорбныхъ воздыханій, и онѣ въ безпамяшствѣ отъ отчаянія, срываетѣ одну ногу съ гвоздя. Текущая кровь и части разшерзаннаго шѣла такѣ живо изображены, что не лзя взглянуш на нихъ безъ содроганія. На прешей, благочесшивый Іосифѣ снимаетѣ со креста шѣло Іисуса, и на лицѣ Божешвенной Марии, сквозь слезы сожалѣнія, блиспаешъ иѣкій лучъ горней надежды. На чешвершой, во всемѣ блескѣ величешвенной славы Іисусѣ воскресаетѣ: спражи, свидѣтели сего чуда, падающѣ ницѣ, несшерля Божешвеннаго сіанія, разлишагося окрестѣ ихѣ.

Уже прѣшло сто пятьдесятѣ лѣтѣ, какѣ одинѣ изъ монаховѣ Кол-варии, написалѣ сіи карши-

ны; но цвѣты на нихъ споль свѣ-
жи и опшѣнки споль явны, что
кажется, будшо они сполько что
вышли изъ подъ шворческой ки-
спи художника.

Вышедъ изъ каплицы и взо-
бравшись еще выше на гору, ви-
дишь плѣнишельную Природу во
всемъ ея величіи: какая картина!
длинная цѣпь огромныхъ горъ,
являешъ шысячи различныхъ ви-
довъ; тамъ покрышы онѣ высо-
кими елями, копорыхъ черные
верхи колеблюшся при дуновеніи
вѣтровъ; въ другомъ мѣстѣ прі-
ятныя полянки, одѣшы цвѣту-
щею муравою; мѣлкіе кустарни-
ки, украшены свѣжею, яркою зе-
ленью; а на скасахъ злчныя ни-
вы покрышы злашокласною жаш-
вою. Тамъ вдали, сквозь прозрач-
ную завѣсу шумана, видны голу-
бые верхи горъ, и на нихъ велико-
лѣпной городъ Краковъ, первой въ
Галлиціи; еще далѣе мрачной лѣсѣ
предсавляешся въ видѣ черной

и длинной полосы. Съ другой стороны, на самой высокой горѣ стоялъ развалины древнаго замка, разореннаго великимъ Суворовымъ во времена Барской конфедераціи; внизу въ долину, городокъ Колварія.— Въ Колваріи есть чудотворной образъ и много древнихъ рѣдкостей; въ прежнія времена собиралось сюда до пятидесяти тысячъ пилигримовъ на богомолье. —

Еще видѣли мы въ Колваріи, привѣшенныя снаружи подъ кровлею каспела необычайной величины кости неизвѣстнаго звѣря. Сколь много, ошъ сотворенія свѣта племенъ народовъ угасло и различныхъ родовъ живошныхъ исчезло! Существованіе первыхъ извѣстно по бышіямъ міра; другихъ, въ различныхъ частяхъ свѣта находящъ нынѣ основы, и не знающъ, кому они принадлежали. Кости, видѣнныя нами, найдены въ горахъ близъ Колваріи, и вывѣшены для любопытныхъ.

Сего дня Генералъ Голенищевъ-Кутузовъ прѣхалъ въ сей городъ, и принялъ главное начальство надъ арміею.

Г Е Р М А Н І Я.

П И С Ь М О XII.

Городъ Евершъ-бергъ, въ Верхней Австрій.

Хорошъ путешественникъ! Кто не шанешь смѣяться надъ нимъ? Пробхавъ сполко земель Германіи, едва при концѣ схватился пишешь объ ней. Признаешься, я говорю это о себѣ; но ты знаешь, любезный другъ, что я иду куда меня ведутъ, и не шакъ какъ хочу, а какъ велятъ, то ешь, я служу, слѣдовательно и досужнымъ временемъ очень небогатъ. Но оставя лишнее, скажу тебѣ, что мы, опѣ города Бѣлой (шамъ была прежде

граница Польши съ Нѣмецкой землею) пройдя города Тешинѣ, Ольмуцѣ, Бринѣ, Кремсѣ, Знаймѣ и прочіе, находимся шеперь уже близѣ границы Баварской, и почти въ глазахъ непріяшеля. — Что скажешь о сей половинѣ Германіи? Увидѣвъ одинѣ Нѣмецкой городѣ получишь поняшіе и о всѣхъ прочихъ: вездѣ большіе каменные дома, по большой части подѣ одну крышу; въ срединѣ прекрасныя площади съ водомешами, улицы не широкія. Природа здѣсь шакже единообразна, но пріяшна; всякая частица земли, всякой уголокѣ кажешся населеннымѣ; вездѣ видны маленькіе каменные домики, окруженныя пахошными полями, а на горахъ виноградныя сады. Здѣсь креспьяне вольные, и шѣ, кошорые пашутѣ землю, нанимаютѣ ее у помѣщиковѣ; другіе живутѣ различнымѣ промысломѣ и рукодѣльемѣ. На всякой милѣ еспѣ двѣ или шри деревни, а черезѣ двѣ

или при мѣли городѣ, такъ что
наженся будто все ѣдешь селені-
емъ. Думаю, что ни одинъ путеше-
шественникъ не ѣхалъ такъ ско-
ро, какъ мы (*); ибо въ двенад-
цать дней миновали мы всю Ав-
спрію, — и я ничего почти не за-
мѣшилъ. Удалось только взгля-
нуть на монастырь *Готсегъ*, кошо-
рой стоишь на превысокой горѣ,
версхъ въ двухъ отъ Кремса.
Здѣсь имѣли мы дневку, и я хо-
дилъ смотрѣть библиошеку древ-
нихъ рукописей и собраніе хоро-
шихъ живописей. Гора, на кошо-
рой стоишь монастырь, столь
высока, что въ хорошую погоду,

(*) Съ самаго Тешина войска наши,
для ускоренія походу, везены бы-
ли на подшавныхъ подводахъ, и
ѣхали въ день до осьмидесяти
верстѣ. Одна половина войскѣ ѣха-
ла, другая шла пѣшкомъ попере-
мѣнно; три дня походѣ, въ чет-
вертый роздыхъ.

съ высоты замка можно видѣшь
 пятьдесятъ деревень и нѣсколь-
 ко городовъ. —

Въ Аббашствѣ Мелькѣ (въ две-
 надцати миляхъ отъ Вѣны) ви-
 дѣлъ я людей, копорые всѣмъ на-
 слаждаются, всего имѣющъ до-
 вольно, окружены изобиліемъ, а
 сами ничего не дѣлающъ и ни о
 чемъ не заботятся. Аббашство
 Мелькѣ есть огромной древній за-
 мокъ на крутомъ берегу Дуная:
 снаружи украшенъ пышными ко-
 лонадами и великолѣпными сада-
 ми; внутри вездѣ блискаетъ изя-
 щество художествъ. Тамъ есть
 большая библіотека древнихъ и
 новыхъ книгъ, рѣдкія живописи,
 а особливо Рафаеловы, какъ увѣ-
 ряющъ, подлинники. Великолѣп-
 ной костьелъ, и въ немъ чрезвы-
 чайная рѣдкость, Распятіе Іисуса
 Христа, сдѣланное совсѣмъ изъ
 особливаго роду камня (Menschen-
 ader, чловѣчскія жилы). Всѣ
 жилы васильковаго цвѣшу, кошо-

рыя должны бышь видны у чело-
вѣка умирающаго, находящяся
шамъ и неискусшвенныя, но сама
Природа провела ихъ въ нѣдрахъ
швердаго камня. Сію безцѣнную
рѣдкость подарилъ Аббашшву
нынѣшній Имперашоръ Францъ II.

Тутъ въ обширныхъ садахъ во-
схищался я, глядя на рѣдкое со-
браніе изъ всѣхъ частей свѣша
растѣній и деревъ; большіе свѣш-
лые пруды наполнены карпами,
и прекрасные водомешы придающъ
также много прелести симъ мѣ-
шамъ. Много деревень и бога-
тыхъ дачъ принадлежашъ къ сему
Аббашшву, кошорыми владѣющъ
двадцашъ чешыре монаха Домини-
канскаго ордена.

Зодчій, соорудившій Аббашшво
Мелькъ, поспроилъ также мо-
наштырь Сенш - Флоріана, неда-
леко отъ города Эбершъ - берга,
на превысокой горѣ и удиви-
шельной огромности. Тамъ ви-
дѣлъ я опяшь чудеса искусстваша и

рѣдкія художества: чрезвычайныя живописи, всякихъ родовъ огромныя колонады, рѣзьба, позолота, сѣбны, украшенныя лѣпною работою и прекрасными дорогими коврами; однимъ словомъ, всевозможныя украшенія, однако не новаго вкуса, видны въ сихъ монастыряхъ. Въ прежнія времена, когда духовенство имѣло большую силу въ Германіи, знатные господа, оставаясь бездѣшными, принуждены были закономъ по смерти оппказывать все свое имѣніе въ пользу монаховъ, которые, живя въ роскоши, были основателями сихъ славныхъ монастырей.

ВОИНСКІЯ ЗАПИСКИ,

На Баварской границѣ, городъ
Браунау.

Октября 2 поутру

Наконецъ ввечеру вчерашняго числа прибыли мы въ городъ Браунау. Колонна наша, кодъ началь-

спвомъ Генерала Милорадовича, вспунила въ городъ съ восклицаніемъ: ура! Во всѣхъ полкахъ играла музыка и пѣли веселыя пѣсни. — Городъ Браунау, споящій на берегу рѣки Инна, пограничной между Авспріею и Баваріею, имѣетъ прекрасныя укрѣпленія, но ни одного человѣка въ гарнизонѣ; имѣетъ много мѣдныхъ пушекъ въ арсеналахъ; но очень мало исправныхъ на валахъ и ни одного запаснаго магазейна. — Удивительно, для чего Цесарцы не хошѣли привести славною крѣпости сей въ оборонительное состояніе. Правда, что между ею и Французскою арміею спойшѣ около спашысячь Авспрійцевъ при Ульмѣ, подѣ начальспвомъ Принца Фердинанда и Генерала Макка.

Октября 2 по полудни.

Сей часъ разнесся слухъ, и весьма досповѣрной, что въ прид-

цаши только версахъ отъ Брау-
нау за Инномъ, спойшъ Генералъ
Мармонъ съ сорока тысячами
Французовъ, а въ пашнадцаши
версахъ отъ насъ, на Баварской
же споронѣ, Австрійскій Гене-
ралъ Кинъ - Мейеръ, съ десятью
тысячами. Говоряшъ, что нашихъ
двадцашъ тысячъ Рускихъ, соеди-
нясь съ десятью Австрійцовъ,
учиняшъ нападеніе на Генерала
Мармона, которой дерзнулъ зай-
ти шакъ далеко. Генералъ сей
долженъ бышъ окруженъ; ибо ме-
жду имъ и большою Французскою
арміею спойшъ Маккъ со сша ты-
сячами. И шакъ завпрешній день
мы должны сражашся: шшыки
навоспрены, ружья исправны и
сердца Россіянъ пылаюшъ герой-
скимъ рвеніемъ. Непрїяшель въ
глазахъ, все прїугошовляешся; ско-
ро загремишъ война! . . .

Октября 6 го.

Мы еще въ Браунау, занимаем-ся различными военными приуго-товленіями ; всякой день прихо-дишь къ намъ аршиллерія, кошо-рая, по причинѣ худой погоды, оставалась назади; конница наша еще переходовъ за пять осюда. Генералъ Мармонъ стоишь въ прежнемъ положеніи ; но мы не поидемъ прошивъ него, а только приводимъ себя въ безопасность отъ внезапнаго нападенія непри-ятели.— Главнокомандующій Ге-нералъ Кушуровъ собиралъ Воен-ный Совѣтъ, на кошоромъ рассу-ждали, ишли ли сражашься съ Мармономъ? Многие Генералы, воспламененные свойспвеннымъ Россіянамъ духомъ мужеспва, просили сраженія ; но Генералъ Кушуровъ, можешъ бышь провидя будущее, не согласился на ихъ мнѣніе, говоря, что съ двадцать-ми только шысячами не можешъ

онѣ ипши на споль сильного не-
пріяшеля, не имѣвъ никакого сно-
шенія съ главною Авспрійскою ар-
мією и не получая никакого о ней
свѣдѣнія. Посмотримъ, оправда-
ешъ ли послѣдствіе его предумо-
пришельность.

Октября 8го.

Сего дня праздновали здѣсь пят-
надцать дней предъ симъ одер-
жанную Авспрійцами надъ Фран-
цузами небольшую побѣду.

Октября 11го.

Жишели приходятъ въ уныніе;
весьма печальные слухи объ арміи
союзниковъ начинаютъ распро-
страняться; однакожь ихъ по-
чишаютъ пришедшими изъ за
Инна, и нарочно выпущенными
отъ злонамѣренныхъ Баварцовъ.

Октября 12го.

Какое волненіе! весь городъ въ
превогѣ, жишели въ слезахъ и
въ опчаяніи. Сего дня Генералъ

Маккѣ, оппущенный извѣ пѣну на
чесное слово, прибылѣ въ Брау-
нау, и объявилѣ Главнокомандую-
щему, что вся Австрійская армія,
споявшая при Ульмѣ, разбила и
забрана въ плѣнѣ; оспашки сей
несчастной арміи, поперявѣ зна-
мена и честь, нѣкошорыя даже
безвѣ ружей и безвѣ аммуніціи,
бѣгушѣ чрезвѣ Браунау и раз-
сѣваюшся по Австріи. Солдашы
наши въ недоумѣніи; имѣ ве-
ляшѣ опспупашѣ; но что дѣ-
лашѣ? Щаспливой непріятель, со-
спа двадцашью тысячами побѣдо-
носнаго войска, шагаешѣ къ Брау-
нау; а насѣ только двадцашѣ ты-
сячѣ; Россія и помощѣ далеко ошѣ
насѣ; должно опспупишѣ; зав-
прешній день до разсвѣта оспа-
вимѣ Браунау.

Октябрья 28 го.

Городѣ Кремсѣ.

Мы только что немного при-
оспановились, перейдя за Дунай

и зжегши на немъ весьма длинной мостъ; всѣ упомянутыя оныя реширады— О! сколь шрудна она! Ксенофонтова врядъ былали шяжелѣ.— Оны Браунау до Кремса, около чешырехъ сотъ верстъ, шли мы день и ночь, и во все время спановились лагеремъ всегда на голомъ полѣ, безъ палатокъ и всякаго прикрышя, кромѣ самыхъ худыхъ шалашей изъ соломы или шросшнику; а оны сильнаго холоду согрѣвались у огня, кошорой каждый у своего шалаша раскладывалъ. Надобно испышашъ шакую нужду, чшобы имѣшъ о ней¹ поняшяе: ишши цѣлыя ночи насквозь въ грязи по колѣно, измокнушъ оны снѣга или дождя, и дрожа оны холоду или въ изнеможеніи оны усталости, на одну минушу бросишся на солону, кошорая тогда покажется несравненно пріяшяе бархашныхъ и сафьянныхъ дивановъ: вошъ каково было наше положеніе!

Сіи стихи Пешрова очень приличны шрудамб, понесеннымб нами: —

Воины, говоритб онб:

„Далекіе пуши и шрудные подв-
емлютб;

„Томятся день и ночь едва когда
воздремлютб;

„Нездравы воды пьютб, зной шер-
пятб, бури, мразб,

„И дышатб воздухомб исполненнымб
заразб!

По причинб шрудныхб ночныхб переходовб, испорченныхб дорогб и самой дурной погоды, много ошсшавало людей отб полковб; но при первой возможности большая часть изб нихб возвращались кб своимб мбшамб. Крайне любопышно замбшишь, что люди сіи, не зная языка и не имбя ни вожашихб, ни географическихб картб, пробирались сквозь горы и лбса, окольными дорогами. Какимб же образомб прокрадывались они сквозь мбща, заняшыя непрія-

шелемъ, по *сту* и болѣе верстѣ
 проходя пущами неизвѣстны-
 ми? — Многіе разказываютъ что
 направляли пущь свой по *солнцу*,
 по *вѣтру* и по *звѣздамъ*; а нѣкошо-
 рые говорятъ просто: „*къ своимъ*
 „*сердце ведётъ!* — Желая сообщить
 тебѣ нѣчто подробнѣе о нашей
 ретирадѣ!

Прибытіе Макка въ Браунау
 и несчастіе нашихъ союзниковъ
 склонило Главнокомандующаго
 спасти армію *ретирадою*, почему
 и было положено, чѣшобъ остано-
 виться еще нѣсколько дней въ Брау-
 нау для вывезенія большаго пар-
 ка Цесарской артиллеріи и про-
 чаго.

Россійскіе кирасиры, драгуны и
 артиллерія, кои еще не дошли
 до Браунау, получили повелѣніе
 остановившись и дожидаться прибы-
 тія къ нимъ арміи. Войска наши
 раздѣлены были на три корпуса,
 которые, одинъ за другимъ, вы-
 шли въ теченіи трехъ дней.

Тогдашнее время года не позволяло осматривать большой дороги (шоссе), по чему и должно было идти всею одною дорогою, кроме Цесарскаго Генерала Кинь-Мейера, который со войсками своими вступил в Австрию через Браун-Гаузен. Ему должно было проходить по мостовой, ведущей из Сальцбурга к Ламбаху и провождать нас стороною до Шпеера. Генерал Носпиц, командовавший Венгерскими гусарами, шел из Пассау в Линц. Все мосты на реке Инн были разорены, и главная квартира чрез два перехода перенеслась в Ламбах. Одна часть войск заняла Вельс, где и простояла около трех дней, дожидаясь прибытия Австрийцев.

Прекрасной город Вельс погружен был в чрезвычайное уныние; дома опустели, жилища, нагрузив имуществом барки и лодки, вместе со своими семей-

сшвами сѣдѣли на нихъ и предавались на волю печенія рѣки, которая несла ихъ въ нѣдра горъ Венгерскихъ: тамъ надѣялись они укрыться отъ нашествія враговъ. Тамъ, которые по различнымъ обстоятельствомъ принуждены были осѣлаться въ городѣ, по прираза въ день собирались въ церкви, и съ колѣнопреклоненіемъ, обливаясь горестными слезами, умоляли Бога о защитѣ ихъ sprawy. Въ сіе самое время, то есть, 16 Октября, пріѣхалъ изъ Вѣны въ Вельсѣ Императоръ Францъ II. Какое зрѣлище представилось сему Монарху! Скорбь и опчаяніе, шакъ сказаць блуждающія по спогнамъ града, унылой звонъ колоколовъ и спонъ несчастнаго народа на улицахъ, мершвое молчаніе и пустоша въ великолѣпныхъ домахъ! —

Тамъ видѣлъ онъ знашнаго Вельможу, удаляющагося отъ пышныхъ чершоговъ своихъ; въ дру-

гомъ мѣсто одного ремесленника и скорбящую нѣжную мать, вмѣсто всѣхъ сокровищъ, несущую на рукахъ своихъ болящихъ чадъ. Какою горестію должно поражаться сердце Монарха, взирающаго на бѣдствія своего народа! Каждая слеза сироты, каждой вздохъ вдовицы, кажется, призывающъ на главу его гнѣвъ Небесъ! Градскіе чиновники вышли на встрѣчу своему Государю: какая встрѣча! — Толпа опечаленныхъ Нѣмцовъ, спѣснившись около кареты, прокричала раза три сквозь слезы: „да здравствуетъ Императоръ Францъ II.“ Послѣ Депутаты отъ города приходили просить у Императора защиты отъ лютой вражды, особливо единоплеменниковъ ихъ Баварцевъ, которые все предающъ огню и мечу. „Друзья мои!“ говорилъ опечаленный Монархъ, „единая надежда намъ на Бога и на великодушіе союзнаго Императора

„Александра I. Скоро получимъ
 „мы сильную помощь, и бѣдствія
 „прекращаются.“ Такъ говорилъ
 Монархъ; но бѣдный народъ оста-
 вался безушѣшенъ. Ахъ! во время
 всеобщаго злополучія и Царская
 корона тяжостное бремя.

Изъ Ламбаха главное отдѣле-
 ніе войскъ перешло въ Вельсѣ, а
 то, которое было въ Вельсѣ, въ
 Эберсѣ-Бергѣ, и служило опря-
 домъ въ Линцѣ къ принятію Ге-
 нерала Ностица. Всѣ прочія ма-
 лья дороги заняты были пѣхо-
 тою; арріергардъ же, подъ началь-
 ствомъ Князя Багратиона, оста-
 ся въ Ламбахѣ. На другой день,
 по прибытіи Австрійцовъ въ
 Вельсѣ, началось первое дѣло въ
 Ламбахѣ: войска Цесарскія, воз-
 вращавшіеся по большой дорогѣ
 изъ Браунау, были жестоко пре-
 слѣдованы Французскимъ аван-
 гардомъ.

Цесарской Генералъ Меіерфельдъ
 пошребовалъ помощи, и Генералъ

Баграціонъ, расположась позади Ламбаха, опрядилъ два егерскихъ полка, Павлоградскихъ гусаръ и башарею конной аршиллеріи. Весь сей опрядъ, порученный подъ начальство Генерала Меіерфельда, исполнялъ долгъ свой съ примѣрною опличностію, навелъ ужасъ на непріяшеля и получилъ похвалу отъ Цесарскаго Генерала. На сей сшибкѣ былъ раненъ смертельно *Графъ Головкинъ*, Шефъ егерскаго полку: онъ сражался какъ испинный герой и Россіянинъ.— Такимъ образомъ опразивъ непріяшеля, войска Цесарскія перешли рѣку при Ламбахѣ, разорили на ней мостъ и направили путь свой къ Шшееру. Армія Россійская пошла на Эбершъ-Бергъ, гдѣ присоединивъ къ себѣ Авспрійскаго Генерала Носпица, Россійскихъ Генераловъ Штрика и Лидерса, и разоривъ мостъ на Дунаѣ въ Линцѣ, пошла на Энсъ, гдѣ и переправилась чрезъ рѣку того же

имени.— Тамъ-шо гусары Австрійскіе, заключавшіе походъ войскъ, были сильно шѣсними непріятелемъ, которой везъ пушки, желая захватишь мостъ на Энсѣ.— Въ семъ мѣстѣ въ первой разъ былъ я свидѣтелемъ военнаго позорища. Колонна наша опошла уже чешыре вершы отъ рѣки. Князю Багратиону поручено было защищать переправу; однакожь Генераль Милорадовичъ, будучи охотникъ до военныхъ зрѣлищъ, побхалъ къ рѣкѣ, взявъ имена съ собою.

Издали еще услышали мы глухой стонъ, казавшійся выходящимъ изъ подъ земли; а на небѣ увидѣли багряное зарево. Но какъ описатьъ то, что поразило меня, когда мы приближались къ мѣсту сраженія? Глубокая темнота ночи освѣщалась пожарами: артиллерія наша дѣйствовала ужасно!

Вся земля потрясалась, окрестныя горы шрепешали, и вспре-

воженное эхо, во глубинѣ долинѣ, повсюду спонѣ Природы. Зажигательныя вещества положены были на мостѣ. Какимъ - по нечаяннымъ случаемъ онѣ загорѣлись прежде съ нашей стороны. Французы бросились на прошивной конецъ и хотѣли гасить; но Генералъ Кузубовъ, прѣхавшій также къ рѣкѣ, даетъ знакъ — и вдругъ нѣсколько отважныхъ егерей, подѣ каршечными выстрѣлами, бросающагося черезъ огонь, прогоняющаго Французовъ и зажигающаго съ ихъ стороны мостъ: вошъ каковы Рускіе!

Загорѣвшійся мостъ увеличилъ пожаръ. Все небо побагровѣло, и бурныя волны рѣки Энга приняла видъ пламенной шверди. Разряжавшіяся каркасы и гранаты спремели пошохы огненныхъ искрѣ. Если прибавить къ сему ужасной шумъ барабановъ, сильную ружейную стрѣльбу двухъ тысячъ Крошовъ, залегшихъ въ

шанцахъ и дѣйствовавшихъ изъ двуспвольныхъ своихъ ружей, и крикъ сражающихся: по можно имѣть нѣкоторое понятіе о ночной сшибкѣ при Энсѣ.

Съ нашей стороны сдѣланы были шанцовыя укрѣпленія; войска Цесарскія, подъ начальствомъ Генерала Меіерфельда, посланы въ Шпеерѣ; всѣ опасныя мѣста рѣки охраняемы, и мы надѣялись долго держаться въ семъ положеніи. Но вскорѣ непріятель вытѣснилъ Цесарцовъ изъ ихъ мѣствъ, почему и мы должны были оставить Энсѣ и идти на Амштепенѣ. Близъ сего города по двухдневномъ походѣ, арьергардъ нашъ, подъ начальствомъ Князя Баграціона, жестоко прибитъ сильнымъ непріятельскимъ опрядомъ и принужденъ былъ отступить къ *отдѣленной бригадѣ* Генерала Милорадовича.

СРАЖЕНІЕ ПРИ АМШТЕТЕНЬ.

Октября 24 числа, Главкомандующій приказалъ отдѣленной бригадѣ, подѣ начальствомъ Генерала Милорадовича, состоящей изъ трехъ полковъ пѣхоты и одного коннаго, оспановившись и принявъ непріяшеля, кошорой сбивалъ съ поля Князя Баграшона съ авангардомъ. Положеніе наше было слѣдующее: по обѣимъ сторонамъ дороги ровнина, не болѣе какъ на два вышянушыя полка, вокругъ лѣса, а на лѣвой рукѣ горы. — Едва успѣли полки, составлявшіе авангардъ, пройти мимо насъ, какъ вдругъ впереди изъ лѣсу показалось нѣсколько непріяшельскихъ колоннъ, а съ правой стороны его конница. Мы стояли въ двѣ линіи; вторая наша линія и резервъ были у самаго лѣсу въ лощинѣ, такъ что непріяшель не могъ ихъ хорошо видѣть. Генералъ Милорадовичъ,

помня наставленіи великаго Суво-
рова, что Руской солдашъ дол-
женъ доставашъ побѣду концемъ
своего штыка, ошдалъ приказаніе,
чтобъ гренадерской баталіонъ его
полка не заряжалъ ружей;
а встрѣшилъ бы непріятеля пря-
мо грудью и холоднымъ ружьемъ.
Въ чешыре часа по полудни дѣло
началось: первая наша линія вы-
слала штыковъ противу непріятельскихъ,
которыя высыпали изъ лѣсу.
Въ сіе время открылъ непріятель
сильную пушечную пальбу; но ядра
лешали все черезъ насъ и падали
сзади подлѣ дороги въ лѣсу такъ,
что во все время не причинили намъ
почти малѣйшаго вреда. Маріупольскаго
гусарскаго полку Полковникъ
Ребиндеръ съ эскадрономъ своимъ
врубился въ непріятельскую конницу,
и пробившись сквозь оную, набѣжалъ
на подкрѣпленную пѣхоту, ударилъ
на нее; но въ то же время каршеч-

ной выстрѣлъ ранилъ его въ ногу и убилъ подъ нимъ лошадь. Онъ упалъ и былъ раздробленъ на части саблями Французскихъ гусаръ.— Сей храбрый Полковникъ своею рукою изрубилъ до десяти человекъ непріятелей. Подоспѣвшая конная артиллерія (*) дѣйствовала ошмѣнно удачно, и привела колонны непріятельскія въ замѣшательство.

Наконецъ, на правомъ крылѣ, Малороссійской гренадерской полкъ открылъ башальной огонь, а на лѣвомъ, гдѣ непріятель былъ сильнѣе, Абшеронскаго и Смоленскаго мушкетерскихъ полковъ баталіоны пошли на штыки, и непріятель опрокинутъ. Многія его колонны разстроились и бѣжали далеко. Вспорая наша линія вступила въ бой уже при концѣ. Вообще дѣло сіе походило болѣе на маневры: здѣсь въ первой разѣ

(*) Рошы Подполковника Ермолова.

увидѣлъ я твердость Русскихъ , когда мѣсто и обстоятельствъ способствующимъ; ни одинъ не показалъ даже и виду обратиться назадъ.— Потери у насъ очень мало: раненъ Генералъ Бергъ пулею въ нижнюю часть рта.— Отлично сражались, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича: Генералы Графъ Витгенштейнъ и Кулебакинъ. Убитыхъ и раненыхъ въ семъ сраженіи, съ непріятельской стороны довольно, съ нашей мало.— Чуть было и я не попалъ въ число первыхъ или, по крайней мѣрѣ послѣднихъ. Смерть близехонько пролетѣла мимо меня. Вошъ какъ это было. Г. Милорадовичъ послалъ меня къ Графу Витгенштейну сказать, чтобъ онъ принялъ начальство надъ лѣвымъ крыломъ— вмѣсто раненаго Г. Берха Графъ, для сбереженія людей, стоялъ съ полкомъ своимъ въ глубокой лощинѣ шакъ, что ядра летали черезъ. Лишь только я сказалъ при-

казаніе и возвращаясь назадъ, спалъ взвѣзжашъ на высоту, какъ вдругъ изъ рукъ моихъ ускользнула шпага, когда я ударилъ ею по лошади. Слѣша къ Генералу, я хотѣлъ было оставить шпагу; но какое-то предчувствіе понудило меня ее поднять. Лишь только я слезъ, и наклонившись, принялся за эфесъ, какъ вдругъ ядро завизжало надъ самою головою моею лошади, и она вся запряслась какъ листъ. Мѣсто, на кошоромъ я остановился, было возвышено и ядра лезали недалеко отъ его поверхности. Еслибъ не выпала изъ рукъ моихъ шпага и я не слезъ бы ее поднять, то Богъ знаетъ, чшобы со мной было! . . .

По окончаніи дѣла, уже въ сумерки, Генералъ послалъ меня донести Главнокомандующему, что жепріяшель прогнанъ за лѣсъ и мы заняли гору. Я нашелъ его въ лагерѣ. Генералъ Кушуровъ ошмѣнно былъ доволенъ вѣстію о

побѣдѣ, разпрашивалъ меня подробно о цѣломъ сраженіи и приказалъ, чшобы черезъ часъ опустуишь, оставя съ зади конные пикеты.

Съ сего времени до самаго Кресса, бригада наша оставалась въ арріергардѣ. Тутъ - то наиболѣе прешерпѣли мы безпокойства. Всякой день въ переспрѣлкѣ съ непріятелемъ, и часшо дни по два и болѣе безъ хлѣба, пишаясь одними картофлями. Наконецъ Октябрю 28 пришли въ Крессъ; шого же вечера сожгли большой мостъ на Дунаѣ, и шеперь думаемъ бышь спокойными.

Октября 29, въ 10 часовъ утра.

Теперь споимъ мы за Дунаемъ, мостъ въ Крессѣ соженъ, въ Линцѣ шакже, а Вѣна конечно будетъ обороняшья. И шакъ мы можемъ весьма долго защищашь Дунай, и, какъ слухъ носишья, останемся здѣсь зимовашь, во ожиданіи глав-

ной арміи Генерала Буксгевдена, идущей чрезъ Моравію. Послѣ споль прудныхъ походовъ и кровавыхъ прудовъ, зимнія кварширы для насъ необходимы. Французовъ на нашей споронѣ совсѣмъ нѣтъ, да и на другомъ берегу Дуная очень мало, по шому, что они еще съ Саншъ - Пельшена повернули къ Вѣнѣ. И такъ мы надѣемся быть спокойны.

Въ 5 часовъ по полудни.

Сей часъ сдѣлалась у насъ сильная шревога, кошорая однакожь скоро ушла. На нашей споронѣ поймали нѣсколько Французовъ, кошорые опкрыли, что двѣ дивизіи, подъ начальствомъ Маршала Моршье, переправясь въ Линцѣ гдѣ, они починили разоренной нами мостъ, идущъ къ Кремсу. Пѣнные объявили, что пѣхоша непріятельская, сосшавленная по большой части изъ спрѣлковъ, шянешя по горамъ, покрышымъ

виноградниками, а конница ихъ: драгуны слѣдуютъ по самому берегу Дуная. Неожиданное извѣстiе! слѣдовательно мы должны еще имѣть сраженiе.

Сего дня на здѣшнемъ театрѣ хотѣли играть какую-то героическую драмму, но возспавшая тревога слишкомъ напугала актеровъ. Скоро, я думаю, мы сами съ Французами будемъ играть трагедiю: зрителями будутъ все жители окрестныхъ странъ, а дѣйствiе произойдетъ на берегахъ Дуная, которые вѣрно обогрѣются кровiю. Дай Богъ, чтобы правота Русскихъ воспоржествовала!

Въ 9 часовъ вечера.

Уже получили мы повелѣнiе насъ на непрiателя, котораго двѣ дивизiи (около двадцати тысячъ) съ Маршаломъ Мортье переправились въ Линцъ, прошли Дирштейнъ, и находясь за четыре часа отъ Кремса, близъ

Вейсб-Кирхена. И такъ завпрешній день съ разсвѣшомъ начнешся кровопролишяе.

Въ 10 часовъ вечера.

Сю минушу сошлись мы, чешыре Офицера изъ нашего полку, въ прекрасно-убранномъ и освещенномъ Кремскомъ прахширѣ: завпрешній день будешъ сраженіе; никто не думашъ о смерти. Видясь съ ней каждую минушу, мы такъ сказаць, уже ознакомились съ нею и перешали спрашишься для всѣхъ ужаснаго ея вида. Мы завели, однакожь между прочимъ разговоръ о томъ; кому изъ насъ суждено въ послѣдній разъ ужинашь въ Кремскомъ прахширѣ и кто долженъ завпра перейти въ царство мертвыхъ (*). —

(*) На завпрешній день въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ нашихъ товарищей поручикъ *Дмитріевъ* достался въ жершву смерти: но онъ умеръ славно!

СРАЖЕНІЕ ПРИ КРЕМСЬ

30 Октября.

Кремсь, Шшейнъ и Маульшернъ, сушь при города, соединенные почши вмѣстѣ. Между двумя первыми находилъ небольшая площадь, а Маульшернъ отдѣленъ рѣкою Дунаемъ.

Расположеніе Главнокомандующаго было слѣдующее: отдѣленной бригадѣ нашей, вышедъ изъ города Шшейна, и взявъ съ полверсты на право, подъ прикрытіемъ разныхъ строеній вдоль по берегу рѣки Дуная, дожидаться до шѣхъ поръ, пока Генералы Докшоровъ и Уланіусъ, съ правой стороны по вышамъ, обойдутъ непріятеля съ тылу. Князь Баграціонъ съ колонною своею сраженъ былъ на дороге къ Будъ-Вейсу, для наблюденія. И такъ вошъ наше положеніе: узкой берегъ, съ лѣвой стороны Дунай,

сб правой превысокія утесистыя горы, на кошорыхб разсбѣяны наши егери; спереди мы; сб зади Уланіусб и Докшоровб; а непріашель вб срединб, вб двухб небольшихб мбспечкахб. Не правда ли, что по сему мудрому распоряженію, намб оставалось только забрать его безб драки! Но вб послбдствіи вышло совсбмб другое. Лишь только пришли мы на назначенное мбспо, какб вдругб изб скалы показалось нбскольکو Французовб, кошорые, чаяшельно, посланы были для развбдыванія. Промчался слухб, будшо за горою спойшб сильная аршиллерія: полкб, бывшій впереди, встревожился. Генералб Милорадовичь, желая доказать, что опасности не было, выслалб, вб охотники, весь гренадерской баталіонб своего полку. Лишь только подвинулись мы нбскольکو впередб, какб увидбли не болбе двадцати Французовб, кошорые шощасб и побб-

жали ошѣ насѣ; мы же раздѣли-
 лись на три часши, извѣ кошо-
 рыхѣ одна пошла самымѣ бере-
 гомѣ на лѣво, другая прямо къ де-
 ревни, а прешія взлѣзла на го-
 ры. Мнѣ доспалось бышь въ прешей
 и корабкашья на высошы.—
 Такимѣ образомѣ подвигаясь впе-
 редѣ, безпрещанно видѣли мы
 Французовѣ, выскакивавшихѣ по
 одиначкѣ извѣ ущелинѣ горѣ и бѣ-
 жавшихѣ къ мѣспечку. Подходя
 же къ шѣмѣ мѣспамѣ, гдѣ они
 гнѣздились, находили раскладен-
 ные огни и множество разнаго
 роду свѣспныхѣ припасовѣ, а
 въ ущелияхѣ горѣ много пери-
 нѣ и подушекѣ, на кошорыхѣ Фран-
 цузы покоились. Непрїашель ноче-
 валѣ въ сихѣ горахѣ, и увидѣвъ
 насѣ, все сіе бросилѣ. Чѣмѣ да-
 лѣе подвигались мы впередѣ,
 шѣмѣ явспвеннѣе ошкрывались ве-
 ликія силы непрїашеля. Длин-
 ные гряды скалѣ и гребни высо-
 кихѣ горѣ унизаны были его пѣ-
 хошою и спѣшившеюся конницею.

Лучи восходящаго солнца играли на свѣшломъ оружіи, гордо на вы-
сшахъ ешоявшихъ строевѣ. Но
неизвѣсно еще было, кошорое изъ
воинствѣ озаришя лучами сла-
вы св окончаніемъ дня и боя!...
Между шѣмъ перешрѣлка спала
сильнѣе. Тѣ, кошорые шли лѣвою
шпороню по берегу, доспигли де-
ревни, изъ кошорой непріатель
учинилъ на нихъ жестокое напа-
деніе. Къ намъ подоспѣли новые
шрѣлки, а непріатель выдвинулъ
новые колонны, скрывавшіяся за
деревнею, и дѣло началось самое
жаркое и кровопротинное, про-
должавшееся цѣлой день.

Французы засыпали насъ кар-
течью изъ множества своихъ ба-
шарей. Мы нѣсколькo разъ прину-
ждены были опспушашь до сама-
го города, и всякой разъ Генералъ
Милорадовичъ, начальшвовавшій
вѣ семъ дѣлѣ, мужешвенно отпра-
жалъ непріателя, и по шрупамъ
его водилъ разшроенные полки

свои впередъ. Всѣ запасные бата-
ліоны, находившіеся въ городѣ
Шшейнѣ подъ начальствомъ Ге-
нерала Эссена 2го, вступили въ
дѣло. На долині и въ горахъ бой
продолжался съ равнымъ жаромъ.
Тѣсноша мѣста усугубляла жесто-
кость сраженія. Пули сновали
туда и сюда, какъ рой пчелъ.
Ядра и картечи, шумя по горахъ,
сбѣкали деревья и дробили камни.
Людей било сучьями и ивернями.
Одна опбишая шерновая вѣшвь,
зацѣпивъ меня на полешѣ, изко-
лола правое ухо, и больно зашибла
голову, шакъ, что надо было пе-
ревязать. — Полкъ нашъ, сража-
ясь опчаянно, очевидно исчезалъ.
Много Офицеровъ было раненыхъ,
и многіе, перевязавъ раны, воз-
вращались въ бой. — Наконецъ
уже къ вечеру Уланіусъ съ егеря-
ми, а Генералъ Докторовъ съ
своею колонною, ударили на не-
пріяшеля съ пылу, и онъ весь ча-
стію пошопленъ, а частію забранъ
былъ въ пѣнѣ.— Съ нашей спо-

роны убитыхъ и раненыхъ, шолько въ одной бригадѣ Милорадовича, бывшей въ самомъ пылу сраженія, много. Сія побѣда нешпоила бы намъ такъ дорого, ешьли бы Генералъ Докшоровъ могъ зайши ранѣ съ пылу; но дороги по горамъ совсѣмъ неудобопроходимы. У Французовъ взяли мы знамена, пушки и Генерала Грендоржа. Нѣсколько Французовъ, между коими находился и сей Генералъ, хотѣли спасши себя на лодкѣ, кошорую быспрымъ шеченіемъ воды занесло къ палямъ (на коихъ споялъ мостъ), гдѣ она шакъ завязла, чшо не могла никакъ съ мѣста двинушься. Поручикъ Шкларевичъ, Абшеронскаго мушкетерскаго полку, съ нѣсколькими гренадерами побхалъ на лодкѣ къ непріятельскому судну и привезъ Генерала и двухъ Полковниковъ на берегъ.

Въ семъ сраженіи, между проими, изъ нашего полку палъ

Князь Сибирской, молодой любезной человекъ, имѣвшій чинъ Подполковника: онъ сподобился многихъ слезъ своему достойному брашу. (*), Еще убишь недавно выпущенной изъ Гвардіи Поручикъ Дмишріевъ Получивъ двѣ раны, онъ не преставалъ сражаться, и въ шрешій разъ сраженъ пулею. — Опличились въ Абшеронскомъ полку Офицеры: Морозовъ Албинской, Воронецъ, Скальской и Шушеринъ. Справедливость требуетъ, чшобъ не умолчать здѣсь объ опличномъ подвигѣ и рядовата Музенъ - Каца. Абшеронскаго мушкетерскаго полка, гренадерскаго баталіона, роты Кашишана Морозова, гренадеръ Музенъ - Кацъ, находясь въ шпрѣлахъ въ виноградномъ саду, шпрѣзанъ былъ опъ своихъ шо-

(*) Который послѣ подъ Аустерлицомъ, сражаясь весьма храбро съ полкомъ своимъ, былъ покрытъ ранами и взятъ въ плѣнъ.

варищей. Французкой Офицеръ съ четырьмя рядовыми нападають на него. „Здайся!“, (пardonъ) кричатъ ему со всѣхъ сторонъ. Но храброй гренадеръ не хочетъ понимать ихъ требованія, надѣясь управиться со всеми цѣпью. Первымъ выстрѣломъ убиваетъ онъ Офицера. Четыре солдата съ бѣшенствомъ на него бросаются. Начинается рукопашной бой. *Музенъ-Кацъ* колени штыкомъ и бьетъ прикладомъ. Всѣ четыре сопротивника его, одинъ по другому, валясь бездыханны къ его ногамъ. „Ура!“ воскликнулъ *Музенъ-Кацъ*: „съ нами Богъ! злодѣевъ нѣтъ!“ и покрытый шестью ранами, возвратился къ своей ротѣ, въ виду которой съ такимъ мужествомъ совершилъ свой подвигъ.—

Государь Императоръ, произвелъ *Музенъ-Каца* въ Уншеръ Офицеры и приказалъ выдать ему

единовременно сто рублей. Сей анекдотъ можно назвашь: храброй Абшеронской гренадеръ или одинъ на пятерыхъ.

Октября 3го.

Вчерашній день былъ я окруженъ тысячью различныхъ смершей, видѣлъ безпрестанно лиющуюся кровь, слышалъ свистъ пуль— и остался живъ. Сего дня рано по утру ходилъ на мѣсто сраженія: шумъ умолкъ, мертвая шишина царшвовала въ долину, солнце медлило восходить; оно казалось спрашилось возрѣшь на мѣсто, гдѣ гремела брань. И какъ не ужаснушься? Цѣлой берегъ Дуная покрытъ шрупами! Тамъ лежалъ они кучами; въ другомъ мѣстѣ порознь; иной держишся за раздробленную голову; другой схвашился рукою за грудь, изъ которой жизнь его излилась вмѣстѣ съ кровію. Всѣ чувства возмуща-

юпся при возрѣніи на побіенныхъ. О! сколь ничпоженъ, въ сію минушу, кажешся, родъ челоѳковъ! Тысячи лежашъ поверженны во прахъ, подобно непошребнымъ живошнымъ, шягопившимъ собою землю. Иной надѣялся кончить жизнь на пышномъ ложѣ, подъ пурпуровымъ покрываломъ; но сраженный рокомъ, палъ на голую землю и обагрился кровію. Другой, менѣе мучимый чешполубіемъ, льспилъ себя надеждою умереть въ мирной хижинѣ, въ нѣдрахъ своего семейшва, въ обѣщаніяхъ милой подруги, узрѣшь вокругъ себя любезныхъ чадъ, возвести послѣдній взоръ на небо, и прельшясь сіющею въ немъ благосшію Творца, сомкнушь глаза: о сколь сладостна смерть сія! — но и онъ палъ на полѣ брани. Мѣшо сраженія было не просшранно: конница и аршиллерія, нѣсколько разъ пробъжая въ задъ и въ передъ, раздробили почти всѣ

прупы. Иной лежалъ безъ головы, другой разбилъ на двѣ половины; иѣкошорые сканившимися сѣторъ каменьями шавъ были списнушы, что едва на людей походили. Всѣ покрышы густою черною пылью. Въ разныхъ мѣснахъ, разные разшерзаные члены въ крови дымились. — Съ глухимъ ропотомъ Дунай, устрасясь собственныхъ береговъ своихъ, омышихъ кровію, бѣжалъ, кажешся, беспрѣе обыкновеннаго въ страны благоденствія. Никогда на долинахъ своихъ не видалъ онъ столько злыхъ сноповъ и гроздїевъ виноградныхъ, сколько нынѣ пруповъ человѣческихъ и сокрушеннаго оружія. —

Пораженный симъ печальнымъ позорищемъ, котораго вчера въ жару раниномъ не могъ замѣлшъ, спѣшилъ я, чрезъ изломанное оружіе, на вершины горъ. По мѣрѣ отдаленія отъ мѣсна ужаса, казалась, что новая жизнь вмѣстѣ

свѣжимъ воздухомъ вливалась въ мою грудь. Унылый вѣспрѣсвиспалъ въ ущеліяхъ скалъ; жалостный вопль раненыхъ, возносясь изъ ближнихъ хижинъ, сползавшихъ во глубинѣ кровавой долины, мѣшался съ нимъ. Съ высошы горъ взглянулъ я еще разъ на долину, гдѣ видно было торжештво ликующей смерти. Казалось, что она попирала спопами все величіе мірское: знатные и убогіе, сильные и слабые, сраженныя десницею ея, всѣ равно погребены были во прахъ. Однѣ только имена и дѣянія славныхъ героев, возносились превыше гибели, и благодарное пошомспво гоповилось напечатлѣшь ихъ въ сердцахъ. —

Ноября 10го, подѣ Ольшущемъ, по
утру.

Не правда ли, что положеніе наше было самое нецрїяшное: подѣ

Кремсомъ разбили мы непріяшеля въ пухъ, а сами должны были опшунить до самаго Бринна, что въ Моравіи, и далѣе; пошому, что Вѣна сдалась, и непріяшель спалъ у насъ съ крыла. Ешлы бы мы опоздали приши однимъ днемъ въ Кремсѣ, то Французы, переправившіеся въ Линцѣ и нами разбишые, успѣвъ приши прежде насъ, сожгли бы мостъ въ Кремсѣ, и чрезъ то принудили бы насъ оставашься на другомъ берегу на произволь судьбы. Но мудрой нашъ Кушуровъ предупредилъ ихъ намѣреніе, и мы спаслись. Наконецъ 6 Ноября, въ окрестностяхъ Бринна, соединились мы съ небольшимъ корпусомъ Цесарцовъ и избавились отъ преслѣдованія Французовъ, кошорые и шущъ хощѣли пресѣчь намъ пушь. Опшуда пошли далѣе до крѣпости Ольмуца, гдѣ шеперь, пройдя отъ Кремса до трехъ сотъ вершъ, соединились съ новоприбывшими войсками, подѣ

начальствомъ Генерала Буксгевдена и Великаго Князя Константина Павловича.

Ноября 10го въ вечеру.

Сего числа, по полудни въ при часа, всѣ наши войска были выстроены въ боевой порядокъ. Государь Императоръ осматривалъ ихъ: съ одной стороны стояли войска, пришедшія съ Генераломъ Буксгевденомъ, и гвардія, всѣ въ новомъ числѣмъ одѣяніи, кошорое на нихъ сіяло и свѣшилось; напрошивъ того наши полки составляли великую прошивопожность съ ними. Пройдя до семи сошъ вершъ отъ Браунау до Ольмуца, и прешерпя всевозможныя нужды, намъ конечно не лзя было равняшся въ опрятности съ новоприбывшими.

Государь Императоръ подѣхалъ къ намъ, и весьма милосшиво благодарилъ за вѣрную службу побѣ-

дишелей подѣ Амшшешеномѣ, Кремсомѣ и Шенѣ-Грабеномѣ: О! сколь счастливѣ народѣ, котораго Монархѣ самѣ испытываетѣ трудности военныя; упомянутыхѣ ошѣ подвиговѣ героическихѣ, оживошворяетѣ онѣ присущешвиемѣ своимѣ. Россійскіе герои забываютѣ всѣ прешерпѣнныя шягосши, всѣ горешшныя нужды, привозрѣніи на обожаемаго ими Государя; милосердый Монархѣ лишѣ сладчайшее ушѣшеніе вѣ сердца своихѣ подданныхѣ и шворитѣ ихѣ блаженными.

Я забылѣ упомянуть еще обѣ одномѣ важномѣ случаѣ вѣ нашей реширадѣ, о дѣлѣ Шенѣ-Грабенскомѣ. Когда, сверхѣ всякаго чаянія, Вѣна сдалась, и неприяшель, ушпремаясь кѣ Голабруну, едва не окружилѣ насѣ со всѣмѣ; тогда, для избѣжанія угрожавшей опасности, принуждены были, нѣсколькочасовъ сряду, день и ночь, ишши безѣ малѣйшаго роздыха,

по проселочнымъ, почти неудобнопроходимымъ дорогамъ. Наконецъ, миновавъ Голабрунъ, и слѣдовательно опередя непріятеля, пошли мы за Шенъ-Грабенъ, при коемъ оставленъ былъ Князь Баграціонъ съ арріергардомъ; а главная часть войскъ прошла далѣе за двадцать верствъ. Лишь только арріергардъ установился лагеремъ, какъ вдругъ появился, въ разстояніи на пушечной шолько выспрѣлъ, Принцъ Мюрашъ съ шестидесятью тысячами Французовъ. Онъ успѣлъ обмануть споявшаго впереди Австрійскаго Генерала Носпица, и со всею своею силою внезапно напалъ на нашъ арріергардъ, состоявшій тогда не болѣе, какъ изъ пяти тысячъ. Казалось, что войскамъ симъ должно было погибнуть; и въ самомъ дѣлѣ то случилось бы, ешьлибъ въ арріергардѣ были не Рускіе; но въ геройскихъ сердцахъ Россіянъ духъ мужества шѣмъ болѣе воз-

вышаешься, чѣмъ опасность увеличиваешься. Истинная вѣра и несомнѣнная надежда на Бога, имъ поборающаго, содѣлывающъ ихъ непобѣдимыми. Сраженіе при Шенъ - Грабенѣ оправдало сіе. Пять тысячъ Россіянъ, сражаясь съ шестидесятью тысячами Французовъ, опшняли у нихъ знамя, убили Генерала и съ немалымъ числомъ пѣнныхъ Офицеровъ и рядовыхъ, присоединились къ прочимъ войскамъ тогда, когда ихъ должно было почишашъ погибшими. Трисца Спаршанцовъ побили двадцать тысячъ Персовъ въ неприсшупномъ проходѣ Эермопильскомъ; а пять тысячъ Россіянъ опразили шестьдесятъ тысячъ Французовъ на чисшомъ полѣ! Но шамъ былъ Леонидъ, а здѣсь Князь Баграшюнъ.— Исполашъ героямъ Рускимъ! . . .

Ноября 19, въ 9 часовъ по утру.

Подъ Ольмуцемъ просшояли мы чешыре дни, и когда всѣ войска

соединились, но двинулись вперед. Теперь, по придневномъ походѣ, остановились лагеремъ на возвышенныхъ горахъ, за мѣстечкомъ Славковымъ. Уже мы недалеко отъ Бринна, въ копоромъ стоишь вся Французская сила.

Ноября 19, въ 12 часовъ ночи.

Сей часъ только кончили мы весьма трудной переходъ, и остановились на возвышенныхъ мѣстахъ. Неподалеку отъ насъ въ долину видѣнь городъ Аусперлицъ, а на противоположенныхъ горахъ лагери всей Французской арміи. Глубокая темнота ночи не освѣщается ни однимъ изъ свѣтилъ небесныхъ; какая-то ужасная тишина царствуетъ въ окрестностяхъ. Упоменные солдаты наши, съ свойственнымъ только Рускимъ спокойствіемъ духа, крѣпко спяшь вокругъ угасающихъ огней; одни стражи недремлющимъ окомъ про-

ницающѣ темношю ночную, и подавая другѣ другу извѣщательной голосѣ, бодрственно охраняющѣ погруженныхъ во снѣ героевъ, собратій своихъ, ошѣ внезапнаго нападенія лукаваго врага. Напрощивъ шого непріятель, упившись винограднымъ виномъ, шоржесшествуетъ: тысячи костровѣ изъ сухихъ виноградныхъ кольевъ, ярко пылающѣ, и багряное пламя ихъ разсѣвается въ сгущенныхъ мракахъ осенней ночи; у нихъ слышны музыка и пѣсни (*).

(*) Послѣ узнали мы, что причиною сего шоржества было прибыше свѣжихъ пшадесяти тысячъ войскъ, приведенныхъ Бернадошомъ. Наполеонъ говорилъ войскамъ рѣчь, кошорю старался возбудишѣ въ нихъ духъ мужества; а сверхъ шого на каждаго солдата велѣлъ раздашѣ по лишнему шрощивъ положеннаго участку мяса и хлѣба, и по большой мѣркѣ вина.

Городъ Голичъ на границъ Венгрии,
Ноября 23 го.

Уже прошло три дня, какъ мы имѣли главное сраженіе подъ Аусшерлицемъ. Армія наша была распянуша на пятнадцать верствъ, а пошому и не могу сказать тебѣ, любезный другъ, ничего подробнаго объ Аусшерлицкомъ сраженіи. Авангардъ нашъ, подъ начальствомъ Князя Багратиона, споялъ у Позорицкой почты, прошиву лѣваго непріятельскаго крыла, а лѣвое наше крыло прошиву Турасскаго лѣсу, занявшаго правое непріятельское крыло. Французовъ было сто тридцать тысячъ, а насъ всего съ Австрійцами, только семдесятъ. При томъ же наши войска во все время претерпѣвали крайнюю нужду въ свѣспныхъ припасахъ; а Французы не только были въ изобиліи, но и имѣли все излишнее. Однакожъ побѣда коле-

балась чрезъ цѣлой день, и уже по наступленіи ночи мы опспушили къ предѣламъ Венгріи. Опишу шебѣ только то, чему самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, то есть, что происходило въ нашей четвертой колоннѣ, находившейся въ самой срединѣ арміи. Тамъ сраженіе началось шѣмъ, что Генералъ Милорадовичъ ошрядилъ впередъ Новгородскаго мушкетерскаго полку два баталіона съ Полковникомъ Манахшинымъ, и спустя нѣсколько времени, послалъ Капишана, Морозова съ гренадерскимъ Абшеронскимъ баталіономъ, брашь находившуюся впереди деревню.

Все сіе происходило предъ очами неуспрашимаго Монарха нашего, кошорый въ сіе время находился на ближнемъ возвышенномъ курганѣ. Полковникъ Манахшинъ, пройдя поле, увидѣлъ вдругъ вышедшія изъ за горъ пять непріятельскихъ колоннъ,

храбро ударилъ на нихъ въ шпы-
ки, но былъ опрокинутъ, получа
самъ коншюзію. Абшеронской гре-
надерской баталіонъ, вспрѣвшись
также внезапно съ двумя больши-
ми колоннами, принужденъ былъ
отступити. Вскорѣ вся четвер-
тая колонна вступила въ бой;
воздухъ помрачился отъ пуль,
кровь брызнула съ обѣихъ сто-
ронъ, и земля задрожала отъ
сильной пальбы безчисленнаго мно-
жества огнеспрѣльныхъ орудій.
Наконецъ Новгородскаго мушке-
терскаго полку Шефъ, Генералъ
Репнинской, былъ раненъ, и полкъ
его разстроился. Мадороссійскаго
гренадерскаго полку Шефъ Гене-
ралъ Бергъ, недавно излечившійся
отъ полученной имъ при Амште-
шенъ раны, нося самъ знамя, долго
удерживалъ полкъ свой; близь не-
го убили его Адьюшанша и много
Офицеровъ. Пришедъ въ изнеможе-
ніе, онъ велѣлъ водити себя подъ
руки, и заклиналъ солдатъ сто-

яшь швердо; но получа двѣ кон-
 пузіи, упалъ замершво и доспал-
 ся непріяшелоу въ плѣнѣ. Оста-
 вшійся послѣ него полковымъ ко-
 мандиромъ, храбрый *Маіоръ Хри-*
стофовичъ, шакже былъ жестоко
 раненъ, и весь полкъ пришелъ въ
 неустройшво. Сей храбрый Ма-
 іоръ послѣ 25 лѣтней службы въ
 Офицерскомъ чинѣ, бывшей въ Ту-
 рецкихъ, Шведскомъ и Француз-
 скомъ походахъ, получа еще нѣ-
 сколько ранъ, шеперь, когда пись-
 ма сіи печашаюся, произведенъ
 въ Генералы.—Абшеронскій полкъ,
 лишась большой половины луч-
 шихъ солдатъ и многихъ Офи-
 церовъ, весьма ослабѣлъ. Къ вече-
 ру Генералъ Милорадовичъ, подъ
 каршечными выспрѣлами собравъ
 разсѣянную свою колонну, повелъ
 оную въ Аусперлицъ, для приѣма
 пашроновъ, копорые всѣ уже бы-
 ли распрѣляны. Говоряшъ, что
 прошивъ сей чешвертой колонны,
 соспоявшей не болѣе какъ изъ че-

тырехъ тысячъ, Французовъ было болѣе десяти тысячъ, и самъ Бонапарте ; ибо онъ желалъ пробиться сквозь середину. Наболѣе опражали мы непріятеля штыками , и хопя были весьма разспроены , однаковъ удерживали мѣсно почти чрезъ цѣлый день. Послѣ того, соединясь съ Княземъ Баграціономъ , прикрывали опшупленіе всей арміи, и въ печеніи прехъ дней имѣли еще нѣсколько малыхъ спычекъ.

Въ сраженіи подъ Аусперлицемъ раненъ смертельно зять Главнoкомандующаго Графъ Тизенгаузенъ , прекрасной молодой чoлoвѣкъ. Движимый духомъ мужества , онъ спремился въ самыя опасныя мѣсна. Когда пуля пробила ему грудь , онъ упалъ съ лошади; Генералъ Милорадовичъ послалъ къ нему Адъютанта Аракчеева съ нѣсколькими рядовыми ; но лишь только подняли его на ружья, какъ наступившая весьма

близко Французская колонна, открывъ бапальной огонь, засыпала пулями шѣхъ, кои несли, и принудила ихъ оставишь Графа. Неприятельские непріятели набѣжавъ, сорвали съ него эксельбанты, недавно полученный имъ орденъ, и въ бѣшенствѣ били еще прикладами. Наконецъ, когда наши прогнали ихъ назадъ, то и Графъ былъ взявъ почти полумертвой, и чрезъ нѣсколько дней скончался. — Такова участь смертныхъ! — Что значить знатность рода? что пышность и величье? Пустой звукъ словъ — смерть не спрашивая ихъ. — Зять Главкома-дующаго, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ, обласканный щастіемъ, палъ отъ пули также, какъ и простой воинъ! —

Теперь вступили мы въ Венгрію. Между нашими и Французскими войсками заключено перемиріе на неограниченное время, и, какъ говорятъ, скоро насна-непъ совершенный миръ. —

Бѣдствія войны.

Другъ мой! проходя по окрестностямъ, прежде процвѣтавшимъ, а нынѣ опустошеннымъ огнемъ и мечемъ непріятелей, часто мечтаю я, для чего всѣ народы земные не могутъ увидѣть ужаснѣйшихъ бѣдствій погибающихъ собратій своихъ—бѣдствій, челоуѣками причиненныхъ? О! сколько ужасное позорище представилось бы имъ! Цѣлыя обласпи, прешворенныя въ сѣнь, адскіе пожары, пожирающіе великолѣпные города и смиренныя селы; смерть, въ ужасныхъ образахъ болѣзней и язвъ, блуждающая по развалинамъ обителей избіенныхъ смертныхъ: вошъ что явилось бы очамъ жителей міра сего! Ужъ ли бы сердца ихъ не смягчились?— Но это одна мечта. Однакожь многіе чувствуютъ живо бѣдствія войны: нѣжныя матери, горестныя супруги! не напрасно въ часъ полу-

нощи спрашныя сны возмущаютъ покой вашъ; не напрасно сердца ваши занывають; они предчувствуютъ паденіе любезныхъ вамъ: сердце часто бываетъ вѣрнѣйшимъ вѣспникомъ злополучія! —

Смотря на огромные обозы съ различными имуществами несчастныхъ, при которыхъ старцы, жены и сироты печально идуць, невольно вспомнишь о случавшихся въ глубокой древности преселеніяхъ народовъ: но тогда гнѣвъ Природы, потопъ, моръ и гладъ превозили обитателей земныхъ; а нынѣ разсвирѣпѣвшіе народы вооруженною рукою, такъ сказашь, спалкивають другъ друга съ лица земли, и плавають въ крови собратій своихъ! Побѣжденные съ горестію убѣгаютъ изъ родины своей; побѣдишели, вмѣстѣ съ смертію, пируютъ въ ихъ жилищахъ.

М И Р Ъ.

Приди ошѣ спранѣ благословенныхъ, изѣ обителей тишины и вѣчныхъ радостей, приди ошѣ краевѣ эфирныхъ, гдѣ шы предшоишь лучезарному престолу міры Творящаго, приди!—и шихо по лазоревымѣ зыбямѣ спушися на землю— жилище суешы и горешей, священный мирѣ! Ты пришиѣ свѣшлой зари, когда она, послѣ бурной ночи, свѣшлѣетѣ на ясномѣ сводѣ небесѣ; шы сладешнѣе благодашнаго весенняго солнца. Тебя привѣшствуетѣ сѣдовласый спарецѣ въ бѣдной хижинѣ своей, и малые сироты убиеннаго на брани сына его пересшающѣ плакашь, видя спокойшвіе на его челѣ. Тебя привѣшствуютѣ Вельможи въ великолѣпныхъ чершогихъ своихъ; покой и веселіе возвращающа кѣ нимѣ. Божешвенный мирѣ! кѣ тебѣ возсылающѣ сердечныя хваленія всѣ шѣ,

которыя чшутъ священную добродѣшель; тебя съ восторгомъ встрѣчаютъ благоговѣющіе предъ тобою народы.

Наконецъ Богъ услышалъ стоны и моленія народовъ— и война прекратилась. Войска наши идутъ въ Россію, а Французскія возвращаются къ своимъ предѣламъ.

ВЕНГРІЯ.

Какъ пріятно путешествовать по симъ мѣстамъ? какая картина! Длинные цѣпи Карпатскихъ горъ: издали голубые верхи ихъ синѣютъ сквозь прозрачную завѣсу бѣлаго тумана. Подходишь ближе, и тысячи прекрасныхъ разнообразныхъ видовъ и удивительно пріятныхъ измѣненій Природы представляются вдругъ, и очаровываютъ прелестію своею восхищеннаго странника. Часые перелѣски, зеленыя полянки, виноградные сады придають много прелести дикой красотѣ горъ. На

самыхъ возвышенныхъ скалахъ видны древніе опустѣлыя замки съ гордыми башнями; а внизу у подошвы смиренныя хижины. Между горъ бывающъ обыкновенно деревни; шущъ на долинахъ поселяне сѣющъ хлѣбъ, косящъ сѣно и разводящъ сады. Быстрые потоки съ ревомъ спремаясь съ горъ, и прешворяясь въ свѣшлые ручьи, шихо лющъ по долинамъ. — Въ Венгріи опшѣнно много картинныхъ видовъ и прекрасныхъ мѣстъ: извнѣ это неподобная земля; — шещъ надо сказащъ о ея внушренности.

Венгры, народъ воинственнѣйшій и вольнѣйшій, свяшо хранящъ права свои. Извѣстно съ какимъ необоримымъ мужествомъ защищали они права свои, подъ предводительствомъ храбраго вождя своего Графа Емерика Текелли. Это было въ 1685, 86 и 87 годахъ. Около сего времени по ещъ, въ 1654 году съ такимъ же мужествомъ

Малороссіяне, подѣ предводишель-
сшвомѣ знамениаго Хмельницкаго
опшбили у Поляковѣ права и свобо-
ду свою.— Венгры шакже имѣють
знашныхѣ господѣ, Графовѣ, Кня-
зей и Бароновѣ; но у нихѣ на мѣ-
сто феодальнаго, сущесшвуетѣ
право поземельное.

Помѣщикѣ, имѣющій много зе-
мли, опдаетѣ ее вѣ наемѣ крещь-
янамѣ, кошорые шамѣ поселяющ-
ся, обрабошываютѣ поля и пла-
шатѣ условную по договору по-
дашѣ. Ежелижѣ крещьянинѣ не
пожелаетѣ житѣ у одного госпо-
дина, то можетѣ перейши вѣ дру-
гую округу и поселишься на зем-
лѣ избраннаго имѣ помѣщика; но
прежде, нежели спанетѣ перехо-
дитѣ, обязанѣ онѣ заплашитѣ
шому господину, сѣ чьей земли
сходитѣ, годовую условную по-
дашѣ за десяшѣ лѣшѣ впередѣ, и
шогда свободенѣ. По прошесшви
же каждыхѣ десяти лѣшѣ, дѣ-
лаешся по всему государсшву ре-

визія, и крестьяне записывающа за шѣми господами, на чьей землѣ ихъ заспающѣ.— Венгрія раздѣляется на губерніи, уѣзды и порты. Нѣсколько деревень вмѣстѣ имѣющѣ своего начальника и составляющѣ опдѣленіе, называемое поршомѣ; нѣсколько поршомѣ составляютѣ уѣзды и шакѣ далѣе. Поршомѣ начальникамѣ поручено узнавашѣ качество земли; какимѣ руководѣльемѣ, или какого роду промышленностію достпающѣ пропитаніе жишели ихъ поршомѣ; шакже наблюдашѣ вообще за ихъ нравами и поведеніемѣ, и о всемѣ шомѣ доносишѣ уѣздамѣ, а шѣ относяшся въ губерніи. Въ случаѣ же наборомѣ, начальники поршомѣ собирающѣ солдатѣ и представляющѣ ихъ въ уѣзды. Всѣ Губернашоры во всемѣ относяшся къ вышнему начальнику Палашину.

Палашинѣ естѣ посредникѣ между народомѣ и Королемѣ; онѣ

обязанъ защищать права народныя противу самаго Короля, если бы сей вздумалъ ихъ нарушать. Когда Король присылаетъ какія повелѣнія, онъ разсматриваетъ ихъ; и если находить, что они непрошивны кореннымъ законамъ Венгерскимъ, то спѣшитъ выполнить; а если случатся повелѣнія, прошивныя законамъ, а Король настаиваетъ въ исполненіи оныхъ, тогда Палашинъ собираетъ Сеймъ и разсуждаетъ о возможности выполненія требованій Короля, несоотвѣствующихъ законамъ.

Палашинъ, при коронаціи своей, всегда находить подъ короною особенныя права Венгріи, кои клянется свято хранить и защищать. Всѣ дѣла рѣшаетъ онъ вмѣстѣ съ семью Сенаторами, которые избираются ему отъ народа Венгерскаго въ помощники. Для избранія новаго Палашина, Король предсавляетъ нѣсколько

кандидатовъ, изъ которыхъ народъ выбираетъ одного по желанію своему.— Венгры, кромѣ поземельной плашы помѣщикамъ, не плашатъ никому подашей. Пашинъ пользуется положеннымъ ему годовымъ жалованьемъ, а Король получаетъ доходы съ соляныхъ заводовъ, рудокопелъ и всѣхъ казенныхъ фабрикъ: доходы сіи слишкомъ важны. Военная сила Венгріи весьма велика; она можетъ, въ случаѣ нужды, безъ крайняго изнуренія обывашелей, шѣсть, оставя довольное число для обрабошыванія полей, выслать до двухъ сотъ тысячъ конницы и пѣхоты; а ешъли нужда пошребуетъ защищать границы свои, шѣ и болѣе. Венгры всѣ ошѣ природы здоровы, сильны, добродушны и храбры. Всѣ мужчины, даже и въ мирное время, пашутъ землю въ гусарскомъ плашѣ, которое хотя не пышно, но весьма къ имъ пришло; многія женщины но-

сятъ также гусарскія куртки, въ которыхъ онѣ прекрасны.

Въ мирное время Венгрія обыкновенно даетъ Королю тринадцать полковъ конницы и столько же пѣхоты, которые онѣ долженъ содержать до тѣхъ поръ, пока они будутъ находиться въ его землѣ, то есть въ Нѣмецїи; коль же скоро возвращаются въ предѣлы Венгрии, то перестаютъ получать плату отъ Короля. Недавно присланъ отъ Палашина указъ о началѣ инсurreкціи, то есть, о сборѣ войскъ; и теперь въ деревнѣ, въ которой мы остановились, не болѣе шестидесяти дворовъ, а она составляетъ около пятидесяти человекъ солдатъ. И такъ посудишь, какое количество должно набраться изъ всего государства? Всякой гусаръ, принадлежащій къ инсurreкціи, долженъ справиться всю аммуницію и содержать себя и свою лошадь на свой собственнй коштъ. Гусары

Венгерскіе лучшіе вѣ свѣшѣ; гренадеры ихъ также хороши. Главныя города вѣ Венгріи сѣуть: Буда или Офенѣ, гдѣ живешѣ Палашинѣ; Пешѣ древняя столица, гдѣ и нынѣ Короли коронуются; Презбургѣ, гдѣ собираются Сеймы, и еще много другихъ хорошихъ. Земля по большой части гориста; вѣ долинахъ родится довольно хлѣба; здѣсь естѣ большія рѣки и много озерѣ. Около горѣ водятся лошади отличной породы, которыя бывають крѣпки и быстры, и называются Горскими; Венгерскіе гусары умѣють на нихъ славно воевать. Вѣ Венгріи во всякой деревнѣ естѣ Рихтерѣ, или по нашему шаросша; Ношаріусѣ, ведущій всякаго рода записки, а особливо о расходахъ селенія, и Рекшорѣ, или сельской священникѣ, содержиѣ школу, вѣ которую жители посылають дѣтей своихъ учиться.

С л о в а к и .

На границахъ Венгріи есть много селеній и мѣстечекъ, въ копорыхъ живутъ Словаки. Это потомки древнихъ Славянъ, и время не могло еще испребишь въ нихъ шѣхъ изящныхъ качествъ, какими опличались древніе Славяне. Словаки живутъ на шѣхъ же правахъ, какъ и Венгерцы, только они всѣ Греческаго исповѣданія. У нихъ есть школы, гдѣ обучаютъ Славянскому языку. Тамъ видѣлъ я Славенскія граматики и лексиконы съ Венгерскимъ и Нѣмецкимъ переводомъ. Здѣсь можно слышать настоящій Славенскій языкъ и любоваться имъ. Какое сладкозвучіе, какая величественная пріятность! А особливо же Славяне сіи имѣютъ обычай говорить тихо и внятно, такъ что разговоры ихъ можно почестъ за сладостныя пѣсни. Всякому Русскому пріятно ви-

дѣль остатки славныхъ прароди-
щелей своихъ, видѣшь въ нихъ
просишу нравовъ, чистосердечіе
добродушіе и склонность къ
спраннопріимству и угощенію.

Пріятно на крылахъ воображе-
нія прелеташь въ глубокую древ-
ность, и умшвенными очами со-
зердашь прежнее величіе наро-
довъ Славенскихъ; въ опдаленнѣй-
шихъ вѣкахъ видѣшь сихъ смѣ-
лыхъ орловъ, прошекающихъ пу-
стынныя спраны древняго міра;
и избирающихъ, по закону мудро-
сти, спраны, болѣе выгодныя и
полезныя, нежели пріятныя для
жизни. Ихъ пламенныя души не
спрашились ужасныхъ льдовъ и
снѣговъ: опѣ шого-шо крѣпость
силъ и вождѣленное здравіе были
удѣломъ Славянъ. Придѣжаніе и
шруды содѣлали жизнь ихъ ща-
сливою и въ нѣдрахъ Сѣвера;
между шѣмъ какъ жишели шеп-
лыхъ спранъ, на лонѣ роскошной

природы, побѣжденные праздностию, дремали въ бездѣйствіи.

Славяне воздвигали великіе города, и щасливыя обласи свои ограждали не сполько крѣпкими стѣнами, какъ любовію къ Ошечесву: никшо не дерзалъ на нихъ; они дерзали на всѣхъ! Неспокойные сосѣди усмирились, коварство и кичливость препенали предъ праводушіемъ чадъ славы. Начнемъ ли созерцашъ военные подвиги Славянъ: сколь достохвальны они! Тамъ слышишь опѣ препещущихъ окреспныхъ народовъ сіе славное изреченіе: *кто противу Бога и Великаго Новаграда?* Тамъ Олегъ, съ ополченіемъ Славянъ, наводишъ ужасъ на Грековъ, усстрашавшихъ нѣкогда вселенную. Ладіи его несущся вѣпрами по сухому пуши, и щипшъ Героя Славянскаго сіяешъ на врагахъ Царяграда. Тамъ Свяшославъ съ малою дружиною, съ десятью тысячами идешъ прошиву сша тысячъ.

И мѣсто и обшояпельства благо-
 пріятствующѣ Іоанну Цымисхію;
 но Свяшославѣ и мужество Сла-
 вянѣ принуждающѣ побѣду увѣн-
 чашѣ ихѣ безсмертными лаврами.
 Тысячи примѣровѣ доказывающѣ
 рѣдкую храбрость Славянѣ на вой-
 нѣ. Въ мирное время они были
 тихи, крошки, привязаны къ
 родной странѣ и покорны своимѣ
 Государямѣ. Они стремились къ
 изящному, и для того, когда Ве-
 ликій Владиміръ озарилѣ ихѣ свѣ-
 томѣ Христіанства, по пѣнхъ
 Божественнымѣ Евангельскимѣ
 ученіемѣ, всегда сохраняли его
 швердо и пошоянно, пламенѣя
 усердіемѣ къ истинному Творцу.
 Ни строгаѣ властѣ Ташарѣ, ни
 всѣ ухищренія сихѣ дикихѣ чадѣ
 шепей, не могли поколебашѣ въ
 нихѣ любви къ Богу и Опечеству.
 Таковы были древніе Славяне, та-
 ковы нынѣ славные пошомки ихѣ
 — Россы.

ВЕНГЕРСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Кто не подумаетъ, чтобы это не была горная Нимфа или Ореада? Вообразите себѣ прекрасной ростъ, прелестной спройной спанъ; локоны изъ длинныхъ черныхъ волосъ, небрежно рассыпанные по плечамъ, развѣвающимся и движущимся отъ дуновения горныхъ вѣтерковъ. Какъ свѣжо это бѣлое лице! Нѣжной румянецъ играетъ на щекахъ, а губы албуютъ какъ Майская роза. Прибавьте еще черные пламенные глаза. Спройная поселанка въ бѣлыхъ рукахъ держитъ глиняной сосудъ, и едва допротгиваясь до земли, спѣшитъ черпать ключевую воду изъ горнаго колодезя. Издали право подумаетъ, что это Богиня горъ; подойдешь ближе— и узнаешь въ ней Венгерку. Венгерскія дѣвушки прекрасны и опмѣнно свѣжи: ихъ можно сравнить съ горными цвѣтами, которые, какъ говорятъ,

бывають свѣжѣе и цвѣтушѣе долѣ обыкновенныхъ. — Но должно прибавить, что въ Венгріи женщины не всѣ ведутъ одинаковую жизнь; большая часть изъ нихъ живетъ въ селахъ между горъ, покрытыхъ лѣсами. Тихая жизнь, трудолюбіе и сама природа, кою рой онѣ могутъ назваться любезнѣйшими пиюмицами, награждаетъ ихъ здравіемъ, крѣпостію и красою тѣла и души — Поселянки занимаются хозяйствомъ, воспитаніемъ своихъ дѣтей, храбрыхъ Венгерскихъ гусаръ, и сохраняютъ всю чистоту и непорочность древнихъ нравовъ. Напротивъ того жительницы городскія (*), зараженные щеславіемъ, послѣдующія во всемъ тѣмъ наро-

(*) Въ Венгріи ихъ мало; самыя знатныя господа живутъ въ деревняхъ; только Нѣмцы и тѣ, кои оппали отъ древнихъ Венгерскихъ обычаевъ, населяютъ города.

дамъ, кои обитающъ къ Западу за
высокими цѣпями ихъ горъ, и
провождая самую разсѣлиную
жизнь, среди бурь большого свѣ-
та (недавно открывшагося въ
мирной Венгерской споронѣ), во
цвѣтѣ юныхъ лѣтъ лишаются здо-
ровья и красоты. Блѣдность на
лицахъ и уныніе въ сердцахъ слу-
жашъ наказаніемъ тѣмъ, кошо-
рые забыли священную природу.
Я самъ видѣлъ, какъ въ большихъ
городахъ Венгерскихъ свѣтскія
женщины, носясь въ вихряхъ ба-
ловъ, съ жадностію ищущъ насла-
жденія и не находятъ его; а доб-
рыя сельскія дѣвушки, въ празд-
ничные дни пляшутъ по Венгер-
ски близъ свѣтлыхъ горныхъ
испочниковъ, и наслаждаются
испивно, не заботясь заранѣе о
наслажденіи.

О Венгерскомъ языкѣ.

Языкъ Венгерской, кажется, не
имѣетъ сходства ни съ однимъ

127
изъ Европейскихъ. И сами Венгры не коренные жители Европы. Бытія ошдаленнѣйшихъ временъ говорятъ намъ, что Венгры по древнему: *Угры* вышли, цѣлымъ народомъ изъ Сибири. Доказательствомъ сему служило то, что и теперь въ землѣ *Остяковъ* находясь цѣлыя селенія, говорящія почти чистымъ Венгерскимъ языкомъ.

Около девястаго вѣка Угры или *Мадьяры* оставили пустыни Сибирскія, и направляя путь свой чрезъ предѣлы Кіевскіе, укорѣнились на берегахъ Дуная въ нынѣшней Венгріи. Они и теперь еще называютъ себя *Мадьярами*, или *Маджирами*. Предки ихъ, оставшіеся въ Азіи, произвели Тапарской народъ извѣстной подъ именемъ: *Манжуровъ*. *Маджары* и *Манжуры* единоплеменны. Въ Венгерскомъ или Мадьярскомъ языкѣ нѣшь членовъ; роды означаются сами собою, а множественное число по-

знаешся по перемѣнѣ, или по прибавленію слоговъ на концахъ словъ; на примѣрѣ газѣ, домѣ, а прибавивъ частицу акѣ, выдешъ газакѣ, дома; тудѣ, чудо, тудакѣ, чудеса.

Скажемъ нѣсколько словъ по Венгерски :

Бесилиенѣ мадя- Говоритель вы
руль? — по Венгерски?

Еинѣ тудемѣ ма- Я говорю немно-
дьяруль : — го.

Серетень, Любить.

Сиве, Сердце.

Лельки, Душа.

Ени, Ёсть.

Инья, Пить.

Алудни, Спать.

Чоколни, Цѣловать.

Кедѣ-вишѣ-егише- Желая здравство-
гире. вать. (Естьли
кто чхнешъ.

Кіосенемѣ алаза- Покорно благо-
ташаня. дарю.

Магана - кваді- Вы имѣете.
умѣ.

Фегіерѣ кешѣ. Бѣлыя руки.

Роза Айяки.

Розовыя губы.

Сибъ - семъ.

Прекрасныя глаза.

Сыллякко.

Молодая дѣвушка.

Почти каждой Венгерцеѣ умѣешь говорить по Славянски. Буквы для письма употребляютъ они Лашинскія; говорятъ довольно скоро, но пѣсни ихъ прозяжны и заунывны, равно какъ и пляски ихъ плавны.

О походахъ Венгерскихъ женщинъ.

Я уже замѣтилъ, что женщины Венгерскія въ мирное время бываютъ хорошими хозяйками, нѣжными мамерами и добрыми супругами; теперь слѣдуешь сказать, что многія изъ нихъ при открытіи войны послѣдуютъ за мужьями своими въ отдаленные походы. Когда звукъ военной трубы заставляетъ храбрыхъ Венгерскихъ гусаръ садиться на быстрыхъ горскихъ лошадей и летѣть на защиту любезнаго имъ отече-

спва, тогда молодая Венгерки, неуспунающія въ бодрости Амазонкамъ, сопустствуюшъ имъ. Онѣ шо въ самыхъ прудныхъ переходахъ, когда супруги ихъ занимающя отраженіемъ непріятелей, опѣвзающъ въ спорону, закупающъ свѣспные припасы, вино, и на каждомъ роздыхѣ попчивающъ ими прежде упомянутыхъ своихъ супруговъ, а потомъ за сходную цѣну перепродающъ закупленные ими припасы и другимъ. Онѣ шьюшъ и моюшъ бѣлье, и вообще стараются доставлять все необходимое мужьямъ. И наконецъ, онѣ же вспрѣчающъ несомыхъ съ поля сраженія израненныхъ супруговъ, доставляющъ имъ убѣжище, омывающъ раны ихъ своими слезами и перевязывающъ корпиею и биншами, копорые у нихъ заготовлены. Всякая изъ нихъ умѣетъ сдѣлать перевязку, многія искусны въ леченіи ранъ шравами. По сему видно, что

супружеская любовь Венгерскихъ женщинъ не ограничивается шѣмъ, чѣмъ у прочихъ народовъ: онѣ послѣдуютъ за супругами въ чужія страны, раздѣляющъ всѣ трудности и сокрушаются о нихъ и тогда, когда они въ пылу сраженій подвергаются тысячи смертей. Сколь приятно, и въ самомъ бѣдственномъ сословіи, нѣжное пощеченіе женщины и слезы состраданія, проливаемые ею, о томъ могутъ судить одни Венгерцы.

Обычай, побуждающій женщинъ послѣдовать всюду за мужчинами, былъ извѣстенъ въ глубокой древности, во времена преселеній народовъ. Онъ заключаетъ въ себѣ нѣчто необыкновенное и показываетъ еще не вовсе угасшій духъ рыцарства, копорой и вообще видѣнъ во нравахъ и образѣ жизни Венгерцевъ. Можешъ бытъ развращенъ, павняющій народы и разслабляющій святость древнихъ нравовъ, спрашишся пересту-

пишь за цѣпи угрюмыхъ горъ Венгерскихъ, и опъ шого-то по наружности грубые обитатели ихъ сохраняющъ еще и любовь къ родинѣ и опечесшву, и всѣ прочія семейственныя добродѣтели, бывшія сродными нашимъ праотцамъ.

О Т Р Ы В К И.

К а м и н ъ.

Ахъ! какое множесшво жару на семъ каминѣ! свѣшлой синій огонекъ, порхаешъ по розовымъ угольямъ. Я подложилъ сухихъ дровъ, и сѣлъ грѣшся. Вмигъ запылало лсное радужное пламя. Я веселился, видя, что измокшее насквозь платье мое обсыхало. Мало по малу дрова превращались въ свѣшлые уголья, а пышное пламя въ тихой алой огонекъ: онъ горѣлъ тише, тише; спановился поше, прозрачѣе; постепенно прешворялся въ легкое эфирное сіяніе, и

наконецъ, вспыхнувъ въ послѣд-
ній разъ, исчезъ.— Черезъ мину-
ту уголья покрылись легкимъ по-
крываломъ изъ бѣлаго дрожащаго
пепла. Иной подумалъ бы, что ка-
минъ попухъ; но онъ бы ошибся,
равно какъ и шовъ, кто дума-
етъ, что нынѣшняя война уга-
сла. Нѣтъ! она сокрылась только
подъ тонкою политическою завѣ-
сою примиренія: одинъ честолю-
бецъ подкинулъ сухихъ смоля-
ныхъ дровъ, раздоръ дунулъ— и
адское пламя запылаетъ!.... (*)

ВЗОРЪ НА ДИКЕЕ МѢСТОПОЛОЖЕНІЕ
НА БЕРЕГАХЪ ВАГА.

На берегахъ Вага сѣлъ я на ди-
комъ камнѣ, чтобъ взглянуть на
мрачной видъ природы и на бур-
ную рѣку. Поднявъ глаза вверху,

(*) Годъ спустя послѣ того, какъ
сіе писано, *Наполеонъ* ворвался
въ *Пруссію* и извѣстная 1807
война запылала....

увидѣлъ я древній замокъ, осененный черными елями. Скала, на которой онъ стоялъ, нависла на мрачныя пропасти, готовыя поглотить ее. Уже осенніе сумерки по облачнымъ зыбямъ тихо спускались на обнаженную землю; пришедшіе ночи водворяло глубокую тишину въ областяхъ воздушныхъ; но внизу предсавлялось совсѣмъ иное восхищительное и величественное зрѣлище. Рѣка Вагъ, отъ сильныхъ осеннихъ дождей испоргнувшись изъ крутыхъ береговъ своихъ, бурными потоками стремилась чрезъ холмы и долины, между множествомъ острововъ. Здѣсь раздѣляясь она на многіе рукава, и бѣжила наводняла отдаленныя окрестности. Далѣе съ высоты дикихъ пороговъ бѣлою полосой кипящей пѣны, а въ другомъ мѣстѣ мушными яростными потоками лезла, увлекая за собою огромные камни, сползающіе дубы и множество земляныхъ

глыбѣ. Наконецъ всѣ раздѣлявшіеся пролоки, прорвавъ крѣпчайшіе оплошы, сошворенные природою и руками смертныхъ, соединяюща въ одно необозримое, съ яростію и ужаснымъ шумомъ спремашееся сокрышся за обзоромъ, просшраншво водѣ. Тысячи ручьевъ изъ глубины лѣсовъ и долинъ, съ громкимъ шумомъ, кажешся, насильно влекушся къ бурной рѣкѣ, спремашся въ нее и исчезающъ.—Взирая на развяренную рѣку, сравнивалъ я ее съ пламеннымъ пошокомъ войны, все погубляющей; пошомъ съ народомъ, разшоргнувшимъ узду повиновенія къ законамъ, поправшимъ всѣ оплошы гражданскихъ пошановленій и спремашимся наводнишь всю землю пошоками развраша, изъ нѣдръ его изшекающаго. Я хотѣлъ сдѣлать еще одно сравненіе, какъ вдругъ на ближнемъ скагѣ берега, цѣлая гора песку, подмышая волнами въ осно-

ваніи своємъ, обрушилась въ кипящія бездны и помчалась, какъ легкое перо, внизъ по печенію. Шумъ, грохотъ и шрескъ, сопровождавшій ея паденіе, повспоренный горнымъ опзывомъ, наполнилъ спомомъ всѣ окрестности. Я вздрогнулъ, пошелъ, и увидѣвъ издалека, сквозь густые мраки ночи, взвивающіеся вверхъ багряныя огни передовыхъ стражей, посѣвшилъ къ нимъ.

СОСТРАДАНІЕ.

Ничто такъ скоро не возбуждаетъ состраданія въ чувствительномъ чловѣкѣ, какъ видъ несчастнаго; но видъ прекрасной страдающей женщины можешъ подвигнуть къ жалости и самое оледѣненное сердце ожесточеннаго ширана. Кажется, сама природа опредѣлила нѣжной полѣ сей къ вѣчному благоденствію, и назначила, чшобъ онъ печальной міръ сей проходилъ по пуши, усѣянному розами.

Въ деревнѣ Д**, недалеко отъ города Кошау, когда я пришелъ на свою кварширу, встрѣтила меня хозяйка пожилыхъ лѣтъ, и другая прекрасная молодая женщина, довольно высокаго роста, съ прелестнымъ стройнымъ станомъ. Длинные свѣтлорусые волосы вились въ локоны и упали на бѣлую грудь ея, къ которой прижимала она маленькаго ребенка. Розы поблекли на щекахъ, и глубокая задумчивость изображалась въ томныхъ голубыхъ глазахъ ея. Когда я вошелъ въ комнату, она поклонилась учтиво, и попомъ сѣвши въ углу, погрузилась въ глубокую задумчивость. Часто вырывались изъ груди ея вздохи, и слезы по неволѣ капались изъ прекрасныхъ глазъ. Я никакъ не могъ угадать причину ея печали, хотя съ перваго разу гошовъ былъ ручаться, что она спраждаетъ безвинно. Судьба жестокая! для сего позволешь ты

люпой скорби перзашь чувствительное сердце и помрачашь юныя прелести милой женщины? Такъ думалъ я, и наконецъ рѣшился подойти къ ней и узнать, естли можно, причину ея горести: но всѣ спаранія мои были напрасны. Скромная красавица не хошѣла опкрышь шайны сердца своего. Наконецъ вошла ласковая старушка, и я обратился къ ней: опъ чего шакъ печальна эша молодая красавица? спросилъ я. — „Эшо дочь моя,“ опшѣчала старуха: „она была прекрасна, какъ „свѣжій весенній цвѣшокъ, а теперь шоска изсушила ее; а все „бѣдненькая печалишся о шомъ, „что ее покинулъ негодной ея „мужъ, котораго она сердечно „любила.“ Да гдѣ же теперь живешь эшопъ человекъ? спросилъ я. — „Вѣ эшой же самой деревнѣ,“ опшѣчала старуха. „Онъ получилъ „вѣ наследство богатой дворъ и „зажилъ господиномъ, а мою Ро-

„заію за то покинулъ, что она
 „бѣдна и не имѣетъ много денегъ.“
 —Но она имѣетъ крошкѣй нравъ
 и доброе сердце, сказалъ я; а это
 есть лучшее сокровище въ мірѣ.
 —Молодая женщина взглянула
 умильно, и улыбаясь сквозь слезы,
 сказала: „онъ не умѣетъ цѣ-
 „нить нѣжной любви моей къ не-
 „му, а я не могу забыть невѣр-
 „наго и буду вѣкъ несчастна!“—
 Непришворная горечь женщины,
 убитой рокомъ, заставила меня
 искренно спряться о ней.

ДОБРАЯ ГОСУДАРЫНЯ.

Какъ пріятно для всякаго Рос-
 сіянина слышать похвалы, при-
 носимыя благодарными Венгер-
 цами, блаженной памяти, Су-
 яругѣ нынѣшняго Палашина,
 Александръ Павловичъ! Добрые
 Венгерцы съ восхищеніемъ воспо-
 минающъ о ней. Недавно одинъ
 почтенной сшарикъ почти со сле-
 зами, рассказывалъ мнѣ о хоро-

шемъ ея обхожденіи съ народомъ: „это была добрая Государыня,” говорилъ онъ съ сердечнымъ чувствомъ: „мы ее вѣкъ не забудемъ.” — Въ Будѣ учредился домъ, гдѣ можно было доспавать денегъ на закладъ различныхъ вещей, плапя положенные проценты только до извѣснаго срока, послѣ котораго, въ случаѣ неуплаты заемныхъ денегъ, закладъ пропадалъ. Много бѣдныхъ людей, имѣя нужду въ деньгахъ, заложили все свое имущество и лишась чрезъ сіе послѣдняго, находились въ крайней нищетѣ. Милосердая Государыня, узнавъ о семъ, выкупила всѣ вещи, принадлежавшія бѣднымъ, и возвратила ихъ симъ несчастливцамъ.

Какой хвалы достоинъ подвиговъ сей? О! сколь вождѣленна участь Монарховъ, когда они все величіе ихъ еана обращаютъ на защиту бѣдныхъ; когда все золото, приносимое имъ въ дань усердными

подданными, употребляющъ на вспоможеніе несчастнымъ! Что значилъ золото? Тщешное блестящее вещество: но оно дѣлается безцѣннымъ когда можешь осушить горестныя слезы спраждущихъ. — Многія семейства, гонимыя судьбою, погружены были въ бездну злополучія: убогій отецъ съ ужасомъ взиралъ на грядущую нищету; старость ослабила его руки; онъ не въ силахъ былъ работать; слезящая вдовица, окруженная сиротами, взывала къ Богу о помощи. Творецъ видалъ спону несчастныхъ, и послалъ воплощенную добродѣтель къ утѣшенію ихъ. Миръ праху своему, добрая Государыня! — Пышные памятники возвышающся до облакъ надъ могилами завоевателей; всѣ дѣянія ихъ изображены на доскахъ серебряныхъ; но странникъ съ ужасомъ взираетъ на нихъ, воспоминаая пымы лютыхъ бѣдшви, нанесенныхъ ими роду

смершныхъ. А швои благія дѣянія, жена незабвенная! напечатлѣны въ сердцахъ, оцаспливленыхъ шобою. Они приходяшъ на гробъ швой, орошаюшъ его слезами; пламенные моленія ихъ возносяшя къ небесамъ—и Творецъ посылаетъ Ангеловъ Своихъ во срѣшеніе шебъ, грядущей къ вѣчному ликованію въ селеніяхъ небесныхъ.

Миръ праху швоему, добрая Государыня!

О ЗАМКАХЪ.

По всей Венгріи видно великое множество замковъ. Всѣ они дерзкими руками предпріимчивыхъ смершныхъ внесены на самыя вершины крутыхъ горъ и на оспрія каменныхъ скалъ. Смошря изъ одного, часто видишь два, шри, или еще и болѣе другихъ замковъ. Надо думать, что древніе обитатели Венгріи и прочихъ Нѣмецкихъ странъ употребляли ихъ

вмѣсто нынѣшнихъ телеграфовъ;
 ибо съ одного конца обласпи въ
 другой, помощію условленныхъ
 знаковъ, отъ замка до замка,
 весьма въ короткое время можно
 подать вѣсть о приближеніи не-
 пріятеля, или о чемъ другомъ.
 Сверхъ того по преданіямъ извѣ-
 стно, что во времена развра-
 щенныхъ нравовъ варварскихъ
 народовъ, обитавшихъ въ лѣ-
 сахъ Германіи, всѣ почти непри-
 ступные замки принадлежали
 мятежнымъ Графамъ, которые,
 подобно хищнымъ орламъ, успре-
 маялись съ вершинъ горъ на до-
 лины, и грабили купеческіе кара-
 ваны и прочихъ проѣзжающихъ.
 Нѣкоторые довольствовались
 только шѣмъ, что брали большія
 пошлины, и за то провожали ка-
 раваны чрезъ свои владѣнія. —
 Долго вопли несчастныхъ ограб-
 ленныхъ оставались щещными;
 но наконецъ въ 1282 году Импе-
 раторъ Рудольфъ Габсбургскій

ходилъ самъ на разбойниковъ, вазнилъ многихъ смершю и разорилъ ихъ замки. На Рейнѣ, Дунаѣ и во многихъ другихъ спранахъ Германіи видно много развалинъ сихъ древнихъ замковъ. Про нихъ рассказываютъ и пишуть въ Нѣмецкихъ романахъ ужасныя повѣсти.

ВЕНГЕРСКІЯ ГОРЫ.

Вообразише себѣ цѣпь высочайшихъ горъ, на хребтахъ которыхъ возвышаются другія, на шѣхъ шрепія, а иногда даже и чешвершыя, которыхъ верхи скрываются за облаками. На вершинахъ вшораго и шрепьяго ряда, въ разныхъ мѣстахъ, видны древніе опустѣлые замки. Скапы покрыты дремучими лѣсами, изъ глубины которыхъ спремашся быстрые цошюки, которые упадая въ высоты скалъ пѣнисшыми горами, разливаются по цвѣшущимъ долинамъ. Какое величественное

зрѣлище! О природа! сколь прекрасна ты въ дикихъ одѣянiяхъ своихъ! Съ чѣмъ сравнишь истинныя красоты твои? Смертные только искажаютъ ихъ! — Гдѣ, въ какомъ саду найдете вы такое сочешанiе дикаго и грубаго съ нѣжнымъ и прiятнымъ, страшнаго съ плѣнительнымъ; словомъ: сколько изящныхъ красотъ, восхищающихъ взоръ и возвышающихъ душу? Тамъ глубочайшiя пропасти, покрытыя вѣчнымъ мракомъ, заросшiя терновыми кушарниками и наполненныя брызгами, безпрестанно лепящихъ въ нихъ водъ, представляющъ самой дикой и угрюмой видъ; а на краяхъ сихъ самыхъ безднъ видны прелестныя зеленыя полянки, покрытыя безчисленнымъ множествомъ благоухающихъ, полезныхъ растѣнiй. Си малыя долины, кажешся, улыбающся, когда въ самой полдень яркiй лучъ солнца, проницая сквозь мшистыя

вѣшви древнихъ деревѣ, падаешѣ на нихъ. Въ нѣкошорыхъ мѣсшахъ испоргнушыя бурею деревья сошавили природныя мосты, по кошорымъ пробѣгаюшѣ робкая лань и дерзкой охотникъ. Сколь восхишительны сіи величешвенныя зрѣлища! Тамъ, въ сихъ дикихъ горахъ, за непроходимыми лѣсами, человекъ, рожденный съ чувствительнымъ сердцемъ, съ пламенною, благородною душою, но ушомленный бѣдешвеннымъ спранспвиемъ въ печальномъ мѣрѣ, видишѣ для себя надежное убѣжище отъ злополучія. Уединеніе содѣлывается его подругою, и злобныя смершныя не дерзаюшѣ испоргнуть его изъ матернихъ объашій священной природы. Сюда долженъ приходишѣ несчастный, ослѣпленный мечшами, зараженный сладоспраспвиемъ и дерзашій оприцашѣ бышіе Сущештва Верховнаго. О! сколь возвысилась бы разслабленная душа

его при возрѣніи на сіи величественныя чудеса природы, копорая являешся здѣсь, такъ сказать, въ прекрасной своей юности! Сколь поразила бы слабый слухъ его, привыкшій внимать однимъ помнымъ звукамъ пѣсней роскоши, ужасными громами, штыщекрашно повшоренными въ безднахъ и ущеліяхъ горъ! И взоръ его, привыкшій вперяшся въ однѣ нѣжныя прелести Сиренъ, сколь ослабился бы блескомъ ужасныхъ молній, копорыя, подобно огненнымъ пошокамъ въ пламенныхъ волнахъ, быспро пропекаютъ глубокіе мраки лѣсовъ! Тогда, объяшый священнымъ ужасомъ, онъ почувствоваа бы присущіе нѣкоего невидимаго, Высочайшаго Существа, онъ гнѣвнаго взора коего шрепещетъ вся природа. Сей изнѣженный Епископъ узрѣа бы шамъ ясно и шо, сколь великъ промыслъ сего безконечно - благаго Существа; онъ

узрѣлъ бы, что послѣ грозной бури онѣ кошорой тряслись сердца швердѣйшихъ горѣ и вся вселенная казалась разрушающеюся; водворяется священная пишина, воздухъ благорастворяется, и Ангелъ мира масличною вѣшвию изгоняетъ послѣдніе оспашки громовыхъ пучь и облакаетъ лазуремъ свѣтлое лице небесъ. Тогда увѣрился бы онѣ, что ни единой листѣ съ дерева, подобно какъ ни единое царство на землѣ, не падаетъ безъ высочайшей воли Провидѣнія. Такъ, и пишина, и бури, и всѣ явленія, случающіяся въ природѣ, несравненно бывающъ величественнѣе въ горахъ; шамъ они восхищаютъ, возвеличиваютъ, наполняютъ священнымъ благоговѣніемъ душу и заставляющъ ее возноситься къ Творцу и Хранителю безчисленныхъ міровъ, земнаго шара, величайшихъ Царствъ и Царей и бѣдныхъ хижинъ поселянъ.

Городъ Эперіешъ.

Эперіешъ небольшой, но прекрасной городокъ, есть уже послѣдній въ прелесной Венгерской споронѣ; далѣе пойдуть худые города и бѣдныя деревни. Здѣсь мы дневали, и я познакомился съ Профессоромъ Минералогіи З.... Онъ пригласилъ меня къ себѣ въ домъ и показывалъ великое множество минераловъ. Нѣсколько шкаповъ наполнены были разными каменьями; большая часть изъ нихъ находится въ Венгріи; однакожь есть много и чужестранныхъ. Пошомъ показывалъ онъ мнѣ разнаго рода окаменѣлости, цѣлые пни, превращенные въ камень; также видѣлъ я камни, называемые Dendriken. Они довольно велики и имѣютъ на себѣ изображеніе различныхъ цвѣшковъ и растеній. Онъ показывалъ мнѣ одинъ изъ нихъ въ отдѣлкѣ, и я удивлялся его красѣ: это небольшой

прозрачной камушекъ, внутри кошораго природа нарисовала прекрасный цвѣшокъ.— Отъ чего происходяшъ сіи различныя изображенія на камняхъ, спросилъ я Профессора.— „Мы полагаемъ, сему между прочими достовѣрнѣйшую сію причину, ошвѣчалъ онъ: „извѣстно, что всѣ камни, прежде нежели сдѣлаются шаковыми, какъ мы ихъ видимъ, бывающъ въ мягкомъ состояніи, и тогда-то пристающъ къ нимъ листья древесныя или вѣтви цвѣточныя. Мало по малу камень увеличивается отъ присоединенія новыхъ часшей; наконецъ часши сіи совокупляющъ площадь, и камень становится швердымъ. Послѣ, хотя уже листья и будущъ опнишы, но подъ ними оспающъ оппечашки почно шакого вида, какой они имѣли.”

Г. Профессоръ З... вмѣстѣ съ двумя другими шоварищами, нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ, осматривалъ цѣпь Карпатскихъ горъ, между Эперіешемъ и Токаемъ. Тамъ открылъ онъ много примѣчательнаго, и между прочимъ поазную мину, съ копорой, въ шеченіи прехъ лѣтъ, пользуется онъ прешью часшю дохода. Объ учиненныхъ имъ новыхъ открытіяхъ издаеъ онъ пространное описаніе.

Ешьли бы у васъ въ Россіи, говорилъ Профессоръ, ученые люди сдѣлали изысканія въ огромныхъ цѣпяхъ горъ, возвышающихся въ различныхъ часшяхъ государства, то конечно открыли бы безчисленное множество драгоценныхъ сокровищъ, копорыя нынѣ, шаясь въ нѣдрахъ земли, попираемы ногами Россіянъ, не бывъ имъ извѣсны.— Онъ весьма хвалилъ ученые замѣчанія о Россіи извѣснаго Палласа. Пошомъ при прощаніи, вмѣстѣ съ нѣсколькими мѣлками окаменѣлости, далъ миѣ

на память два камушка, похожіе на кремьнь, но свѣшлые и прозрачные, какъ янтарь. Онѣ называлъ ихъ Венгерскимъ именемъ *тельки*, и увѣрялъ, что ихъ нигдѣ болѣе не лзя найти, какъ въ горахъ Венгерскихъ и въ Россіи въ горахъ Сибирскихъ.

Пещера въ Актелекъ.

Лишь только свѣшъ факеловъ разогналъ сгустившіеся мраки, какъ вдругъ открылись предъ глазами нашими совершенно новыя, величественныя и вмѣстѣ ужасныя картины: огромныя глыбы висѣли на прилѣпѣ, и приводили въ ужасъ, грозя своимъ паденіемъ. Но любопытство превозмогло страхъ, и мы шли далѣе. Пройдя два или три перехода, споль узкихъ и низкихъ, что чрезъ оныя надлежало почти ползши, очутились мы въ обширномъ пущомъ подземельномъ пространствѣ, которое походило на огро-

мною чертогов; но не лѣзя даже и подумашь, чшобы чертогов сей могъ бышь сотворенъ руками челоувковъ. Нѣшъ, могущественная природа создала и украсила его великолѣпнѣмъ, кошорому смершныя удивляющся, но не дерзающъ подражашь. Хрушальные свѣсны покрышы возвышеніями разныхъ образовъ и видовъ; различные столпы, лѣсныя изображенія и всѣ извѣсныя украшения зодчешва, видны были шамъ хотя въ неправильномъ, но нѣкошоромъ дивномъ расположеніи. Пройди немного далѣе, увидѣли мы довольно большой ручей, кошораго печеніе склонялось въ самую нушрь подземелья. Мы послѣ будемъ слѣдовашь внизъ по сему ручью, а шеперь пролеземъ въ эшо небольшое отшвершіе, кошорое находишся въ правой шпоронѣ и ведешъ въ другую боковую пещеру. Минущъ съ десяти принужденны мы были ползши подъ низ-

кимъ сводомъ, и наконецъ, по самой узкой прощелии, между камнями, взошли на возвышение, которое проводникъ называлъ подземною горою. И въ самомъ дѣлѣ огромностию своею не уступало оно большой горѣ. Тутъ показалъ онъ намъ основъ головы и нѣсколько человѣческихъ костей. По обѣимъ сторонамъ зіяли мрачныя пропасти. Внизъ можно было сойти по узкой стѣжкѣ; мы спустились; около часа бродили въ сей сторонѣ, переходя поспешенно изъ узкихъ и шибкихъ закоулковъ въ огромные *гертоги природы*. Взоры наши, проницая завѣсу вѣчнаго мрака, съ жадностию обзрѣвали сокрытыя подъ одною предмешы, и мы не преславились восхищаясь ими. Почти въ каждомъ изъ сихъ подземныхъ чертоговъ можешь помѣститься до 5000 народу; но не думайше, чтобы всѣ сіи пространства были пусты, нѣтъ: они наполнены

различными чудесами. Тутъ видны цѣлыя и изломанныя пирамиды и башни, удивительной вышины и огромности; шонкія Греческія колонны, досягающія до самыхъ верхнихъ сводовъ, и грубыя Гошическіе столпы, едва выказывающіеся изъ нѣдръ черной бездны. Подобія головъ разныхъ живошныхъ, обломки, имѣющіе виды различныхъ звѣрей, изображенія различныхъ пшицъ, изломанные мечи, щипы, копья и прочіе признаки профеевъ огромности были на вершинахъ скалъ. Сколь удивительна природа! На произведение всѣхъ сихъ чудесъ упошребила она воду: вода ешь машь рѣдкостей сихъ. Пробираясь сквозь шончайшія скважины земли, безпрешанно падаетъ она въ видѣ капель; изъ сихъ-то капель, посредствомъ кристаллизаціи, составляется камень, прозрачной, свѣшлой, бѣлаго цвѣшу, кошорой рукою непосшижимой

природы образуется въ разные виды и образы. Мы для любопытства взяли съ собою нѣсколько павихъ камней. Послѣ жишели окрестныхъ мѣстѣ увѣряли насъ, что сей камень, спертый въ порошокъ и пригошвланный съ сарымъ саломъ, есть лучшее лекарство какъ для человека, такъ и прочихъ жившныхъ, отъ перелому костей, прикладывая сего роду плашпырь къ поврежденнымъ членамъ. Вездѣ видна удивительная игра зиждательницы чудесъ! Въ подземныхъ пущыняхъ сихъ видишь повсюду чудесное подражаніе различнымъ шѣламъ, находящимся на поверхности земной. Еслили бы за нѣсколько предъ симъ вѣковъ, во времена язычества, любопытный странникъ вошелъ въ сію пещеру, то конечно подумалъ бы онъ, что какой ни есть Богъ, или сильной чародѣй, цѣлое царство погрузилъ въ нѣдра земныя, и всѣхъ обиташе-

лей его оковалъ оцепенѣніемъ. Нельзя удержаться отъ сей мысли, видя повсюду онѣмѣлыя существа, имѣющія подобіе шварей живущихъ. Подъ ризою вѣчной шьмы, онѣ мелькающъ подобно призракамъ, пугающимъ суевѣрныхъ въ часъ глубокой ночи. Съ чемъ сравнишь зрѣлище, представившееся намъ тогда, когда мы спустились на низъ, и будучи окружены пропастями, робкими взглядами созерцали ужасныя подземныя окрестности? Однѣ горы возвышались на хребтахъ другихъ; цѣлыя скалы висѣли на прилѣпѣ на тонкихъ слояхъ; разверзшыя хляби безднъ, казалось, алкали поглотить ихъ; легчайшія тѣла служили основаніемъ тысящекратно тяжелѣйшимъ ихъ. Все было въ безпорядкѣ и ничто не рушилось; таинственная сила поддерживала еи неизмѣримыя громады развалинъ, копорыхъ необозримое величіе приводишъ въ изумле-

ніе.— Среди безчисленныхъ окаменѣлостей, въ нѣдрахъ мершвыхъ подземныхъ спранъ, царшвовала глубокая тишина; мы не дерзали прерывать безмолвіе и возбуждать чрезъ многія лѣша дремяющее эхо; долго внимали мы молчанію подземной природы, и наконецъ, желая соединиться съ товарищами, обратились назадъ.— Чрезъ нѣсколько времени пришли на то мѣсто, откуда повернули на право, то есть, къ ручью. Тутъ встрѣшили другаго проводника, который сказалъ намъ, что товарищи наши уже вышли на поверхность, или такъ сказать на свѣтъ. Съ двумя проводниками пустились мы далѣе по берегу ручья. Здѣсь проходы были уже не такъ тѣсны; вездѣ блистало величіе мрачной природы. „Вопъ кашель,” закричалъ впереди проводникъ нашъ. Мы приближились, и увидѣли въ самомъ дѣлѣ нѣчто похужее на

каскалъ. Огромное зданіе сіе ша-
кой было вышины, что даже воз-
выся факелъ, не лзя видѣшь его
вершины. Снизу множество стол-
бовъ и сводовъ поддерживающъ
его. Все сіе составилось изъ капель
воды, которыя преворились въ
каменные глыбы. И такъ посуди-
те, сколько вѣковъ употребила
природа на созиданіе сихъ чудесъ!
Пройдя еще нѣсколько темныхъ
переходовъ, очутились мы вдругъ
въ прекрасномъ саду: цвѣтны раз-
ныхъ родовъ, въ сосудахъ и въ
земахъ, украшали нѣкошорое воз-
вышеніе, похожее на курганъ; но
все сіе имѣло только видъ расше-
пей и цвѣшовъ, а въ самомъ дѣлѣ
было это собраніе хрусталей. Мѣ-
сто сіе называется цвѣточнымъ
садомъ. Вверху подъ сводами вид-
но много висящихъ глыбъ, похо-
жихъ на паникадила и лампы.
Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ внизъ,
услышали мы шумъ, кошорой по
мѣрѣ приближенія нашего, часъ

опѣ часу умножался ; сойдя же нѣсколько ступеней внизѣ, увидѣли водопадѣ, съ ревомѣ и кипящею пѣною низвергающійся въ мрачную пропасть. Быстрое теченіе попока нанесло много мягкой глины и песку, изѣ чего составила природная площадка, шириною въ аршинѣ, чрезѣ которую вода стремилась. Съ одной стороны сей площадки шакѣ мѣлко, что можно переходить ; съ другой неизмѣримая глубина.

Оба проводника подѣ разными предложениями отказывались вести насѣ дальѣ. Но наконецѣ прозбы наши и деньги склонили ихѣ, и мы, перейдя по мѣлкому мѣсцу, вошли на одинѣ изѣ подземныхѣ острововѣ. Здѣсь много выразительныхѣ изображеній : одно изѣ нихѣ похоже на Непшуна съ пѣ зубцемѣ ; другія представляли нѣсколько человѣческихѣ подѣ въ различныхѣ положеніяхѣ. Та

другомъ островѣ, на высокой ска-
 лѣ, показалъ намъ проводникъ спа-
 шую, называемую Свяшою Мари-
 ею; огромная спашуя сія предспа-
 вляетъ довольно живо женщину,
 держащую на рукахъ младенца.
 Перейдя еще разъ воду, на прешь-
 емъ островѣ увидѣли подобіе, на-
 зываемое спашуею Ангела; это
 былъ большаго росту человекъ,
 съ распроспершими крыльями.
 Здѣсь проводникъ нашъ сказалъ,
 что можно итти впередъ два дни
 и болѣе: и такъ судише о проспран-
 сивѣ сего подземелья. Въ немъ
 можно построитъ городъ и помѣ-
 ститъ нѣсколько тысячъ народу.
 Опзывъ въ подземныхъ сихъ пу-
 стыняхъ шоль силенъ, что сло-
 ва наши и восклицанія повто-
 ряющся почти до пятнадцати
 разъ.— Отсюда поворошили мы
 назадъ. На утесахъ скалъ и на
 стѣнахъ написано много именъ
 по Французски, по Нѣмецки, по
 Лашински и по Венгерски; ибо

многіе путешественники прїѣзжающѣ дивились чудесамъ сей пещеры. Мы также написали шамъ имена свои по Руски. На одномъ камнѣ изображено имя Барона Края, славнаго Нѣмецкаго Генерала. Разлишіе воды попрепяшествовало дойти до того мѣста, гдѣ нынѣшній Императоръ Францъ II написалъ свое имя. Проходя мимо одной скалы, увидѣли мы имя Людмилы, и проводникъ сказалъ, что оно принадлежало одной знашней дѣвушкѣ изъ фамиліи Князей Эспергазіевъ. Какъ опважилась она путешествовать въ споль ужасныхъ мѣстахъ!

Вообразите, какъ опасно заблудиться въ сихъ мрачныхъ пущыняхъ! Острые каменя, утесистыя скалы повсюду заграждающѣ пущь незнающему короршко всѣхъ сокровенныхъ проходоѣ; глубокія пропасти зїяющѣ подлѣ узкихъ спежекѣ; и ещѣли бы случилось ошашься безъ огня, шо

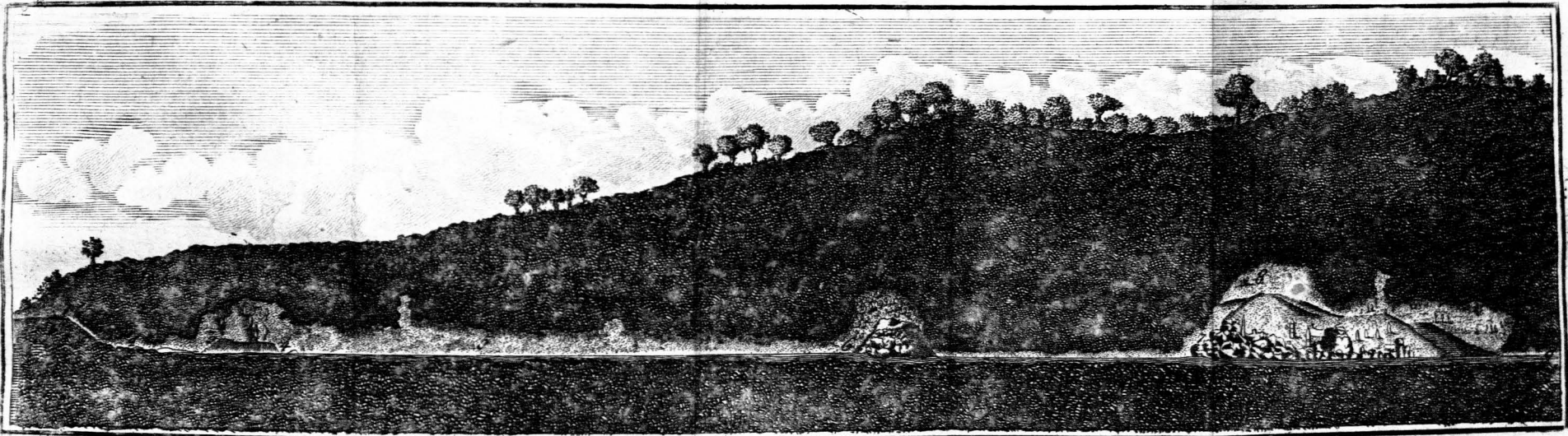
неминуемо должно погибнуть, ибо въ темношѣ и шагу спушишь не возможно.— Между шѣмъ какъ мы говорили объ эшомъ, вдругъ, въ одномъ шѣсномъ переходѣ проводникъ нашъ уронилъ факелъ и онъ погасъ.— Мы всѣ оцепенѣли отъ ужаса; страшная мысль о несчастныхъ опасностяхъ поразила насъ; но искусной проводникъ махнулъ нѣсколько разъ во всѣ стороны факелъ, и онъ загорѣлся. Печальной свѣшъ сего свѣшилъника показался намъ прѣшнѣ весенняго солнца. Наконецъ послѣ долгихъ обходовъ, вышли мы изъ пещеры, въ которой всего одинъ шолько входъ, небольшое опвершиѣ въ превысокой каменной горѣ: она находится въ Гюмерерскомъ Комишанѣ близъ мѣшечка Акшелекъ; жишела называющъ ее *Барадло*.

Воздухъ въ пещерѣ сей опмѣнно чистъ, и климашъ лѣшомъ и зимою умѣренной. Лѣ-

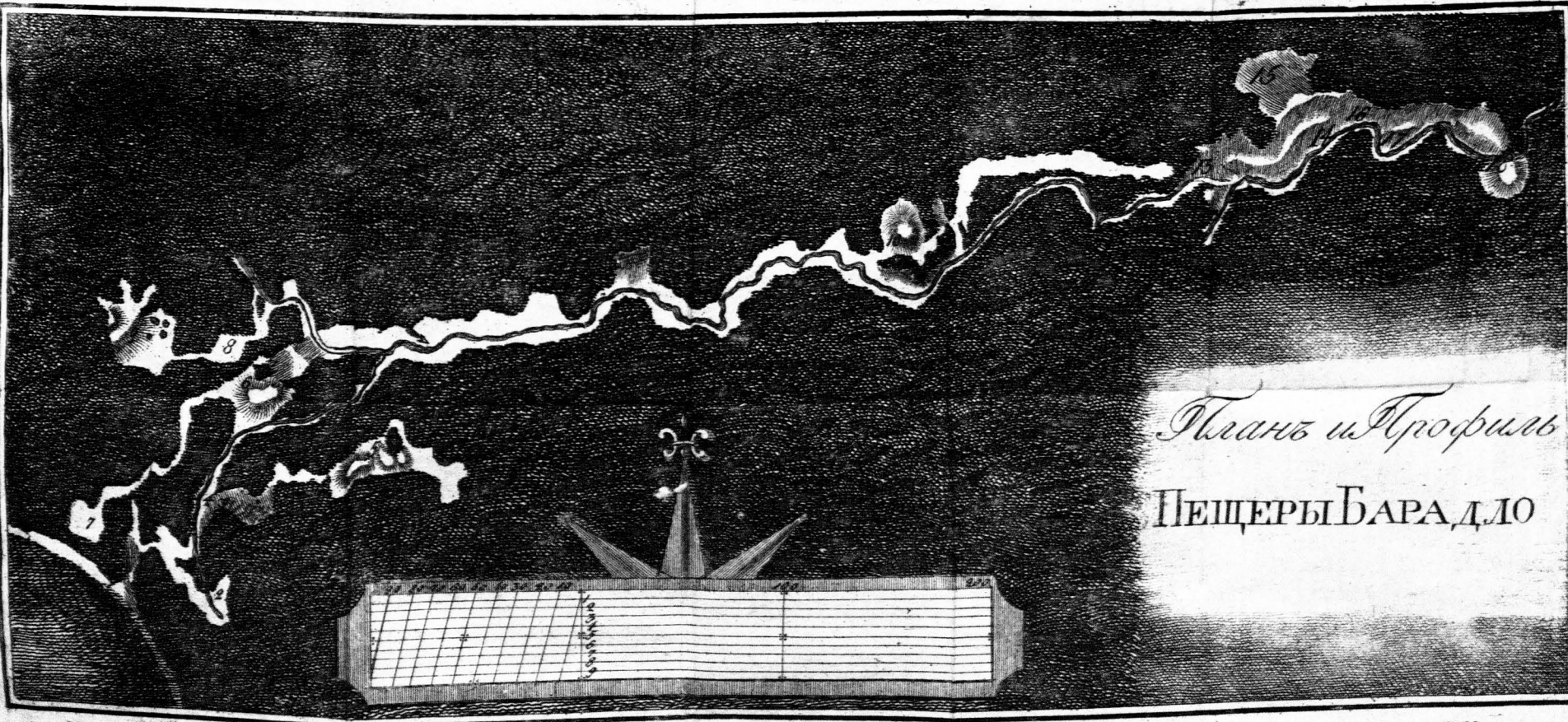
помѣ въ праздничные дни, изъ окрестныхъ мѣстѣ собирающія сельскія дѣвушки, въ первое отдѣленіе пещеры, плясашь при свѣшѣ факеловѣ. Жишели рассказывающѣ про нее много баснословнаго, а между прочимѣ и то, что будшю сонѣ удаляешя отѣ тѣхѣ, кошорые ходяшѣ въ сей пещерѣ; и нѣкошорые люди, ходивѣ тамѣ по шести дней, не имѣли желанія спашь: эшо невѣрояшно.—Мы пробыли въ подземельѣ семь или восемь часовѣ; а надобно пребышѣ въ немѣ по крайней мѣрѣ при или чешыре дня, чшобѣ осмошрѣшѣ порядочно всѣ его излучины.

Я доспалѣ планѣ сей пещеры, въ кошоромѣ нарочно присланной отѣ Императора Инженерѣ, представляешѣ подземелье въ разрѣзѣ, и раздѣляешѣ его на девашѣ часшей:

1. *Входѣ въ подземелье.*
2. *Рутей первой.*
3. *Кастель.*

1. Входъ въ подземелье. 2. Ручей первой. 3. Кладъ. 4. Второй ручей. 5. Цвѣточный садъ въ Гора Святыхъ Маріи. 6. Гора Хоривъ. 7. Большой Гротъ. 8. Далѣе идти вода не дозволяетъ.

Планъ и Профиль
Пещеры Барадло

1. Входъ. 2. Надвѣщной домикъ. 3. Андкарта, или Указатель дорогъ. 4. Иудейскій жертвенникъ. 5. Пещера лисья. 6. Большой каземъ. 7. Пещера летучихъ мышей. 8. Преддверіе. 9. Развалины Пальмиры. 10. Гора Святыхъ Маріи. 11. Большой камень. 12. Здѣсь вода раздѣляется на ручьи. 13. Гора Хоривъ. 14. Здѣсь дорога идетъ чрезъ гору. 15. Большая Пещера. 16. Здѣсь есть небольшая тропинка стороною. 17. Здѣсь еще дорога чрезъ гору. 18. Здѣсь ручей течетъ съ сильными журганіемъ между камней. 19. Отсюда за разлитіемъ воды далѣе идти не можно.

4. Второй ручей.
5. Цветочный садъ.
6. Гора Святыя Маріи.
7. Гора Хоривъ.
8. Большой гротъ.
9. Далѣе идти вода не дозволяетъ.

Трудно отгадать, что произвело столь огромную пещеру; однакожь должно догадываться, что она произошла отъ землетрясенія. Прилѣжные наблюдатели природы повсюду открываютъ слѣды бывшаго нѣкогда въ ней сильнаго волненія. На вершинахъ горъ находясь множество произведеній, свойственныхъ только морскому дну; на нѣсколько сотъ футовъ подъ землею открываютъ признаки жилищъ человѣческихъ. Все доказываетъ, что было время, въ которое вся природа возмущалась, рѣки перемѣняли свое теченіе и моря спростовали по лицу земли — Нигдѣ не видно ни малѣйшей скважины; вѣчные яри

царствующи въ семъ подземномъ
миръ. Но всего удивительнѣе, что
во многихъ мѣстахъ сей пещеры
видны слѣды колесъ; песокъ, на
которомъ они напечатлѣлись,
окаменѣлъ. Кто могъ ѣздить на
колесахъ въ подземельѣ, въ кото-
рое входъ шакъ малъ, что едва
можно пролезть въ него одному
человѣку? — Это загадка.

Городъ Кошау.

Кошау городъ довольно боль-
шой, имѣющъ порядочное строе-
ніе. Сюда пришли мы на самой
Новой годѣ. Въ сей деиь во всѣхъ
домахъ бываетъ великая тревога.
Жители Венгерскихъ городовъ дер-
жашъ наемныхъ служителей, ко-
торые на Новой годѣ имѣютъ
право отходить и приешавшъ къ
инымъ господамъ; отъ того-то
въ Новой годѣ дома наполняюш-
ся почти всегда новыми служи-
телями. Въ Кошау были мы въ
шесть, гдѣ предсказали одну

комедию и балетъ, и на балъ, которой городъ давалъ Рускимъ Офицерамъ. По всей Венгрии принимающъ Рускихъ ошмѣнно хорошо.

Чудной источникъ.

Венгрия наполнена чудесами природы. За семь миль въ сторону отъ Эперіеша, въ Цинсерскомъ Комитатѣ, есть источникъ удивительной воды: ежели желѣзо пробудетъ въ ней нѣсколько времени, то оно превратится въ мѣдь; ежели же на желѣзѣ будетъ какое изображеніе, то и на мѣди останется оно невредно.

Источникъ сей вытекаетъ изъ горы, въ которой находишся мѣдная руда или минеральной купоросный ключъ. Находящаяся въ немъ купоросная кислота вложенное въ нее желѣзо развѣдаетъ и съ собою уноситъ; а вмѣсто того мѣдныя свои частицы оставяетъ. Сии-то частицы, прилбца-

ясь въ желѣзу, покрывающѣ прежде его поверхность; а попомб, пробираясь въ тончайшія скважины его, занимающѣ мѣста вышѣсненыхъ желѣзныхъ часпицѣ. И такимъ образомъ положенный кусокъ, не теряя ни виду, ни величины, превращается изъ желѣзнаго въ мѣдной. Такъ говорящѣ испыташели природы, кошорыѣ чрезъ глубокое и долгоевременное размышленіе, чрезъ безпресщанные опышы и неушомимую бдишельность, опшкрыли наконецъ часть шого шайнспвеннаго покрова, съ кошорымъ Египшяне предшавляющѣ богиню сію въ изображеніяхъ своихъ *Невтонъ* въ шайнѣ мірозданія, *Лавуазьеръ* въ Химіи, *Боннетъ* въ созерцаніи цѣпи еущесшвъ доказали, до чего можешъ достигнуть человѣческой умъ!.....

Городъ Бардфельдъ.

Бардфельдъ, опшшоящій опъ Эперіеша на чешыре мили, ешть

небольшой старинной городок; шамъ были мы въ редушѣ, и въ послѣдній разъ видѣли городское Венгерское собраніе. Отъ Бардфельда къ Дуклѣ, отѣхавши вершны двѣ, вдругъ увидѣли на лѣво прекрасную, по обѣимъ сторонамъ обсаженную деревьями дорогу; проѣхавъ же съ вершну по ней, очутились въ долину, окруженную горами, на кошорыхъ росъ опшѣнно густой еловой лѣсѣ. Въ сей долину было между прочимъ нѣсколько довольно хорошихъ, вновь выспроенныхъ домовъ. Первой попавшійся намъ человекъ сдѣлался нашимъ проводникомъ, и повелъ насъ въ залу. Зала сія бываетъ полна, начиная съ Мая мѣсяца и до осени: здѣсь обѣдающъ, ужинающъ, играющъ въ разныя игры господа, прѣзжающіе сюда пить минеральныя воды. Мы сами смошрѣли и пили въ двухъ колодцахъ минеральную воду, угольнаго газу. Она имѣетъ рѣзкой,

кислой вкусъ, и какъ говорящъ, бываетъ очень полезна. Тамъ показывали намъ купальни для привъзжающихъ лечиться. Теперь здѣсь пусто, а лѣшомъ собирается сюда ошибно много даже самыхъ знашнихъ господъ. Большая часть изъ нихъ привъзжающъ веселишься и наслаждаешься тихою природою послѣ городского шума.— Въ Венгріи весьма много цѣлишельныхъ водъ.

ПРОЩАНІЕ СЪ ВЕНГРІЕЮ.

Доброй народъ! вольная земля! прелестная Венгрія! я долженъ просишься съ тобою, и можешъ бышь навсегда; но воспоминаніе о тебѣ ошамешся неизгладимо въ памяти и сердцѣ моемъ. Просише, огромные Карпашы, копорыхъ голубые вѣнцы, въ румянцахъ молній и алыхъ зорь, касающся облаковъ! — Просише обширныя, гладкія долины, освѣненныя цвѣтущею зеленью, и

евѣшлые пошоки, лепящіе съ лазоревыхъ горбъ! Сколько разъ наслаждался я въ Венгріи прелесными, живописными видами величественной природы! О спрана благодатная! позволь въ послѣдній разъ, съ чувствомъ сердечной горести, сказать тебѣ: проси!...

Пересступили шагъ за границу, и очутились въ царствѣ зимы, въ скучной Галиціи. Здѣсь вся природа кажется мертвою, оледенѣлою; поля покрыты глубокимъ снѣгомъ, деревья стоятъ обнаженными, быстрыя рѣки окованы льдомъ, и жишеля печальны въ унылой сей странѣ.

ВЪ ГАЛИЦІИ

Мѣстечко Диновъ.

Изъ черной крестьянской избы спалъ я вдругъ въ прекрасномъ домѣ и гостяхъ у Графа. Какъ это случилось?— Самымъ легкимъ способомъ: я сидѣлъ въ дымной

своей кварширѣ; вдругъ Генералъ прислалъ звать меня, провести вечеръ у Графа. Явившись туда, радовался я, глядя на прелестную семейственную картину: по истинѣ она достойна кисти Августа Лафонтена. Общество было не пышное и не многочисленное, но за то самое пріятное: оно состояло изъ милаго семейства Графскаго, изящнѣйшими дарованіями украшеннаго.— Двѣ старшія дочери, молодыя дѣвушки, въ легкихъ шюникахъ, въ угодность родителямъ плясали извѣстную Греческую пляску съ шамбуромъ. Стройность осанки ихъ придавала имъ опмѣнно красивый видъ; мы восхищались, глядя на ихъ прелестныя шлодвиженія. Спустия немного дѣвушки сѣли за фортепьяны и играли изъ сочиненій славнаго Моцарта. Чрезъ нѣсколько времени явилось другое зрѣлище: эшо были малыя дѣши Графа, смнѣ лѣшѣ одиннадцати и дочь шести;

музыка заиграла мазурку, и маленькіе прыгуны пустились плясать; они всѣхъ удивили своею ловкостію. Послѣ старшая дочь сѣла вновь за фортепіано, и самымъ числымъ и пріятнымъ голосомъ пѣла Польскія пѣсни. Графъ говорилъ, что онъ лучше всякихъ Италіянскихъ арій любитъ слушать пѣсни отечественныя. Можно сказать, что Графъ П*** съ милою супругою, въ кругу любезнаго семейства, наслаждается истиннымъ благополучіемъ. За то онъ явно возмущенъ противу бурной городской жизни и защищаетъ жизнь мирную, семейственную.

Въ домѣ у него нѣтъ пышности, но вездѣ блистаетъ прелестная простота. На стѣнахъ видны портреты великихъ людей изъ его соотечественниковъ; въ большой библіотекѣ, кромѣ книгъ отечественныхъ, есть много и иностранныхъ на разныхъ языкахъ.

—Смотря на графа П***, кажется, можно увѣриться, что живя съ природою и съ милымъ семействомъ, можно приближиться къ истинному благополучію.

НѢМЕЦКІЕ КРЕСТЬЯНЕ.

Какъ весело смотрѣшь на крестьянъ въ Нѣмецкой землѣ! Они живутъ также спокойно, также въ свое удовольствіе, какъ и большіе господа; только бывающъ несравненно веселѣ ихъ. Въ Силезіи, въ Моравіи, въ Нижней и Верхней Австріи, крестьяне всѣ почти вольные. Всякой изъ нихъ имѣетъ свой огородъ, наполненный овощами; свой виноградной садъ и нужное количество земли, которое онъ рачительно обрабатываетъ. Войдешь въ его избу: это прекрасная уютная свѣтлица; окна большія изъ чистыхъ стеколъ; печь изъ кафель; столы и лавки всѣ бѣлыя; у стѣны стоить постель: это роскошь

Нѣмцовъ; они любящъ покоишься
 послѣ шрудовъ. Обыкновенно кла-
 дется у нихъ сверхъ шюфяка са-
 мой мягкой пуховикъ, покрытый
 прекрасною машеріею; вмѣсто
 одѣяла покрывающа шаковою же
 периною. Прибавьте къ сему еще
 десятокъ полшора прекрасныхъ
 мягкихъ подушекъ, и вы будете
 имѣть понятіе о постелѣ, на ко-
 торой спящъ Нѣмецкіе крестьяне.
 Стѣны всѣ выбѣлены. Въ углу, на
 нѣсколькихъ полочкахъ, свѣшится
 чистая оловянная посуда; въ ма-
 ленькомъ стеклянномъ шкапикѣ
 стоящъ чашки и кофейникъ. Вся-
 кой крестьянинъ имѣетъ стѣн-
 ные часы и календарь. Сверхъ шо-
 го почти у всякаго хозяина уви-
 дите поршрелы его семейства и
 нѣсколько другихъ картинъ. На
 всѣхъ видѣнныхъ мною поршре-
 шахъ изображены лица шихія, доб-
 рыя, выражающія не пылкія и
 сильныя шрасши, но миролюбіе;
 инныя улыбающа, другія въ за-
 думчивости. Часто у одного хо-

зяина видишь поршрешы его дѣда, опца и многихъ родныхъ; иныя представлены курящими шабакъ, другіе съ спаканомъ винограднаго вина и проч.

Пресшарѣлый опецъ семейства съ веселіемъ рассказываетъ малолѣтнему сыну своему испорію его родныхъ: „Эшошъ предокъ нашъ „служилъ Государю вѣрно; былъ „въ дальнихъ походахъ, и получивъ „ощсшавку, занималъ почешное „мѣсто Рапмана въ нашемъ селеніи. А эшо дѣдъ швой, искусный и шрудолубивый земледѣлецъ; шы видишь на немъ знакъ „опличія, полученной имъ опъ Имперашора за хорошее обрабшваніе полей. О! въ шопъ день, „когда Коммисаръ привезъ медаль, „мы всѣ радовились душевно, и „выпили всею семьею цѣлую бущылку спараго вина за здоровье добраго Государя (*). А вошъ дядя

(*) Въ Австріи даюшся медали опъ Правительства шѣмъ изъ посе-

„швой, содержашель прапшира :
 „онѣ засшалѣ сшарое невыгодное
 „спроеніе; шрудами и прилѣжані-
 „емѣ передѣлалѣ его, устроилѣ по-
 „кои для пробѣжающихѣ ; былѣ
 „услужливѣ , угощалѣ всѣхѣ , и
 „добрые люди его знали и люби-
 „ли. Веселись , сынѣ мой ! всѣ
 „швои родные были честные Нѣм-
 „цы и добрые люди ; всѣ сосѣди
 „ихѣ любили и уважали. Бери при-
 „мѣрѣ сѣ предковѣ швоихѣ, и будь
 „богобоязливѣ и честенѣ!” —

На скошномѣ дворѣ у Нѣмец-
 кихѣ поселянѣ , найдешѣ вы вся-
 каго роду довольно скоша. Въ ко-
 нюшнѣ у него лошади совсѣмѣ осо-
 бенной породы : онѣ всѣ высоки,
 полсны и опмѣнно широкаго скла-
 ду ; хозяинѣ бережешѣ ихѣ чрез-
 вычайно ; иначе не ѣздишѣ , какѣ
 шагомѣ ; за шо и они служашѣ ему
 долго.

лянѣ, кошорые опличнѣе другихѣ
 обрабошывающѣ сво и нивы.

Въ Венгріи у хорошаго кресьянина все шо же, что и у Нѣмецкаго, только у сего послѣдняго сѣсны украшены разнаго роду пистолями и ружьями: Венгры народъ воинственный, охошники до оружія. Опъ чего всѣ сін кресьяне шакъ хорошо живутъ? вѣрно всякой спроситъ сѣ удивленіемъ. Опъ того, что они шрудлюбивы и не пришѣнены. Всякой кресьянинъ, кромѣ того, что обрабашываетъ землю, промышляетъ еще какимъ ни есть ремесломъ. Онъ плашитъ очень малую подашъ Государю, плашитъ помѣщику за землю, до шѣхъ поръ, пока ее совсѣмъ не выкупитъ, и послѣ сего онъ свободенъ.

Кресьяне въ Галиціи.

Теперь сижу я въ хашѣ у мужика, въ Сшарой Галиціи: печь шопишся, шрубы нѣшъ; гусшой, черной дымъ наполняетъ и копшитъ всю хашу; вмѣстѣ сѣ нами ле-

жапѣ коровы. Взглянешь на хозяевъ — и ужаснешься; они всѣ въ лахмошьяхъ и закопшели. На блѣдныхъ лицахъ ихъ изображается горесть; они живутъ въ убожествѣ и нищестѣ. — Ошѣ чего же они такъ несчастны? На это можно сказать много причинъ; главнѣйшая состоитъ въ безмѣрныхъ налогахъ. Всякой поселянинъ, имѣющій участокъ земли, могущій пропитать только его семью, долженъ платить Государю болѣе шестидесяти гульденовъ (тридцать шесть рублей серебромъ), и самой бѣдной, неимущей ничего, кромѣ одной избышки, платитъ около десяти рублей серебромъ. Галиція есть вновь приобрѣтенной край, и для того подашей платитъ несравненно болѣе всѣхъ Нѣмецкихъ областей. —

Сверхъ того здѣшніе крестьяне ничѣмъ не торгуютъ, никуда не ѣздятъ. Земля худо обработанная, едва въ три раза возвраща-

ещѣ посѣянное. Молошба у здѣшнихъ крещьянѣ, по снятіи хлѣба, продолжается даже до новаго: всякой молошилѣ сполько, чшобѣ ему спало на недѣлю, а по исшеченіи оной начинаешѣ молошилѣ опяшѣ на другую. Помѣщики весь хлѣбѣ перегоняюшѣ на вино, которое продаюшѣ Жидаы, и вѣ семѣ сосшоишѣ ихѣ лучшей доходѣ.

Взирая на щасшливую жизнь крещьянѣ вѣ Нѣмецїи, и на горешное сущешвованіе ихѣ вѣ Галиціи, вѣрно всякой подумаешѣ, чшо благоденшвіе первыхъ происходишѣ ошѣ свободаго, а послѣднихъ ошѣ рабскаго сосшоїнія, вѣ которомѣ они живушѣ; но заключение сіе будешѣ не совсѣмѣ справедливо. Правда, чшо вѣ областяхъ Нѣмецкой Имперїи крещьяне живушѣ на правахѣ поземельныхъ, и во всѣхъ прочихъ ошношенїяхъ помѣщикамѣ не подвластны; но ешѣли бы сіи самыя права даны были и крещьянамѣ

въ Галиціи, шо они послужили бы
 не къ пользѣ, но къ пагубѣ ихъ ;
 ибо въ Галиціи крещьяне, шакъ
 сказашь, еще не созрѣли до того,
 тобы наслаждаться независимо-
 стію. Сдѣлаемъ крашкое сравненіе
 образа жизни шѣхъ и другихъ :
 въ Нѣмецїи крещьянинъ, обрабо-
 шавъ шщательно частъ нанялой
 у помѣщика земли, и разведши
 виноградной садъ, занимается ре-
 меслами, чрезъ копорыя выруча-
 ешъ деньги; хлѣбомъ довольшву-
 ешъ свое семейшво, а вино изъ
 виноградныхъ садовъ пускаешъ въ
 продажу, ошъ чего получивъ не-
 малой доходъ, уплачиваешъ пода-
 ши, шстроишъ прекрасную и проч-
 ную свѣшлицу, и чрезъ бережли-
 вость, преимущешвенно свой-
 ешвенную Нѣмцамъ, всякой годъ
 приумножаешъ свой досташокъ.—
 Цѣлую недѣлю Нѣмецъ шрудилшя
 неушомимо; въ Воскресенье же
 идешъ съ молишвенникомъ въ
 церковь, пошомъ обѣдашъ и оп-

дыхашь домой, а на вечеръ въ сельской пракширѣ, гдѣ пожилые мужчины пьютъ пиво и читаютъ газеты, разсуждая съ жаромъ о военныхъ произшествіяхъ; а молодые люди и дѣвушки танцуютъ шихой, плавной Нѣмецкой вальсѣ: вошъ наслаждение Нѣмцовъ. — Въ Галиціи нѣтъ ни ремесла, ни художества; ничего, кромѣ нищеты, не найдешь въ дурныхъ и законшблыхъ хашахъ; предразсудки царшвуютъ шамъ. Однакожь и въ Галиціи не всѣ бѣдны, но все преобрѣшаемое поповыми шрудами осшаешся въ кабакахъ: въ сихъ-то гнѣздилищахъ разврата и невѣжества приспращенные къ горячему вину крешьяне, шайъ сказашь, впивающъ въ себя всѣ пороки; деньги, скошъ, издѣлія, даже иногда нужнѣйшая одежда крешьянъ осшаешся въ кабакахъ, изъ кошорыхъ изходяшъ буйство и нищета. Изъ сего видно, что для уравненія крешь-

лиѣ въ Галиціи съ Нѣмецкими, должно непременно водворишь межѣ ними ремесла и художества, избавишь ихъ отъ предрасудковъ, а болѣе всего испребишь у нихъ *винную продажу*, главной испочникъ ихъ бѣдствій.

Чтожѣ касается до подданства, то крестьянамъ въ Галиціи непременно еще нужно принадлежать помѣщикамъ; ибо малѣйшая, дарованная имъ свобода, конечно превратится въ необузданность, есѣли въ помѣ не будетъ наблюдаена чрезвычайная осторожность и постепенность. Доброй помѣщикъ, увѣренный, что все богатство его состоитъ въ благоденствіи его крестьянъ, не упомляя ихъ излишнею работою, во всемъ имъ помогаетъ: онъ строитъ на свой коштъ бѣдному поселанину погорѣвшій его дворъ; онъ засѣваетъ его ниву въ случаѣ неурожая; плашитъ за него подаши, въ случаѣ крайней нужды; онъ на-

нимаешь лекаря для спраждающих отъ болѣзней. Однимъ словомъ, доброй господинъ можешь назваться опцомъ своихъ крестьянъ, и сіи крестьяне несравненно щасливѣе должны бышь подъ его покровительствомъ, нежели на свободѣ, влекущей ихъ къ пьянству и разврату.

Предразсудокъ.

Почему вы не сдѣлаете прубы у вашей печи? сказалъ я хозяину со слезами, ибо густой дымъ заставлялъ меня плакать: тогда бы хаша ваша спала свѣшлицою, какія бываютъ въ Нѣмецкой землѣ и въ Венгріи. — „И! куда намъ еще дѣлать прубы,“ отвѣчалъ одинъ спарикъ, покачавъ сѣдою головою; „намъ нечего мудрить, коли прежде насъ того не дѣлали“ — Вотъ какъ силенъ предразсудокъ въ старой Галиціи! Здѣсь видно народъ желаетъ копшишься, а не просвѣщаться.

Право крестьянъ въ Галиціи.

Въ Галиціи крестьяне хопя и ошягощены ужасными подашями, но въ ошраду предосшавлено имъ одно право, кошорое, въ самой вещи хопя и бесполезно для нихъ, однакожь ошмѣнно имъ пріятно. Право сіе сосшойтъ въ томъ, что крестьянинъ можешъ судишся съ господиномъ, ештли будешъ имъ обиженъ. Крестьянинъ идешъ прежде въ Циркулъ (уѣздъ), объявляешъ Судьѣ свое неудовольшвіе, кошорой шощасъ долженъ послашъ Коммисара къ помѣщику для изслѣдованія. Тутъ ештли окажется, что помѣщикъ крестьянина напрасно билъ, то онъ обязанъ ему заплашишъ по шешидесяши копѣекъ за всякой ударъ; ештли же найдешся виновнымъ крестьянинъ, то Коммисаръ шущъ же его наказываешъ. Поляки посредствомъ червонцевъ умѣющъ всегда ослабляшъ злешлюбивыхъ

присяжныхъ и слагашь вину на крещьянъ.

Городъ Львовъ.

Я былъ въ томъ городѣ, коше-
рой Нѣмцы называютъ Лембер-
гомъ, Французы Леополемъ, а Ру-
скіе Львовымъ. Львовъ доспоинъ
именовашься ешюлицею Галиціи;
эшо прекрасной и богашой городъ.
Мы въ немъ дневали. Я былъ въ ше-
апрѣ и маскерадѣ, былъ въ Акаде-
міи, гдѣ показывали намъ библіо-
шеку, содержащую въ себѣ болѣе ша
тысячъ книгъ и между прочими
древней рукописи Славянское Еван-
геліе; шакже видѣли мы шамъ хо-
рошій кабинетъ Анапомической.
Городъ *Львовъ* поспроенъ въ 1245
году сыномъ самодержавнаго Кня-
зя Россіи *Даніила Романовича*,
Львомъ Даниловичемъ. Сей послѣд-
ній женился на *Беллѣ*, дочери Вен-
герскаго Короля, и новопоспроен-
ной городъ назвалъ своимъ имя-

немъ. Львовъ принадлежалъ попомъ многимъ Россійскимъ Князьямъ, у которыхъ онъ былъ Поляками; а въ 1654 году знаменишой Хмѣльницкой осадилъ и взялъ сей городъ Козацкими войсками. — Такъ переходяшъ города изъ рукъ въ руки! . . . Немножко Львовъ, но большая часть Галиціи принадлежала Россіи. Обширна была держава Руская! . . .

Почта.

Перейдя обратно за границу, побѣхалъ я съ однимъ изъ моихъ товарищей на почтовыхъ. Почта Нѣмецкая ни мало не сходствуетъ съ нашею: тамъ лошади большія, кормныя; запрягающя по три, или по чешыре въ почтовую коляску. Почшalionъ, хладнокровной Нѣмецъ, въ ботфортахъ и съ длиннымъ бичемъ въ рукахъ, сидя на козлахъ, куритъ спокойно трубку, или играетъ въ рогъ и ѣдетъ всегда шагомъ;

а у насъ совсѣмъ иначе. Когда мы выѣхали изъ мѣстечка Р** , по просшая почтовая шелѣжка, колокольчикъ у дуги и шройка измученныхъ лошадей, изъ копорыхъ одна даже нахрамывала, составляли нашъ экипажъ, конечно не пышной, но за шо кучеръ нашъ былъ преисполненъ чувствомъ своего достоинства. Онъ сидѣлъ на козлахъ шакъ гордо, какъ сильнѣйшій изъ Азіатскихъ Деспотовъ на пышномъ своемъ престолѣ. Кнутъ его былъ въ безпрестанной работѣ, и лошади хоща и ощущали жесткость его правленія, но подобно всѣмъ прочимъ невольникамъ, молчали. Маленькая, круглая шляпка, съ бѣлымъ перомъ, щеголевато была надѣта у него набекрень; а въ головѣ его играли нѣсколько рюмокъ вина, и онъ въ сладкой надеждѣ, за скорую ѣзду получишь еще на водку, мчалъ насъ какъ вихрь.

О Евреяхъ въ Галициѣ.

Въ Галициѣ живешъ множество Евреевъ. Между прочимъ распрашивалъ я, сколько берутъ съ нихъ подашей. Часныя подаши суть слѣдующія: всякой Еврей отъ каждой свѣчи, зажигаемой имъ въ шабашъ, долженъ плащитъ по три денежки; отъ каждой кваршы пива, которое онъ у себя держитъ, по двѣ денежки; отъ фунта мяса по чешыре денежки; за мѣсто, на которомъ стоитъ домъ, двадцать пять злотыхъ (*) въ годъ. Кроме того плащитъ они разныя общественыя подаши и дають рекрутъ. У насъ въ Россіи несравненно лучше живъ Евреямъ.

(*) Злотой значитъ пятнадцать копѣекъ серебромъ.

Бѣдность.

Вершѣ за пяшь не добѣжая до Грудка (*), у самой большой дороги ешь большая деревня, которая уже съ годѣ шому назадѣ выгорѣла. Жители шамѣ споль бѣдны, что дневное ихѣ пропитаніе состоишѣ единственнo вѣ шомѣ, что могушѣ выпросишѣ у пробѣжающихѣ. Лишь шолько приближились мы къ сему мѣсту, какѣ вдругѣ увидѣли шолпы полунагихѣ малыхѣ ребяшѣ обоого полу. Они съ крикомѣ и слезами, распрощерши руки, бѣжали вѣ слѣдѣ и просили хлѣба. На бѣдныхѣ лицахѣ ихѣ изображалось опчаяніе. Нещасные дряхлые шарцы, безѣ рукѣ или безѣ ногѣ, не вѣ состояніи будучи двигашѣся, печальными взорами умоляли о состраданіи. Сердце содрогаетѣся при возрѣніи на печальную

(*) Восемь миль ошѣ Львова.

каршину нещасія и бѣдности
 подобныхъ намъ челоуковъ. Одни
 только богачи не смягчающся;
 великолѣпныя замки ихъ видны
 въ окрестностяхъ погорѣвшей де-
 ревни, и помощь не исходитъ изъ
 пышныхъ чертоговъ. Бѣдность
 спрашивается огромныхъ палатъ, и
 свирѣпствуетъ на развалинахъ
 убогихъ хижинъ. Богачи не слы-
 шатъ стона убогихъ; веселые
 хоры пѣвцовъ, услаждающъ избѣ-
 женный слухъ ихъ; сердце ихъ
 или вовсе ожесточилось, или, жи-
 вя въ роскоши и не испытавъ ни-
 когда злополучія и нужды, они не
 могутъ постигать, сколь люто
 это бѣдности. Столы ихъ обре-
 менены лакомыми яствами. То-
 кайское вино пѣнишся въ позла-
 щенныхъ сосудахъ. Они пользуют-
 ся всѣми наслажденіями, кро-
 мѣ того, котораго всѣхъ неоще-
 меніе, котораго услаждаетъ ду-
 шу, исполняя ее небесныхъ во-
 спорговъ, сіе наслажденіе есть

плодъ благошворительности. Бѣд-
 ный, подѣлившійся послѣднимъ
 грошемъ съ шѣмъ, кто бѣднѣе его,
 чувствуетъ сіе небесное насла-
 жденіе; а богачь и за милліоны,
 уполенные имъ въ океанѣ роско-
 ши, не получитъ его.— Рейналь
 въ Исторіи своей о Индіи, гово-
 ритъ, что въ нѣкоторыхъ Ин-
 дійскихъ законахъ изображено
 такъ: „Богачь долженъ быть сра-
 „венъ съ деревомъ, обременен-
 „нымъ плодами и возвращеннымъ
 „природою среди безплодной степе-
 „ни; всѣ алчущіе и уполенные
 „имъютъ право покоиться подъ
 „его шѣнію и рвать съ него пло-
 „ды.” О! если бы и у насъ бо-
 гачи уподобились симъ благошвор-
 нымъ деревьямъ, тогда бы спраж-
 дующая нищета пришекала подъ
 сѣнь щедроты ихъ; стоны угнѣ-
 шенныхъ ярмомъ бѣдности, не
 раздавались бы по лицу земли, и
 вѣчный миръ между нищею и
 богашствомъ былъ бы возстанов-

ленѣ. Но это мечта, которую однакожь богачи могутъ сдѣлать спасительною существованію, естли только захотятъ.

Шоссе.

Шоссе или Käyserveg въ Нѣмецкой землѣ называется большая дорога, идущая отъ самой границы Бродѣ чрезъ всю Галицію, Силезію, Моравію и обѣ Австріи до Вѣны и Кракова. Дорога сія прекрасна; она состоитъ изъ насыпи, возвышенной на двѣ или на три сажени отъ плоской поверхности земли; нижніе слои оной изъ земли, верхніе изъ глины, песку, бѣлаго кирпича и извешки; а сверху все сіе замощено камнемъ. Съ обѣихъ сторонъ широкіе каналы, обсаженные деревьями; въ низкихъ мѣстахъ возвышенные мосты изъ дикаго камня. Въ самую дурную погоду такая дорога ни мало не повреждается; одно неудобство для лошадей ино-

спиранныхъ, что подковы часно ломаются: въ шѣхъ же спранахъ лошади такъ привычны, что могутъ ходить даже и неподкованныя.

Вся дорога раздѣлена на множество разстояній, къ которымъ приславлены Коммисары, весьма рачительно надсматривающіе за починками. Проѣзжая въ Нѣмціи по Шоссе, можно вспомнить о шѣхъ славныхъ, нѣсколько спольшій существовавшихъ дорогахъ, которыя Римляне дѣлали въ своей землѣ; болѣе же достопамятны онѣ шѣмъ, что были спроены войсками, которыя въ часъ мира, избѣгая праздности, сооружали сіи безсмертныя памятники на пользу ближнихъ.

КРАТКОЕ ЗАМѢЧАНІЕ

О Тактикѣ, или военномъ искусствѣ Французовъ.

Разсматривая, какимъ образомъ Французы ведутъ насшупательную войну, и видя, что главной

успѣхъ оной зависишь, кромѣ порядка и устройства въ войскѣ, ошъ поспѣшности, внезапности и быспрошы, съ каковою они наступаютъ на непріятеля, и съ прехъ разныхъ споронъ, по ешь съ крыльевъ и середины спарающаго его поражашъ, легко подумаешь, что они учились сражашся у Россійскаго Марса, безсмертнаго Суворова, ибо послѣдуюшь всѣмъ его правиламъ. Желая упомянуть о шакшикѣ Суворова, разскажу слѣдующій анекдотъ. Воинъ, незабвенной для Россіянъ, Генералиссимусъ Суворовъ, въ знакъ особеннаго своего благоволенія къ Генералу Милорадовичу, котораго онъ весьма ошличалъ и любилъ, позволилъ снись съ себя поршрешъ въ самомъ маломъ видѣ, и подарилъ оной сему Генералу.

Сіе малое изображеніе весьма живо предспавляло великаго чловѣка. — Генералъ Милорадовичъ вспавилъ его въ першень, и на

чешырехъ еспоронахъ онаго , въ
 чешырехъ словахъ написалъ всю
 шакшику Суворова. Сіи многозна-
 чущія слова суть: *быспрота* ,
шпыки , *побѣда* , *ура!* — Когда
 Генералиссимусъ увидѣлъ сей пер-
 сень, съ изображенною на немъ
 Лагонически шакшикою въ чешы-
 рехъ словахъ, шо сказалъ: „что въ
 „нимъ должно было прибавишь
 „еще *пятое* , и между словами
 „шпыки и побѣда включишь сло-
 „во *натискъ*: тогда шакшика моя,
 говорилъ онъ, „содержалась бы со-
 „вершенно въ сихъ пяти сло-
 „вахъ.” — Что такое слово *на-*
тискъ? — Сильный ударъ шпыка-
 ми въ швердыни непріяшельскія.—
 Строи Рускіе, подобно быспро-
 крылымъ орламъ, должны грудью
 налетѣшь на враговъ , *натиснуть*
шпыками , проломишь швердыни
 враждебныхъ силъ, опрокинушь,
 попрашь, и въ знакъ побѣды во-
 скликнушь торжесшвенно *ура!!*
 Вотъ самое крашкое извясненіе

сихъ пяти словъ; но всякой видѣшь, что они заключають въ себѣ обширной и высокой смыслъ. — Часто Герой Ишалійскій говаривалъ любимымъ своимъ Генераламъ въ поученіе слѣдующія краткія изреченія: „будьше быстры, „неушомимы, прозорливы и подвижны! Непріатель думаетъ, „что вы за сто верстъ; а вы „удвоивъ, утроивъ богатырскіе „шаги, нагряньте на него въ рас- „плохъ. Непріатель пересмалъ за- „бошиться, онъ ожидаетъ васъ „съ чистаго поля; а вы изъ-за „горъ крушыхъ, изъ-за шем- „ныхъ лѣсовъ, какъ снѣгъ на го- „лову налешите на него, пора- „зите, снѣсните, и опрокинувъ „гонише безъ устали... Болѣе „всего не давайше врагу одумы- „вашься: испуганной непріатель „уже въ половину побѣжденъ. У „спраха глаза велики, и одинъ по- „кажешся за десятерыхъ!”

Французы какъ будто слышали всѣ сіи наставленія, ибо совершен-

но имъ послѣдуютъ : быспроща
 видна во всѣхъ ихъ движеніяхъ ;
 въ походахъ они неушомимы ,
 идутъ день и ночь излучисшими
 пущами ; обходящъ , окружающъ и
 внезапнымъ появленіемъ изумля-
 ющъ успрашеннаго непріятели.
 Два шолько способа , кошорыми
 Рускіе , во времена Суворова , силь-
 но вредили непріятелю , Францу-
 замъ почти не упошребляющъ , а
 именно : *штыки и ногныя наладе-*
нія. Къ симъ послѣднимъ у насъ
 весьма способны храбрые наши
 Козаки : насканавъ съ различныхъ
 споронъ , ужаснымъ крикомъ и
 воплемъ прерывающъ они глубо-
 кое молчаніе мрачной ночи ; вздре-
 мавшій непріятель просыпаешся ,
 и умираешъ подъ оспріемъ ихъ
 копій . Но за то Французы спрѣ-
 ляющъ превосходно ; почти всякой
 изъ ихъ солдатъ естъ искусной
 спрѣлокъ ; заряжающъ они опмѣн-
 но скоро , и пули изъ рядовъ , спрѣ-
 ляющихъ башальнымъ огнемъ , сы-
 плются какъ дождь .

Должно замѣшшшь, что ружья ихъ гораздо исправнѣе и лучше нашихъ. Аршиллерія Французская дѣйствуетъ также опмѣнно исправно и мѣшко. При началѣ сраженія большая часть молчитъ; но сколь скоро непріятель обращается въ бѣгство, то цѣлый адъ разверзается за нимъ; всѣ батареи начинають стрѣлять и ужаснымъ громомъ наводящъ на бѣгущихъ панической страхъ (*), не дающій имъ ни минушы къ размышленію.

Французы наступаютъ и опспускаютъ всегда колоннами; въ шомъ и другомъ движеніи производящъ непрерывной огонь; охошники рассыпаются передъ головами колоннъ, и первые вспу-

(*) La terreur Panique. Говорятъ, что Панъ, славной древній завоеватель, съ малымъ числомъ, при звукѣ бранныхъ орудій, напалъ на сильного непріятели ночью, кошерой

пають въ переспрѣлки съ непришелемъ. Каждой Генералъ Французской имѣеть при себѣ множество гидовъ (колоновожакъ), которые разсѣявшись на быстрыхъ лошадяхъ, весьма искусно и скоро, вѣрнымъ глазомѣромъ снимають совсѣмъ незнакомыя мѣстоположенія; предспавляють планъ Генералу, которой въ мигъ учредивъ по оному боевой порядокъ, велишь вести колонны и назначаетъ мѣста, гдѣ имъ вышлягиваться въ спрой.— Конница Французская весьма многочисленна и довольно хороша, только лошади нѣсколько тяжелы; люди прекрасные, а особливо конные гренадеры и кирасиры, покрытые

пришелъ въ такой шепетъ, что безъ бою сдался. Съ тѣхъ поръ внезапно наведенный шепетъ стали называть Паническимъ.— Безсмертный Суворовъ подражалъ часто Пану.

непроницаемыми лапами. Болѣе же всего опличается она конными егерями, копорые весьма искусно сирѣляютъ сѣлошадей. Чшо жѣ касается до содержанія передовыхъ посшовъ и искусства вѣ шакѣ называемой *малой войнѣ*, шо Французы должны усунуишь Россійскимъ Козакамъ и Венгерскимъ гусарамъ.

Вѣ заключеніе должно замѣнитъ, чо нынѣшняя шакшика, вѣ разсужденіи многолюдства, совѣмъ различествуетъ отъ шой, копорую употребляли ихъ Конде и Тюрень. Тѣ сѣ арміями двадцати пяти тысячъ дѣлали чудеса; а нынѣ шаковыя арміи считающіяся опрядами, и десяти полковъ сшавшяся вмѣсто одного. Отъ шого - шо вѣ прежнія времена сраженія, на копорыхъ сѣ обѣихъ сторонѣ выходило по шридцати и по сороку тысячъ, не могли бытъ шоль кровопролитны, какъ нынѣшнія. Тогда забошались

болѣе о потерѣ полковъ, нежели нынѣ о гибели армій; и тогда выигрывали искусствомъ, а нынѣ беруть все силою и множествомъ.

Перемѣна Французской шапки послѣдовала со временъ революціи, когда Робеспьеръ и лющые сообщники его, среди убійствъ и мяшежей, на шрупахъ согражданъ ушверждали гибельное для Франціи владычество свое. Трибунъ Нарно внѣ оной учреждалъ безчисленные арміи, и самъ изъ Парижа двигалъ ими споль же способно, какъ прежде двигали полнами. Такъ, сіе глубокомысленное изобрѣшеніе располагашъ и водилъ цѣлыя арміи, вышягивашъ ихъ для боеваго порядка на шысячахъ вершахъ, и начинашъ сраженіе вдругъ въ двадцати и болѣе мѣсахъ, принадлежишъ безспорно Французамъ (*): но сколь пагуб-

(*) Въ древности коша извѣстно нашествіе Ксеркса на Грецію, кошой вель съ собою болѣе миліона

но изобрѣшеніе сіе для рода чело-
вѣческаго !

Не ужаснешя ли воображеніе ,
когда предсхавишь себѣ огромныя
ополченія, включающія до полуми-
ліона воиновъ? Сколь ужасно
бранное шестивіе ихъ! Оно уподо-
бляешя шеченію двухъ бурныхъ
морей , испоргшихся изъ бере-
говъ своихъ и кающихъ яросщ-
ныя волны на ужасное бореніе ,
гибельное для челоуѣческаго! Рѣ-
ки крови проливающяся , тысячи

Персовъ: но онъ все свое воинство
хотѣлъ ввести въ одинъ узкой Оер-
мопильской проходъ, гдѣ и поше-
рялъ двадцать тысячъ, такъ какъ
и предшественникъ его Дарій раз-
билъ Мальшядомъ на поляхъ Ма-
рафонскихъ. А Французы, воздви-
гая нынѣ подобныя Ксерксу опол-
ченія, устремляющяся на государ-
ства не съ одной, но съ различныхъ
сторонъ; вшоргающяся подобно бур-
нымъ рѣкамъ, и быспро прошекая,
все поглощающъ.

сильныхъ падающъ во прахъ, и судьбы царствъ рѣшаются! Еслили Гомеръ (*) въ *Иліадѣ* представляешъ Бога Боговъ возлагающаго на вѣсы жребій малаго числа Дарданцовъ и Грековъ, сражавшихся за одинъ городъ Троию; шо не дол-

(*) Гомеръ въ осьмой пѣсни *Иліады* представляешъ Бога Боговъ возлагающаго на вѣсы жребій Троянъ и Грековъ, и возвѣщающаго симъ послѣднимъ паденіе ихъ въ шопъ день чрезъ громы и молніи. Гомеръ показываетъ вездѣсущность попечительнаго и безконечно справедливаго Божества, на все призирающаго. Подобно сему и Мильшонъ говоритъ: „Творецъ вселенныя воз-,
 „высилъ злапыя вѣсы, шѣ самыя,
 „кои и по нынѣ видимъ въ небе-,
 „сахъ между знаками Дѣвою и
 „Скорпіономъ: на сихъ-шо вѣсахъ,
 „при возрожденіи вселенной, Богъ
 „взвѣшивалъ всѣ созидаемые имъ
 „міры; а нынѣ возлагаетъ на нихъ
 „жребій царствъ земныхъ.

жно ли и намъ помыслишь, что Творецъ съ высшнмъ превыспреннихъ взираешъ на брань, шакъ сказашь, одной половины рода смершныхъ, спорящей съ другою о владычествѣ на лицѣ земномъ? Но нѣтъ, плачевное позорище сіе не есть досшойно Безконечно-благаго! Природа содрогаешся, зря паденіе надъ своихъ и внемя спону разрушающихся народовъ, и Творецъ отвращаешъ опеческой взоръ Свой отъ шара земнаго, обогреннаго кровію заблужденныхъ обитателей его (*).

(*) Въ XIII Пѣсни (на страницѣ 358 Шамфорова перевода) величайшій изъ Поэтовъ Гомеръ, въ поученіе народамъ, представляешъ, сколь горестно безконечно - благому Божеству взирашъ на заблужденіе смершныхъ, омывающихъ себя кровію собратій своихъ. Онъ говоритъ что Зевесъ, ополчивъ на Грековъ ужаснаго Гектора, отвращаешъ

О СТРАКАХЪ.

Намъ Россіянамъ, прослывшимъ непобѣдимыми, всегда должно надѣяться, побивашь Французовъ: ибо шо, въ чемъ они искуснѣ насъ, мы переняшь можемъ; а шо-го, что преимущественно свойственно Россіянамъ, Французы никогда имѣшь не будутъ. Французы никогда не будутъ мужественно и твердо стояшь пропиху Россійскихъ шшыковъ; они

взоры свои отъ береговъ Дарданскихъ, гдѣ воскипѣла кровавая брань, и съ веселіемъ созерцаешъ блаженство народовъ, обитающихъ въ нѣдрахъ вѣчнаго мира и благословенной пишины.

*Лишь Гекторъ въ брань потекъ,
къ губленью силъ Аргивскихъ,
Зевсъ взоры обратилъ въ средину
странъ Фракійскихъ,
Тамъ не лилась во вѣхъ во браняхъ
смертныхъ кровь;
Природы кроткихъ чадъ единая тамъ
любовь,*

и пошѣ часѣ бѣгутѣ, разсѣваюшя
и умѣютѣ только прекрасно дѣй-
ствовашя въ разсыпную; каждой
шрѣлокѣ прятешя за камень, за
кустѣ, и извѣ всякаго удобнаго мѣ-
ста бѣшѣ Рускаго, копорой спы-
дшя уклонишя, идя всегда
прямо на врага: Рускіе привыкли
братѣ все грудью. Подѣ Крем-
сомѣ высланы были у насѣ въ
шрѣлки гренадеры, высокаго ро-
сшю, сѣ длинными сулшанами; и

*Невинныя сердца къ блаженству сѣди-
няетѣ;*

*Межѣ ними истина престолѣ свой ут-
верждаетѣ.*

*Не рая плугомѣ нивѣ, питаешя мле-
комѣ стадѣ,*

*Всѣ здравіемѣ цвѣтутѣ, вкушая тѣмѣ
отрадѣ;*

*И сѣ радостной душой, извѣ нѣдрѣ бла-
гой природы,*

*Отходятѣ къ вѣчну сну, проживѣ сѣ ней
многи годы.—*

(Переведено извѣ Шамфора.)

Французы дробные, малые, близ ихъ изв-за камней, какъ хопбли. Руской Гренадеръ, сильной, рослой, могшій ишши съ шпыкомъ на десятерыхъ непріятелей, падалъ мершвъ ошъ пули, пущенной изв-за куста безсильнымъ Французомъ. Но изв сего не лзя заключишь, будшо бы Рускіе солдашы неспособны спрбляшь; они превзойдушъ и Французовъ, ешъли ихъ легко одѣть и выугитъ. Мысль о семъ предложена была, еще за сто лѣшъ предъ симъ, Иваномъ Посошковымъ Боярину Федору Алексѣевичу Головину; онъ говоришь: „ешълибъ Государь „(Петръ I) изволилъ собрашь „штысячь пять или десятокъ, и „научишь ихъ такимъ швердымъ „спрбляньямъ, чшобъ ни одинъ „пули даромъ не пошерялъ, но „по чемубъ ни похотѣлъ спрбляшь, по шомубъ и пошалъ.” и далѣе говоришь: „шо чаю, чшо „шѣ десяшь штысячь лучше тыщи-

„десяти тысячъ у дѣла будуща:
 „шобъ нашему Великому Госуда-
 „рю самая доспохвальная слава
 „и радостная война была, чшобъ
 „св малыми людьми многолюднаго
 „непріятеля побѣждалъ.” (*)
 (Смотри книгу, *Россіянинъ Про-
 шедшаго вѣка*, изданную въ Мос-
 квѣ О. Розановымъ.)

Посошковъ сказалъ самую исти-
 ну; Рускіе будуща непобѣдимы,
 ешьли ихъ выучишь спрѣляшь;
 а научишься могутъ они всему. И
 прошиву конныхъ спрѣлковъ, ко-
 торыми Французы шакъ много
 гордялся, Россія имѣеть кого про-
 шивопоспавишь. Извѣстно, что
 Гребенскіе Козаки и прочія пле-
 мена, воюющія у насъ на линіи
 весьма искусно, гораздо превосход-
 нѣе Французовъ спрѣляютьъ св

(*) О чемъ писалъ Посошковъ при
 Петръ I, то совершенно Алек-
 сандромъ въ вѣчно - незабвен-
 ныхъ годахъ: 1812, 1813 и 1814.
 Ч. I. С

лошади на всемъ скаку. Еще по-
впору, что Рускіе, еспши захо-
пшъ, во всемъ могушъ превзой-
ти Французовъ; а Французы ни-
когда не сравняшя съ ними въ
мужествѣ, крѣпости шѣлесной,
въ искусствѣ поражать шшыка-
ми, дѣлашъ ночныя нападенія и
наконецъ въ помъ, чтобъ драшъ-
ся грудью за Православную Вѣру,
Царя и Ошечество (*). Французы
сражающя или за мечшашельную
свободу, или изъ рабскаго повино-
венія. Отъ того храбростъ ихъ
непостоянна: она какъ скоро воз-
раждаешя, такъ быспро и про-
ходишъ; должно шолько умѣшъ
пользовашъ ихъ разспройкою и
не давашъ имъ онамяшовашъ;
однимъ словомъ, явись Суворовъ!
— и мнимо-непобѣдимыя войска

(*) 1812 годъ показалъ свѣшу, какъ
сражающя Рускіе подъ Ошече-
ственнымъ небомъ и на родной
землѣ! . . .

Французскія побѣгущѣ неоглядкою.— При семъ не бесполезно замѣшшь и то, что Рускіе спольже способны къ оборонительнымъ, какъ и наступательнымъ дѣйствіямъ. Съ Суворовымъ они лешбли на враговъ, какъ вихри; съ Кутузовымъ стояли, какъ твердыя стѣны. Часто одна стойкость Россіянъ разспроивала всѣ глубокомысленные планы вождя Галловъ; тысячи пылкихъ Французовъ, лешбшше на крыліяхъ ярости и опчаянія, падали мершвы предъ спонами неколебимыхъ Россійскихъ спроевъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вотъ, любезный другъ! все, что я имѣлъ шебѣ сказать. Шесшь мѣсяцовъ скишаясь по свѣшу, видѣлъ я разные народы и разныя земли, и въ эши шесшь мѣсяцовъ приобрѣлъ болѣе опышности, нежели сколько могъ бы приобрѣсти

въ шесть лѣтъ, сидя дома. По-
 знакомившись коропко съ нуж-
 дою, и пройдя (по большой части
 пѣшкомъ) около шести тысячъ
 верствъ, возвратился наконецъ
 опяшь съ полкомъ въ Р***, и те-
 перь занимаюсь мыслями о про-
 шедшемъ и спокойно ожидаю бу-
 дущаго. Всѣ прешерпѣнные шу-
 ды и тысячи происшествій ка-
 жущся сномъ. — Время по испи-
 нѣ можно почестъ *Летою*, ибо оно
 погружаетъ насъ въ забвеніе все-
 го; при томъ же Безконечно-бла-
 гой Творецъ создалъ человека та-
 ковымъ, что въ минушу спой-
 швія и опрады способенъ онъ за-
 бывать цѣлыя годы спраданій.
 Упѣшаюсь и шѣмъ, что въ девят-
 нацать лѣтъ имѣлъ уже такъ
 много случаевъ познать свѣтъ и
 людей. — Прощай! —

ОПИСАНІЕ САДА СОФІЕВКИ.

На обратномъ пути, съ Турецкой границы, проѣзжая Польскою Украиною чрезъ городъ Умань, видѣлъ я славный садъ Софіевку, или лучше сказать: я видѣлъ шоржешво искусства. Съ начала поспѣраюсь описать садъ; попомъ расскажу корощко о его заведе-ніи.— Вышедъ изъ Умани, обратились мы (*) къ той сторонѣ, въ которой находился садъ, и, будучи предвѣдомлены, что до него одна только верста, за раиѣ еще искали его любопытными глазами; но не находили.—Разстояніе версты уже исчезало за нами, а мы все еще ничего не видали, кромѣ неизмѣримыхъ степей поросшихъ бурьяномъ. Наконецъ въ лѣвой сторонѣ, между дикихъ бугровъ, открылся прорѣзъ, кошо-

(*) Я былъ шамъ вмѣстѣ съ Генераломъ М.

рой издали едва былъ примѣшенъ. Мы спустились съ небольшого пригорка и вдругъ увидѣли глубокую долину; а въ ней чудесной садъ. Входъ составляли ворота изъ дикаго камня съ нѣкошорыми украшеніями. По сторонамъ, въ двухъ темныхъ пещерахъ, Дельфины высоко мѣшали пошюки чистой здоровой воды, кошорые, встрѣчаясь съ свѣтомъ, превращались въ блестящія радуги и съ шумомъ и пѣною низпадаю въ мраморные колодцы, дославляли воду всѣмъ городскимъ жишелямъ. Войдя въ ворота кажешя переселяешя совсѣмъ въ другой міръ: уныніе степей исчезаешъ; повсюду шумяшъ ручьи, зеленѣюшъ деревья и цвѣшешъ мурава. Но чшобъ лучше вообразить сколь пріяшны всѣ сіи обыкновенныя вещи въ шѣхъ мѣстахъ, должно представить себѣ обширныя, необозримыя степи, на кошорыхъ невидно ни одной вѣшви: древе-

снѡй, не слышно ни одного ручья и среди сихъ пущынь всѣ дары природы, собранныя во глубинѣ прелестной долины и эта долина естъ— Софіевка. Различныя пшцы, наскучивъ пущыннымъ безмолвіемъ, изъ опдаленнѣйшихъ мѣстъ, слезающа спадомъ въ садъ, гдѣ упоминаютъ эхо непрерывными пѣснями. Ни что не можешъ разлучишь ихъ съ сею обширною, хошя со всѣхъ сторонъ опверзною, кѣшкою: пріятная, самопроизвольная неволя дороже имъ печальной свободы.— Но возвратимся къ саду. По обѣимъ сторонамъ оплогости горъ покрыты частыми зелеными кушарниками, въ сумрахъ тѣней ихъ мелькаютъ изгибистыя, бѣлымъ пескомъ усѣянныя, дорожки, копорыя ведутъ въ разные храмы, бесѣдки и домики. Вездѣ, прелестной безпорядокъ; виды печальные смѣшаны съ пріятными: шамъ громады дикихъ скалъ по-

росшихъ бурьяномъ , а въ низу подлѣ нихъ зеленяя полянки , испещренныя благовонными цвѣтами. . . Старыя ели и сосны нависли надъ пропастями , въ которыхъ безпрестанно шумящъ подземныя воды ; все сіе кажешся древнимъ произведеніемъ природы.

Пройдя нѣсколько впередъ увидѣли мы довольно обширное озеро, но безъ воды; множество небольшихъ разнообразныхъ острововъ спояли на суши. Между шѣмъ поданъ знакъ и вдругъ эхо зашпонало отъ внезапнаго шума, разливашагося по долинѣ: цѣлая рѣка брызнула изъ заклеповъ и полилась съ высоты 40 футовъ. Бурныя волны раздроблялись о скалы, кипящая пѣна клубилась , и влага распроспранясь , въ видѣ мѣлкаго дождя , орошала насъ , споявшихъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Вскорѣ въ глазахъ нашихъ — все озеро наполнилось водою, остро-

ва внесли зеленые верхи свои надъ нею, и скалы, пещеры, и мраморныя изваянія изобразились въ прозрачной стихіи, какъ въ чистомъ стеклѣ. Налюбовавшись симъ очаровательнымъ зрѣлищемъ, пошли мы по уступамъ, избѣченнымъ въ скалахъ, вверхъ на горы. На половинѣ дороги явилась храмъ, поддерживаемой прекрасными мраморными столбами; мы вошли въ боковую дверь онаго и очутились подъ водою. Водопадъ, спремившійся съ вершины горъ, лешѣлъ (по общему закону паденія жидкихъ тѣлъ) дугою, подъ коңорою сооруженъ сей храмъ въ честь Непшуну. Въ семъ подводномъ храмѣ всѣ предметы представлялись намъ сквозь прозрачную влажную стѣну. Солнце, склонившееся въ то время къ западу, сіяло въ неизвѣстномъ великолѣпіи; каждая волна водопада изображала въ себѣ одинъ изъ радужныхъ цвѣтовъ, и всеобщее сія-

ніе оныхъ, яркимъ блескомъ и сіяніемъ, удивляло взоръ и восхищало душу.

Ошшуда, проходя Англинскимъ садомъ мы не переспавали дивисься сочешанію искусства съ природою и разнообразію предметовъ, поражавшихъ наши взоры. Наконецъ пришли къ небольшому свѣшлому пруду, осѣненному высокими деревьями, на которомъ ожидала шлюбка съ двенадцатью прекрасно - одѣшыми гребцами. Ошсюда надлежало пущишься въ подземное пущешествіе. Всѣ мы сѣли въ лодку, переѣхали прудъ, и вошли въ подземной, возвышенной сводъ, обложенный кирпичемъ и дикимъ камнемъ. Гребцы перестали гресъ, склоненіе воды тихо спускало насъ внизъ. По мѣрѣ углубленія въ подземелье свѣшъ исчезалъ, а мракъ стущался предъ нами. Долго происходило бореніе между днемъ и ночью, наконецъ первой уступилъ

послѣдней и мы плыли въ совершенной темнотѣ. По временамъ только встрѣчали въ пущи, нарочно успроенныя вверху свода, отверстія; взоры быспро пробѣгали сквозь оныя, и открывая на минушу небо, горы и лѣса, вловѣ погружались во мракъ.— Такимъ образомъ, плывя подъ землею полчаса, достигли мы опять дневнаго свѣта. Лодка остановилась у вѣрошѣ; но выдти на землю не возможно было потому, что берега канала, обитые досками, возвышались надъ нами почти на двѣ сажени. Тупѣ, по новому шайному знаку, открылся боковой ключъ: вода начала прибывать и лодка подыматься. Не успѣли поровняшьяся съ берегами, какъ вдругъ, съ ужаснымъ скрипомъ, опворились вѣроша, и мы, вмѣстѣ съ водою, вшekli въ пространное озеро, окруженностію болѣе вершны. Здѣсь появилось множештво изпещренныхъ острововъ: на ииныхъ

расли стройные Украинскіе по-
поли съ сребристыми листьями,
на другихъ розы и прочіе цвѣту-
щіе кустарники; гребцы пѣли пѣ-
сни, играли на рогахъ; въ раз-
ныхъ мѣстахъ плавали лебеди.
Обширный сводъ небесъ, заходя-
щее солнце, лѣсистыя горы и
цвѣтущіе берега, все изобража-
лось въ прозрачной глубинѣ озеръ.
Замкомъ всей громады сихъ водъ
служилъ огромная площадь съ
башнями, на которыхъ вѣяли
разноцвѣтные флаги.—

Вотъ самое крашкое и неде-
спашочное описаніе сада Софіев-
ки; теперь слѣдуетъ рассказать,
какимъ образомъ возникъ онъ сре-
ди пущынныхъ степей. За де-
сять лѣтъ предъ симъ во всей
Уманѣ не было хорошей воды; по-
койной Графъ П * * проѣзжаясь
однажды въ окрестностяхъ горо-
да съ своею супругою, пріѣхалъ
на то мѣсто, гдѣ нынѣ садъ.
Прежде былъ шамъ глухой ровъ.

Графиня захотѣлось пить: воды нѣгдѣ было достать; нѣкто сказалъ Графу, что за пять верстѣ ошшуда есть ручей и колодцы съ прекрасною водою. Козакъ на быстрой лошади поскакалъ и чрезъ нѣсколько времени возвратился съ водою, которую всѣ нашли ошмѣнно вкусною. Сей случай подалъ Графу мысль доставить городу здоровую воду, а чтобъ соединить полезное съ пріятнымъ, предпринялъ онъ доставить прекрасной садъ въ честь спрасшно-любимой имъ супруги Софіи. На первой разѣ ошщипанъ былъ миллионъ злошыхъ; изъ Голландіи привезенъ по почтѣ славнѣйшій Гидравликъ, и подъ надзираніемъ его нѣсколько сотъ рукъ принялись за работу. Превосходный художникъ сначала привелъ воду (находившуюся за пять верстѣ) шрубами въ ровъ, потомъ представилъ ее въ тысячу различныхъ видахъ: въ одномъ

мѣстѣ льется она пихими ручьями; въ другомѣ мещется на воздухѣ различными морскими чудовищами, высѣченными изъ мрамора; далѣе шумишь и падаешъ съ вершины скалъ бурными потоками; наконецъ соединяется въ свѣшлые пруды и обширныя озера. Сія неизмѣримая громада водъ всегда и во всемъ повинуется шворцу своему: по знаку его можешъ все изсохнуть или пошопнуть въ водѣ по мѣрѣ, какъ подынешся или опустишися верхняя засапка: вошь шоржешво искушва!— Для сосшавленія сего сада возили изъ ошдаленныхъ мѣстъ величайшіе камни или каменные скалы, по зимнему пуши, каждой двадцашью и болѣе парами воловъ, съ помощію множешва людей и машинъ. По сему судише о ихъ огромности! шудаже и шолѣшнія деревья пересажены. Великій художникъ, совершавшій сіи исполнискія предпріяшя, за

всѣ пруды свои, кажешся, желалъ одной награды, чшобы зрители почишали собраніе сихъ чудесъ швореніемъ самой природы, а не рукъ человѣческихъ. Но хощя, по его велѣнію, скромное искусство щашельно повсюду укрывается; однаже доспоинство шворца ясно ознаменовано въ огромномъ его швореніи: перевезенныя гранишныя горы, пересаженныя лѣса и шумящія воды гласящъ славу искусства и великихъ прудовъ.

Графъ любилъ разсмашривать книги съ изображеніями садовъ и различными украшеніями оныхъ. При всякомъ разѣ, когда находилъ что ни есть прекрасное: храмъ, бесѣдку или мраморное изваяніе, шощъ часъ подписывалъ подъ онымъ, по Польски: до Sophiawku шо есть, въ Софійкѣ садѣ. Симъ опмѣченныя изображенія чрезъ нѣсколько недѣль являлись сооруженными. Такимъ образомъ Графъ приносилъ жертвы нѣжности обо-

жаемой супругѣ: имянемъ ея украшались всѣ лучшія памяшники въ семъ очаровашельномъ саду.

Графъ П*** владѣлъ большею частію Польской Украины. Ошѣ, Тульчина, главнаго его мѣстопробыванія, до шѣхъ мѣстѣ, гдѣ Синюха вливается въ Бугѣ, пространство до двухъ сотѣ верстѣ занято было его деревнями. За чешыре года предѣ симъ Графъ П*** умерѣ, и обширныя владѣнія его подѣлены между одиннадцашью сыновьями.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПИСЕМЪ РУСКАГО ОФИЦЕРА.

(къ другу).

Ты я думаю уже успѣлъ перечищать присланныя мною тебѣ письма, — сіе слабое произведеніе *военнаго пера*, непримѣнно составившееся изъ записокъ, веденныхъ подъ громомъ войны, у полевыхъ огней, среди суешъ, заботъ и шрудныхъ переходовъ. Я старался только ловить одну истину и срисовывалъ, какъ умѣлъ, что видѣлъ. Тогда иѣкогда было сличать описаній своихъ съ Исторіею и описаніями другихъ; но, пріѣхавъ въ Москву, нашелъ я въ библиотекѣ брата, много книгъ, въ которыхъ писали или, справедливѣе сказать, *бредили* о томъ же, о чемъ говорилъ и я. — Французскіе писатели, кажешся, на перерывѣ другъ передъ другомъ, старались пускать *дымъ лжи* въ глаза читателя. Случая мои простыя

письма съ ихъ великолѣпными разказами, мы спарались въ свободу и испиину изъ когшей клеветы и представили вещи въ наспоющемъ ихъ видѣ. При томъ припомнилъ я много кое-чего на досугѣ, о чемъ въ шоропяхъ забылъ упомянуть прежде въ письмахъ. Все сіе вмѣстѣ составило статью въ Рускомъ Вѣспникѣ, издаваемомъ брашомъ, кошорую, какъ она ешь, шебѣ и посылаю. Приложи ея къ концу писемъ: она придется къ нимъ шочь въ шочь по слогу и смыслу въ ней заключенному.

Начнемъ съ описанія высшупленія Рускихъ изъ Браунау. смолпр. *Письма Рускаго Офицера* сшран. 62. Окшября 12.

Посмотримъ, какъ сей случай описанъ иноплеменными. „По многочисленнымъ уронамъ Авспрійскихъ войскъ, Рускіе не смѣли ожидать Французомъ въ Брау-

нау. (Надлежало бы сказать, по чему не смѣли?) Они по необходимости вышли изъ сего города, грабя шу землю, копорую пришли защищать (*).”

Вмѣсто собщвенныхъ моихъ замѣчаній, предложу послѣдующее изъ книги иноплеменной, копорое ясно покажетъ несообразность разсказа. „Французы,” продолжатъ Дезодаръ: „нашли въ Браунау 40 тысячъ пайковъ хлѣба, тысячу кулей муки, и проч. и проч.” Что же грабили Рускіе, ешлы въ оставленномъ ими городѣ было во всемъ шакое изобиліе?

Желая пощеголять вишій-спвомъ, иноплеменный писатель присовокупляетъ высокопарныя сіи слова. „Рускіе, все грабили и

(*) Смолр. на Французскомъ языкѣ десяную часть Дезодаровой Истории о Французской революціи, стран. 226. Книга сія вышла въ прошломъ го ду.

разоряли въ *Ламбахъ* и въ окрестностяхъ онаго. Вспуленіе Французовъ во владѣнія Австрійскія было для жителей благоденствіемъ несказаннымъ; присутствіе Рускихъ — несчастіе, лютейшее явной войны!" (*)

Не въ первый разъ для вышнѣйшей прошивоположенности жершвуюшъ испиною. И сей иноземной писатель для красиваго выраженія не пощадилъ совѣсти своей. Онъ внесъ то въ огромную свою исторію, что смѣшно бы было и въ сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ. Ему можно отвѣчать словами его единосемца, *то одна истина прелестна.*

Сія истина во всей простотѣ своей заключается въ описаніи Рускаго Офицера на стр. 67 и послѣдующей.

Какъ же перешолоковалъ сей случай иноземный писатель? „Ав-

(*) Десятая часть *Исторія о Французской революціи*, стр. 227.

„спрійской Императоръ,” гово-
ришь онъ , „прибыль въ Вельсѣ,
кошорой „на другой же день за-
„няшь былъ Французами.” (ку-
„дажь дѣлся Императоръ?) На
„пуши своемъ встрѣчалъ онъ пе-
„всюду развалины державы раз-
„рушенной. Нещасные поддан-
„ные жаловались ему на звѣрскіе
„поспунки Россіянъ. Императоръ
„сохранялъ мрачное и глубокое
„молчаніе; слезы текли изъ глазъ
„его.” Рускіе путешественники
никогда не писали, что есть жи-
вотныя, называемые у насъ соба-
ками; (*) что праздникъ значить
у насъ постный день: (**) и что
пазаръ и влейта значить: пожа-
луйте сюда. (***) Они описыва-
ють по, что видяшь, не полага-
ясь на одну молву, но прилѣжно
выникая во всѣ подробности того,

(*) Смолр. Путешествіе Аббата Ла-
шала по Сибири.

(**) Смолр. Сверхное лѣто.

(***) Тамъ же.

о чемъ предлагають. Ссылаюсь на всѣ путешествія ученыхъ Россійцевъ. Братъ мой, по возможности своей руководствуясь ихъ примѣрами, на внимательномъ изслѣдованіи основалъ замѣчаніе свое, которое доставилъ мнѣ по напечатаніи уже *Писемъ Рускаго Офицера*. (*)

„Россійскія войска, преслѣдуемая непріятелемъ, шли отъ Браунау въ Вельсѣ. Императоръ шуда же ѣхалъ изъ Вѣны, то есть, со всемъ съ прошивной стороны: слѣдовательно на пути его не было еще даже и слѣдовъ ни Русскихъ, ни Французскихъ войскъ. Отъ чего же и гдѣ, по словамъ иноплеменнаго писателя, видѣлъ онъ развалины державы разрушенной? . . . Клевеша слѣпа: отъ того-то и въ описаніи семъ сбилась она съ настоящаго пути.“

(*) Все сіе говорится издашелемъ Рускаго Вѣстника.

СМЕРТЬ ГАВРИЛЫ ГАВРИЛОВИЧА
ГРАФА ГОЛОВКИНА.

Но возвратимся къ *Ламбаху* : въ семь мѣсѣвъ, изъ числа Русскихъ Героевъ, погибъ мужественный Полковникъ осьмага Егерскаго полку, Гаврила Гавриловичъ Графъ Головкинъ.

„На другой день по прибытіи Австрійцевъ въ *Вельсъ*, началось первое дѣло въ *Ламбахѣ*. Цесарскія войска, возвращавшіяся по большой дорогѣ изъ *Браунау*, были жестоко преслѣдованы Французскимъ авангардомъ. Австрійскій Генералъ Мерфельдъ требовалъ помощи. Генералъ Баграціонъ, расположась позади *Ламбаха*, опрядилъ два Егерскихъ полка, Павлоградскихъ гусаровъ и башарею конной артиллеріи. Сей опрядъ, порученный подъ начальство Графа Мерфельда, исполнялъ свой долгъ съ примѣрною храбростію; навелъ ужасъ на непріяшеля, и

получилъ похвалу отъ Цесарскаго Генерала. На сей сшибкѣ былъ смертельно раненъ Графъ Головкинъ; онъ сражался какъ истинной Герой и Россіянинъ (*).

Къ сему напомниманію о мужественномъ Полковникѣ Головкинѣ присовокупимъ еще слѣдующее.

Во время сраженія Головкинъ самъ спрѣлялъ по непріятелю, словами и примѣромъ своимъ ободряя подчиненныхъ. Одинъ изъ конныхъ Французскихъ спрѣльцовъ при раза насканивалъ и цѣлилъ въ Головкина; въ прешій разъ пуля поразила Героя. Въ послѣднія минушы жизни своей занимался онъ еще славою Опечесшва. „Умирая,” писалъ онъ къ брашьямъ своимъ: „жалію польско о томъ, что не могъ ока-

(*) Смолтр. Писма Рускаго Офицера
страни. 102.

„зашь всего усердія моего Госу-
 „дарю, и оправдашь того опли-
 „чія, кошорое опечешво предо-
 „спавляешь дворянамь.”

СРАЖЕНІЕ ПОДЪ АМШТЕТЕНОМЪ.

Сіе сраженіе происходило 25 Октябрия, 1805 года. Генералъ Милорадовичь, по приказанію Главнокомандующаго, принялъ непріятеля съ шремя полками пѣхошы и однимъ коннымъ полкомъ. Въ *Письмахъ Рускаго Офицера* можно видѣшь разположеніе нашего войска (*). „На правомъ крылѣ,” продолжаеть сочинитель сихъ писемъ: „Малороссійской Гренадерской полкѣ опкрылъ башальной огонь; а на лѣвомъ, гдѣ непріятель былъ сильнѣе, Абшеронскаго и Смоленскаго мушкетерскихъ полковъ баталіоны пошли на шпыки; непріятель опро-

(*) Стран. 177.

кинушѣ; многія его колонны разспроились, и бѣжали далеко. Вторая наша линія вступила въ бой уже при концѣ. Вообще дѣло сіе походило на маневры

Упомянемъ еще при семъ случаѣ извустное замѣчаніе сочинителя *Писемъ Рускаго Офицера*. Генералъ Милорадовичъ, помня наставленія Великаго Суворова, при самомъ началѣ сраженія приказалъ, чшобы Гренадерской его баталіонъ не заряжалъ ружей, а встрѣчалъ и разилъ непріятеля холоднымъ ружьемъ. Пошеря въ семъ дѣлѣ съ нашей стороны была маловажна: Генералъ Бергъ раненъ; а Генералы, Графъ Вишнѣнштейнъ и Кулебакинъ ошлично сражались подъ начальствомъ Генерала Милорадовича (*).

(*) Стран. III.

СКАЗАНИЕ ИНОПЛЕМЕННОГО ПИСАТЕ-
ЛЯ О АМШТЕТИНСКОМЪ ДѢЛѢ.

„Французы неушомимо преслѣ-
довали Рускихъ; перешедъ рѣку
Энсѣ, они побѣдили ихъ на вы-
сокахъ *Амштетинскихъ*, убили
400 человекъ, и взяли въ плѣнъ
1500. Сраженіе было упорно. Ру-
скіе вездѣ опрокинуты. Недиви-
тесь! Гренадеры Генерала *Удино*
поражали ихъ (*).”

Читатели легко могутъ усмотрѣть, простое ли описаніе сочи-
нителя *Писемъ Рускаго Офицера*,
или зашѣливой рассказъ инопле-
меннаго писателя правдоподоб-
нѣе; а мы вспомнимъ двухъ храб-
рыхъ Офицеровъ, погибшихъ на
сраженіяхъ подъ *Амштетиномъ* и
подъ *Кремсомъ*.

(*) *Исторія о Французской револю-
ціи*, ч. 10. стран. 228.

Полковникъ Ребиндѣрь.

„Маріупольскаго Гусарскаго полку, Полковникъ Ребиндѣрь, съ эскадреномъ своимъ врубился въ непріятельскую конницу; и пробившись сквозь оную, набѣжалъ на подкрѣплявшую ее пѣхоту; ударилъ на оную; но въ то же самое время картечный выстрѣлъ ранилъ его въ ногу, и убилъ поднимъ лошадь. Онъ упалъ и былъ изрубленъ Французскими гусарами. Сей храбрый Полковникъ своею рукою изрубилъ до десяти человекъ непріятелей. Подоспѣвшая конная артиллерія подъ начальствомъ храбраго Подполковника Ермолова, дѣйствовала опмѣнно удачно и опразила колонны непріятельскія (*).”

(*) Письма Русскаго Офицера, стран.
109.

Порутчикъ Дмитріевъ. (*)

За нѣсколько дней до сраженія подъ *Кремсомъ*, Дмитріевъ, посланъ былъ Генераломъ Милорадовичемъ къ передовымъ постамъ. Провзжая между горъ, и не видя почти ничего за шемношою глубокой осенней ночи, упалъ онъ съ лошадыю въ ровъ, разбилъ голову и лице такъ, что при перевязываніи ранъ лишился чувствъ. Наканунѣ сраженія подъ *Кремсомъ* раны его не были залечены. Многіе ему совѣщовали осшашься въ числѣ больныхъ; Дмитріевъ отвѣчалъ: „силы мои еще позволяюшъ мнѣ исполнить долгъ Русскаго Офицера.“ На другой день выступилъ онъ съ первыми спрѣлками въ бой; сражался два часа, и

(**) Сей Анекдотъ сообщенъ издашело уже по ошпечашаніи *Писемъ Русскаго Офицера*, сочинилемъ оныхъ.

бывъ раненъ въ ногу, возвратил-
 ся въ городъ для перевязыванія
 раны. Лекаря увѣщевали его успо-
 коиться и пребыть эшошъ день
 въ городъ. „Рускіе,” сказалъ онъ:
 „сражающся до послѣдней капли
 „крови.” Съ симъ словомъ поспѣ-
 шилъ опять на полъ сраженія. Къ
 вечеру, когда уже знамена Ру-
 скихъ полковъ развѣвались въ пы-
 лу у Французовъ, и побѣдоносное
 ура гремѣло между горъ, храбрый
 Дмишріевъ былъ убитъ. Онъ не
 успѣлъ насладиться торжествомъ:
 роковая пуля поразила его въ сер-
 дце. На другой день вѣрный слуга
 искалъ его между убитыми, и на-
 конецъ нашелъ тѣло Господина
 своего на берегахъ Дуная, гдѣ и
 предалъ его землѣ. Слезы друже-
 ства оросили могилу храбраго въ
 дальней и чужой сторонѣ, кошо-
 рая близка будетъ сердцу Рускихъ,
 по напоминанію о нашихъ Ге-
 рояхъ.

СРАЖЕНІЕ ПОДЪ КРЕМСОМЪ.

Въ Браунау всѣхъ Рускихъ войскъ находилось только двадцать тысячъ; оцѣ сраженій подъ Амштетеномъ, Ламбахомъ и Энсомъ; наконецъ оцѣ болѣзней и трудныхъ переходовъ безъ сомнѣнія число людей умалилось. Сверхъ того Генералъ Баграціонъ съ тремя полками опряженъ былъ на Будвейскую дорогу для развѣдыванія о непріятель: слѣдственно при Кремсѣ Рускихъ войскъ было можеть бысть только около двенадцати тысячъ. Но благоразумныя и искусныя распоряженія Генерала Кутузова доставили подъ Кремсомъ побѣду: непріятель былъ истребленъ, и Генералъ Грендоржъ взятъ въ плѣнъ.

Сочинитель Писемъ на стр. 87 и слѣдующей описалъ сіе дѣло. Къ нему извѣстію, присовокупляеть онъ: „еслибы мы опоздали прийти однимъ днемъ въ Кремсъ, то Фран-

цузы, переправившіеся въ *Линцъ* и нами разбишые, предвускоривъ нашъ приходъ, сожгли бы мосты въ *Кремсѣ*, и чрезъ то принудили бы насъ оспашься на другомъ берегу на произволь судьбы; но Генералъ *Купузовъ* предвупредилъ ихъ намѣреніе, и мы спаслись.

Сличимъ описаніе *Кремскаго* сраженія, почерпнутое изъ *Писемъ Рускаго Офицера*, съ повѣствованіемъ иноплеменнаго историка.

„Русское войско,” говоритъ онъ: „перешедъ Дунай, вступило въ *Кремсѣ*. Оно опасалось, чшобы Генералъ *Мортъе*, находившійся на лѣвомъ берегу рѣки, не пресѣкъ ему пуши. Двадцатаго Окшябра на разсвѣтѣ, Маршалъ *Мортъе* съ шестью баталіонами напалъ на Рускихъ при *Дерштейнѣ*. Сіе сраженіе,” продолжаетъ иноплеменный писатель: „будетъ всегда памятно въ лѣтшписяхъ военныхъ. Отъ шести часовъ утра до чешырехъ часовъ вечера, чешыре тыся-

чи Французовъ отражали Руское войско, состоящее отъ двадцати пяти до тридцати тысячъ." (*) и проч.

И въ другомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *о правѣ политическомъ и народномъ*, сказано: „что въ 1805 году, 20 Ноября, близъ Кремса, на берегахъ Дуная, четыре тысячи Французовъ разбили тридцать тысячъ Рускихъ (**).”

Я привожу сіи выписки не для брани и не для поношенія иноплеменныхъ; но для того единственно, чтобы показать соотечествен-

(*) Смолр. 10 часть *Исторіи Дезоаровой о Французской революціи*, стран. 231.

(**) Смолр. Французскую книгу: *о правѣ политическомъ и народномъ*. Судите о достоверности иноплеменныхъ извѣстій! Одинъ говоритъ, что подъ Кремсомъ сражались въ Октябрѣ, а другой утверждаетъ, что въ Ноябрѣ мѣсяцъ! . . .

никамъ, нашимъ, пристрастнымъ къ иноземцамъ, изъ какихъ вѣрныхъ источниковъ учимся мы Истории и Полишикъ. Одна только сія причина заставляешъ заглядывать въ ~~лѣтописи~~ лжи и клеветы. Прибавимъ еще, что проспешельно соотечественникамъ говоришь иногда пристрастно о соотечественникахъ своихъ; но не извинишельно Рускимъ мѣняшь свои преданія на иноплеменную ложь. —

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

20

20

